

**МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ
ПАРАДИГМА В
ФИЛОСОФИИ:

НЕУСТОЙЧИВОСТЬ
СОВРЕМЕННОГО МИРА**

Нижний Новгород
2020

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство образования, науки и молодежной политики Нижегородской области
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ФИЛОСОФИИ: НЕУСТОЙЧИВОСТЬ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Сборник статей
по материалам XV Международной научной конференции
(Н. Новгород, ННГАСУ, 20 марта 2020 г.).

Нижний Новгород
ННГАСУ
2020

УДК 140.8
ББК 151.1 + 87.3
М64

Материалы публикуются в авторской редакции

Мировоззренческая парадигма в философии: неустойчивость современного мира: [Электронный ресурс]: сборник статей по материалам XV Международной научной конференции (Н. Новгород, ННГАСУ, 20 марта 2020 г.) / Нижегород. гос. архитектур. – строит. ун-т; редкол. М. М. Прохоров, А. Ф. Кудряшев, А. Н. Фатенков, В. С. Лапшина – Н. Новгород: ННГАСУ, 2020. – 188 с. 1 электрон. опт. диск (CD-R). ISBN 978-5-528-00414-3

Философы, размышляя о мире, подчеркивают, что он находится в постоянном изменении, движении и развитии. Тем самым развитию придают устойчивый характер. Однако в те или иные периоды оно может становиться неустойчивым. Сегодня авторы все чаще видят проблему в том, что современное человечество развивается «неправильно», что оно оказалось «совсем не в том будущем, которого ожидало», ибо *выбрало* вариант, ведущий к неустойчивости развития мира.

Целью конференции является исследование философских оснований, причин, форм, иных факторов неустойчивости современного мира, социальной материи и ее развития. Данный срез гарантирует актуальность конференции и ее ориентацию на научный и философско-мировоззренческий подход.

Редакционная коллегия:

М. М. Прохоров (отв. редактор),
А. Ф. Кудряшев (зам. отв. ред.), А. Н. Фатенков (зам. отв. ред.), В. С. Лапшина

Рецензент – д. филос. наук, профессор М. М. Прохоров

ISBN 978-5-528-00414-3

© ННГАСУ, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Прохоров Михаил Михайлович</i> Неустойчивость мира современной социальной материи	6
<i>Каримов Артур Равилевич, Гурьянов Алексей Сергеевич.</i> Производство знания в современную эпоху: факторы неустойчивости и нестабильности	26
<i>Ковшов Евгений Михайлович.</i> Социально-рефлексивный анализ предпосылок дихотомии «либерализм – коммунитаризм»	31
<i>Кудряшев Александр Федорович.</i> Движение и эволюция	40
<i>Фатенков Алексей Николаевич.</i> О хаотичности современного мира и представлений о нём	46

Раздел II

Круглый стол:

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

<i>Авдошин Георгий Валерьевич.</i> Отношения видимого и невидимого в свете диалектики	52
<i>Адамов Алексей Константинович.</i> Философские аспекты формирования в XXI веке эпохи народного разума – ноосферы	55
<i>Арутюнян Каринэ Сергеевна.</i> Управленческое сознание как один из ключевых аспектов развития в условиях нестабильности социальной реальности	64
<i>Берендеев Вадим Анатольевич.</i> Специфика понимания общественно-государственного «порядка» и «беспорядка» в политико-философской концепции Карла Шмитта	67
<i>Богатырева Людмила Геннадьевна.</i> Диалектика старого и нового в жизни современной женщины	70
<i>Валишин Фан Талгатович.</i> От неустойчивости к управляемости	74
<i>Владимиров Александр Анатольевич, Зеленев Лев Александрович.</i> Социальная диагностика неустойчивого мира	76
<i>Гимкаева Альбина Динаровна.</i> Философские аспекты саморазрушения техносферы	79
<i>Дуплинская Юлия Михайловна.</i> Скачки в развитии как переключение программ	81
<i>Егорова Татьяна Игоревна.</i> Диалектика древней мести и современного уголовного наказания	85
<i>Ермолович Дмитрий Валентинович.</i> Парадигмальный характер политических трансформаций: поиск устойчивой парадигмы для современности	87
<i>Заладина Марина Владимировна.</i> Моральные измерения кризисного состояния современного мира (по материалам юбилейного 50-го доклада римскому клубу)	91

<i>Зеленцова Марина Григорьевна. Мораль как фактор устойчивости социальных систем</i>	94
<i>Зубкевич Лада Альбертовна. Основные принципы исследования направленности процесса развития человечества в современном переходном состоянии (в аспекте глобализации)</i>	97
<i>Зубкевич Лада Альбертовна. Общая характеристика тенденций в контексте развития человечества в современном переходном состоянии</i>	100
<i>Зубкевич Лада Альбертовна. Основные принципы исследования направленности процесса развития человечества в современном переходном состоянии (в аспекте целей развития)</i>	102
<i>Зубкевич Лада Альбертовна. Основные принципы исследования направленности процесса развития человечества в современном переходном состоянии (в аспекте этногенеза)</i>	105
<i>Кожевников Н.Н., Данилова В.С. Неустойчивость мира с точки зрения его системы координат на основе детерминистического хаоса</i>	107
<i>Лойко Александр Иванович. Человечество на грани устойчивости и неустойчивости: диалектика и синергетика</i>	110
<i>Лойко Лариса Егоровна. Современные идеологии в условиях неустойчивости социальных систем</i>	113
<i>Маслов Вадим Михайлович. Свобода как фактор устойчивости/неустойчивости современного мира</i>	116
<i>Нагорнов Евгений Александрович. Активистский источник религии как фактор неустойчивой картины мира</i>	120
<i>Петев Николай Иванович. Эффект «приемлемого уровня протеста» как инструмент социально-политического баланса</i>	123
<i>Петров Вадим Петрович. Сферно-институциональная оценка закономерности общественных трансформаций</i>	127
<i>Плюж Сергей Александрович. Специфика интерпретации культурного наследия как философской категории</i>	130
<i>Подоль Рудольф Янович. Социокультурные трансформации как фактор неустойчивости современного мира</i>	133
<i>Сорокин Роман Владимирович, Маслов Вадим Михайлович. Проблема постнеклассического этоса науки и устойчивости современного мира</i>	136
<i>Стеклова Ирина Владимировна. Коммуникационная модель конфликта</i>	139
<i>Стерледев Роман Константинович, Стерледева Тамара Дмитриевна. Проблема гиперформализации в социально-ментальных процессах XXI в.</i>	142
<i>Стерледева Тамара Дмитриевна. Электронная виртуальная реальность как фактор неустойчивости современного мира</i>	145
<i>Фармаковский Владислав Васильевич. Манифест ингениума, Жизнь и судьба в транспарадигмальном стардарте</i>	148
<i>Федорова Жанна Викторовна. Социальные последствия информационной революции</i>	151
<i>Хозерова Татьяна Петровна. Спиралевидность общественного развития как основной фактор диалектики</i>	153

<i>Чумаков Валерий Александрович.</i> К природе устойчивости взаимодействующих элементов материи	155
<i>Шамин Игорь Валерьевич.</i> «Управляемый хаос» как инструмент ведения США геополитической борьбы в реалиях «холодной войны 2»	158
<i>Шамин Игорь Валерьевич.</i> Особенности использования США технологии «стратегия управляемого хаоса» против государств Большого Ближнего Востока в начале 2010-х гг.	162
<i>Шетулова Елена Дмитриевна.</i> Интерпретации проблемы соотношения развития и движения в отечественной философии: советский и постсоветский период	165
<i>Шешменёва Мария Васильевна.</i> Инновационная политика государства как фактор социальной неустойчивости в обществе	168
<i>Шишкин Алексей Ефимович.</i> Идентитет культурно-исторического человека	171

Раздел III:

ВЫСТУПЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ, МАГИСТРАНТОВ И АСПИРАНТОВ

<i>Сёмина Галина Викторовна.</i> К вопросу об актуальности проблем самоидентификации этноса в глобализированном мире	176
<i>Филитович Софья Александровна.</i> Специфические особенности культур как основа философии культуры Лян Шумина	179

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	182
----------------------------	-----

Раздел I
ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

ПРОХОРОВ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

**НЕУСТОЙЧИВОСТЬ МИРА СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ
МАТЕРИИ**

Неустойчивость мира современной социальной материи – результат неразрешенного фундаментального противоречия общественной жизни как проявления материи.

«Философская теория о любых проявлениях материи всегда должна покоиться на адекватном отражении общих свойств движения» [27, с. 5]: материальности (объективности), абсолютности, относительности и противоречивости. Основопологающим является материальность, проистекающая из *принципа взаимообусловленности материи и движения*: они есть неразрывные моменты действительности, в которой движение есть всеобщий способ существования материи, материальной субстанции, внутренне присущий ей атрибут. Он обнимает собой все происходящие изменения и процессы, начиная от простого перемещения и кончая мышлением. Действительность в равной мере можно характеризовать, отмечал В.И. Ленин, или как материальное движение, или как движущуюся материю. Онтологически последняя есть всеобщая основа, общее содержание всех состояний изменения, гносеологически она есть объективная реальность, отражающаяся в ощущениях, представлениях и понятиях субъекта познания. *Абсолютность* движения означает, что отдельные состояния мира есть результат движения самой материи, ее самодвижения или материального движения, составляющего предмет мышления. *Относительность движения* в философском смысле означает, что абсолютная природа движения материи не выступает непосредственно, а реализуется всегда и только в конкретных, качественно и количественно определенных, локально и исторически ограниченных, зависимых от конкретных условий, преходящих и в этом смысле относительных формах движения. Главное содержание понятия относительности заключается в признании преходящего характера всех его конкретных форм. Ничто не вечно, кроме вечно изменяющейся, вечно движущейся материи, законов ее движения и изменения. На любое состояние материи следует смотреть как на состояние ее движения и всегда нужно ожидать ее изменения и перехода в иное состояние движения.

Изменения порождаются противоречиями. *Противоречивость движения* выступает в форме единства устойчивости и изменчивости: любое изменение состояния сопровождается сохранением, устойчивостью, покоем основы данного изменения; самодвижение, самоизменение, саморазвитие предполагает

относительную устойчивость того, что изменяется; без устойчивости объектов изменения невозможно само изменение, как таковое. Движение, изменение, развитие связаны с устойчивостью, сохранением, и без него не существуют, наоборот, всякий покой, устойчивость есть лишь выражение состояния самодвижения и развития. Движение и развитие устойчивы, а устойчивость есть устойчивость самого движения и развития. Каждая противоположность противоречива сама по себе, утверждает и отрицает другую противоположность, значит, утверждает и отрицает саму себя. Их соотносительность раскрывает природу процессов. Мир состоит не из готовых, законченных *предметов*, а представляет собой совокупность процессов, в которой предметы, кажущиеся неизменными, как и делаемые головой мысленные их снимки, понятия, находятся в беспрерывном изменении. Эта противоречивость является противоречивостью общего, лежащего в основе всех других противоречий, выражая общую природу всякого движения, включая развитие. Ведущей в изменении действительности выступает изменчивость, вторичной – устойчивость, покой: все новое в состоянии материи, в мире привносится движением и развитием, устойчивость фиксирует результат. Диалектический подход должен быть проведен полно, по отношению к самой объективной реальности, составляющей предмет мышления. Значит, смысл противоречивости движения как общего свойства объективного мира (как абсолютности и относительности движения) связан с основным вопросом философии о первичности или вторичности материи по отношению к сознанию, которое является вторичным, производным, подчиненным по отношению к материи в целом [28, с. 5-11]. Такой подход отличается от *идеалистического* диалектического подхода Гегеля, проведенного им «полно лишь по отношению к процессу мышления, но никак не по отношению к самой объективной реальности, составляющей предмет мышления»; «дух, проникая ее, оживляет ее изнутри и заставляет двигаться и даже развиваться»; «своего собственного, имманентного самодвижения» она «не имеет» [10, с. 130].

Обладая способностью развиваться, созидать новое материя порождает *homo sapiens*, в деятельности которого бытие и его развитие пролонгируется так, что далее имеет место их соразвитие, коэволюция. Однако человек способен совершать действия, разрушающие это соразвитие, коэволюцию развития бытия и человека, объективного и субъективного. Такие действия приводят к неустойчивости современного мира, который подлежит рассмотрению с точки зрения его имманентной границы и присущих ему противоречий, «толкающих» это «нечто» вперед за свои пределы или, напротив, сдерживающих его в данных границах.

Объективный анализ капитализма, реализованного К. Марксом, привел к установлению *наиболее общего содержания современного мира* как эпохи перехода от капитализма к коммунизму, его прехождения и возникновения на его почве коммунизма, развивающегося далее на собственной основе. К. Маркс раскрыл особенности современного ему капитализма свободной конкуренции, в котором действовала закономерность равномерного развития подавляющего

большинства входящих в него стран. С учетом этого уровня *особенного* им был сделан вывод, что переход от капитализма к коммунизму произойдет одновременно в наиболее развитых странах на высшей ступени развития капитализма, когда его потенциал будет исчерпан, а поскольку экспроприации подлежала небольшая группа собственников-узурпаторов, в сравнении с экспроприацией многочисленной народной массы немногими узурпаторами при возникновении капитализма, то, полагал К. Маркс, этот процесс будет достаточно быстрым [16, с. 348]. К. Маркс показал, что капитализм на высшей стадии своего развития сам создает материальные средства для своего уничтожения: в его недрах «начинают шевелиться силы и страсти, которые чувствуют себя скованными этим способом производства. Он должен быть уничтожен, и он уничтожается» [15, с. 771-773]. В «Манифесте коммунистической партии» основоположники марксизма помимо объективного «момента» указали на пролетариат как на тот *субъект*, что представляет все человечество, интересам которого эти объективные изменения соответствуют и который является противником буржуазного класса. «Буржуазия сама производит и своего могильщика, революционный пролетариат, ее гибель и победа пролетариата одинаково, – по их мнению, – неизбежна» [19, с. 434-435]. Так выстраивается идея соразвития, коэволюции объективного и субъективного моментов в истории, их соответствии друг другу [24, с. 36-41], которое в современном мире нарушается изменившейся борьбой буржуазии и пролетариата. К. Маркс исследовал также уровень *единичного*, наиболее конкретного содержания современного мира, например, в связи с существованием в России крестьянства и доставшейся ей еще от крепостного права общины [18, с. 12-20].

Исследование капитализма В.И. Лениным («Развитие капитализма в России», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Военная программа пролетарской революции», «О лозунге Соединенных штатов Европы») подтвердило научные положения К. Маркса о наиболее общем содержании современной эпохи как переходе от капитализма к коммунизму, но выявили и раскрыли изменения в природе капитализма на уровне *особенного*: на смену капитализму свободной конкуренции пришел обновленный, государственно-монополистический капитализм, был открыт новый закон *неравномерности* развития разных стран капитализма в эпоху империализма и сделан вывод, что социализм не может победить одновременно *во всех* странах, что первоначально он победит в одной или нескольких странах, а остальные останутся буржуазными или добуржуазными, ибо изменившийся капитализм выделил теперь горстку («менее одной десятой доли населения земли, при самом «щедром» и преувеличенном расчете менее одной пятой») особенно богатых и могущественных государств, которые грабят весь мир. Соответственно этим изменениям изменялось содержание идеи соразвития, коэволюции объективного и субъективного моментов в истории. Таков результат превращения «конкуренции» в «монополию» в экономике «новейшего капитализма».

В.И. Ленин учитывал также черты характерного для России *уровня единичного*, наиболее конкретного содержания, в частности, он видел в ней

наиболее слабое звено в цепи капитализма, ибо низы не хотели жить «по-старому», готовы были бороться против условий тогдашней жизни, «идти на смерть», а верхи не могли управлять «по-старому», не могли «наладить» жизнь. Предлагалось прорвать капиталистический мир, перейдя от стихийности к сознательно управляемой истории в целях гуманизации человеческой жизни для подавляющего большинства пролетариата и крестьянства, всех трудящихся. Соответственно этому обновилась по своему содержанию идея коэволюции, соразвития объективного и субъективного.

В итоге этих преобразований в историю человечества вошли события, отличившие ее от предсказаний Маркса: капитализм не был революционно изменен в своей основе в наиболее развитых странах. В дальнейшем он заимствовал внедрение в механизм человеческой истории, из-за боязни господствующих на Западе слоёв потерять всё, «как в СССР». Господствующие классы пошли даже на «перевыполнение» своей исторической миссии, допустив «начала» социальности, человечности, гуманизма, социального государства. Пошли на заимствование элементов социализма, чтобы избежать краха. Е.Т. Гайдар писал, что ряд стран капитализма претерпели настоящую революцию в общественной жизни, пойдя по пути демократизации и социализации. Он писал о «прививке социализма», которая спасла его от краха, о влиянии марксизма. Теория марксизма, по замыслу создателей, была призвана быть «теоретическим оружием» пролетариата, но стала и «практическим оружием» буржуазии: она «повлияла на Запад не как цианистый калий, а как средство, которое предупредило действительно смертельную болезнь». «Не механическое подавление марксистской оппозиции, а ее ассимиляция (подчас под аккомпанемент антимарксистской риторики) - таков был реальный ответ капиталистического общества... Запад пережил мучительную мутацию...» [4, с. 37]. «Качественный перелом» на Западе во второй половине XX века отмечает и А.А Зиновьев, стремясь рассматривать его «научно», т.е. с беспристрастных, бесклассовых позиций, выражая в «логике», в языке то, что уже произошло, хотя образующие его изменения реально происходили «на некотором дологическом уровне» [9, с. 175], под страхом того, что придет «коммунистическая эпоха». В результате борьба капитализма и социализма обновилась, возникли черты их конвергенции. Ослабляя капитализм, они усиливали его. Они ослабляли СССР и социалистические страны: на XXII съезде КПСС в 1961 г. был осуществлен отказ от диктатуры пролетариата под предлогом перехода к «общенародному государству», которое перестало быть государством рабочего класса; начался контрреволюционный переход в капитализм, завершившийся в 1991 году юридическим переводом в частную собственность государственных средств производства. Свершился переход «обратно в капитализм» и СССР перестал существовать. После «перестройки» в СССР, новые правители России, сохраняя приверженность этой «социальной технологии», изменили *социальные* цели эволюции, предали прежние, социалистические. Они резко сократили численность рабочего класса, уничтожив 78 тысяч предприятий, промышленных и сельскохозяйственных, чтобы некому было бороться против них, озаботив людей поиском места работы

и «куска хлеба». Страна стала жить добычей и продажей сырьевых ресурсов – нефти, газа и т.п., став колониальным «сырьевым придатком» развитых стран капитализма. Основную роль стали играть олигархи и обслуживающие их чиновники «вертикали власти», судебной-правовой системы, половина надвое расколовшейся внутри себя интеллигенции, полицейские, значительная часть прикормленных спортсменов, артистов и т.п. Новые «творцы современной истории упорно загоняют поток истории в ограниченное искусственное русло, исключая ... ответвления от основного течения». Тем самым они «делают исторический поток *предопределенным*, а значит, уже не зависящим от их воли» и следят за тем, чтобы «в нем не возникли трещины, чтобы какие-нибудь злоумышленники не проделали в нем дыры» [7, с. 217-218].

Впрочем, после исчезновения СССР, поражения социализма в мире западные страны тоже избавляются от «заимствованных» «начал», в них утверждается, что капиталистический строй является вечным и в основе своей неизменным, а «преодоление всех зол и установления всеобщего благоденствия усматривается в научном и техническом прогрессе», причем предполагается, что «западный мир обладает технической и экономической мощью, достаточной для осуществления задуманных проектов» [7, с. 215]. Они по-прежнему не доверяют России, в народе которого, в его сознании видят сохранение угрозы сил социализма, в силу чего через «санкции» затрудняют даже компрадорской буржуазии России влиться в состав Запада. В ленинской характеристике социализма как советской власти «плюс» электрификации всей страны предполагается, что научный и технический прогресс осуществляется в контексте диктатуры пролетариата.

При сохранении неодолимости нового в общей диалектике единства устойчивости и изменчивости мира социальной материи возникает неустойчивость в его развитии. Неустойчивость развития современного мира, противоречия, порождающие его сдерживание, торможение неправомерно абсолютизировать. Их нужно рассматривать в контексте всей системы онтологических оснований, откуда следует не абсолютный, а *относительный, преходящий* характер современных противоречий, во многом имеющих субъективный характер.

Далее мы выделим три момента, в которых обнаруживаются философские основания неустойчивости современного мира. Первый связан с выбором мировоззренческой самоидентификации человека, который задает стратегию истории, второй коренится в противоречивости при возникновении социализма, третий – в противоречиях современной эпохи, в частности, в борьбе диалектики и метафизики, «перетекании» последней из теории в область практики, наконец, в отказе от понятия истины.

Исходным является выбор мировоззренческой самоидентификации человека, на базе которой разрабатывается и реализуется концепция истории. С нашей точки зрения, в России она уходит корнями в концепцию русского космизма (включая теорию ноосферы) и/или в марксизм, поскольку именно эти системы философии предложили переход от первого «осевого времени» ко второму, радикально изменив мировоззренческую самоидентификацию

человека. К. Ясперс, автор концепции «осевого времени», писал, что осевое время на поверку обернулось в Европе Нового времени временем катастрофичного обеднения в области духовной жизни, человечности, любви и творческой энергии, и лишь успехи науки и техники составляют его величие в сравнении со всем предшествующим периодом. В то же время он допускал, что история, возможно, придет к новому, еще далекому и невидимому второму осевому времени, к «подлинному становлению человека», которое окажется по-настоящему «универсальным и всеохватывающим» утверждением *человечности*.

Представители философии русского космизма исходили из противоположности созерцательного (адаптирующего человека к миру) и активистского (обеспечивающего господство человека над миром) типов мироотношения, которое базировалось на представлении о противоположности между духом и материей, человеком и природой, душой и телом, характерной для христианства. Оно распространилась в Европе, по словам Ф. Энгельса, со времени упадка классической древности [30, с. 495]. Особая роль признавалась за сознанием, «... *работой духа, которая естественную форму — природу упраздняет... природа... исходит в дух. Одухотворение природы есть сотворение человека, или, лучше, сам человек и есть это исхождение природы в дух, ибо человек, как и Янус, имеет два лица, два фаса... Боги будете, сказано в Писании*» [29, с. 63]. Созерцательная самоидентификация адаптирует человека к мирозданию, его фундаментальным чертам, законам как основаниям, «предпосылкам» деятельности человека. В ней уже древние мыслители видели мудрость, идеал космичности существования. Даже изменяя мир, создавая новое, человек толкует его как движение «самого» мира, а себя признает действующим «от лица» мировой сущности, субстанции. По Гераклиту, никакой Бог и никакой человек не создал Космос, один и тот же для всего существующего; он всегда был, есть и будет вечно; если в человеке погасить претензию на чрезмерную субъективность, тогда и в ней открывается жизнь «субстанции», являющей себя через человека разумного. Сознание обеспечивает человека знанием его законов и соответствующим этому знанию действием и мышлением. Субстанция может толковаться как любая органическая система, целое, куда входит и которой «определяется» человек [10, с. 106-131].

Созерцательная позиция не противоречит классическому естествознанию, по которому человек порождается в конце естественной эволюции, будучи «высшим» продуктом эволюции *самой* природы. Поэтому он не мог представляться творцом природы. Вначале природа выступает в формах не сознающей себя бессознательной объективности, а в лице человека обретает сознательность, не переставая быть природой. Человек, приходит «слишком поздно», чтобы быть творцом такого процесса. Однотипную картину рисует объективный идеалист Гегель, обосновывая «разумную точку зрения» как «примирение с действительностью»: «индивидуум здесь упраздняет свою непокорную личность, отказывается от нее и находится со своим сознанием внутри некоторого целого»; каждый есть сын своего времени; «глупо думать,

что отдельный индивидуум может перепрыгнуть через свою эпоху» [5, с. 16, 59].

Но если «мировой процесс» идет к концу (второе начало термодинамики, «тепловая смерть Вселенной», раскрытие К. Марксом заката капитализма и т.п.), то человечество попадает в ситуацию смертности. Человек оказывается перед необходимостью взять бразды управления «мировым процессом» в свои руки, «выходя из потаенности» в мировом процессе, он заявляет претензии на господство, на преодоление «самости» мироздания.

Оба типа самоидентификации противопоставил Л. Фейербах, защищая созерцательность от претензий всепожирающей «субъективности», «творчества» – в религии древних иудеев. Ему вторит Л. Шестов, но выбирает активистский тип самоидентификации.

Исторически дорогу активизму прокладывала мечта о покорении всего сущего. Выбор базировался на религии и идеализме. Библия обещала «новую землю», отказываясь встраивать мышление в контекст созерцательной episteme в пользу преобразующего мир τέχνη, что свидетельствует о технологических корнях религии, о склейке религии и технологии, которую мы видим в философии А.В. Сухова-Кобылина, Н.Ф. Федорова, С.Н. Булгакова и др. Религия Средневековья выпестовала активистскую самоидентификацию, правда, как концепцию божественного творчества, что сделало возможным переход к капитализму, развернувшему в пространстве природы, вышедшее «из потаенности» и сжирающее ее «хозяйство». Человек перестал ссылаться на Творца. Мир попадает в зависимость от самого человека, его «деятельности». Космизм обожествляет технику и технологию мирового «хозяйства», «охватывающего» мир с опорой на науку и технику, объединяемых в «технонауку» [11, с. 6]. Н.Ф. Федоров, основоположник философии русского космизма, переосмысливает понятие «космизма», заявляя, что его суть не в господстве космоса над человеком Гераклита, а в господстве человечества над космосом, претворяющим в нем свое «общее дело»; он критикует науку, которая занимается познанием, лишь созерцающим мир, ее дело состоит в его преобразовании человеком; критике подвергается даже позиция И. Канта, расцениваемая как воплощение созерцательности, ибо нужно не на словах, а на деле перейти к преобразованию мира. Фантастичность возможности такого перехода, пишет Н.Ф. Федоров, «только кажущаяся; необходимость такого перехода несомненна для трезвого, прямого взгляда на предмет, для тех, кто захочет принять во внимание все трудности к созданию общества вполне нравственного, к исправлению всех пороков и зол...», а отказаться от решения этой проблемы, значит «отказаться быть человеком» [26, с. 71-72]. Такой переход, по Н.Ф. Федорову, осуществит либо сам человек, либо его претворит Бог, пантеистически заявляет философ, против чего выступит С.Н. Булгаков, в наше время – М.А. Киссель (Метафизика в век науки: опыт Р. Дж. Коллингвуда. – Санкт-Петербург: «Искусство–СПБ», 2002. С. 225.).

Важным фактором экспансии активизма стала идеалистическая философия (Лейбниц, Кант, Фихте). Согласно Л. Шестову, ошибочно видеть в субстанциональной действительности «само по себе существующее». Чтобы

проникнуть в настоящую действительность, нужно почувствовать себя Хозяином мира, повелевать, прорвавшись туда, где делается бытие. «Космос античности и средневековья... исчез, – констатирует Н.А. Бердяев, – человек нашел компенсацию и точку опоры, перенеся центр тяжести внутрь человека... Идеалистическая философия нового времени и есть эта компенсация за потерю космоса, в котором человек... чувствовал себя окруженным высшими силами... Мощь техники продолжает дело раскрытия бесконечности пространств и миров...» [2, с. 154].

Бытие снимается в деятельности. Процесс развития превращается в деятельность. Она отличается от стихийного развития целеполагающим характером: внутрь него вводится цель, средства и методы ее реализации, что превращает его в полностью управляемый и контролируемый человеком в своих собственных интересах. Причем, цель достигается быстрее, чем результат в процессе развития, совершаемый путем проб и ошибок.

Универсализация деятельности означает, что мир становится вторичным по отношению к «делу» человека, который был в свое время порожден и детерминирован миром. В начале своей истории человек, пишет Н.А. Бердяев, был рабом природы; и он начал борьбу за свое освобождение. Он создал культуру, государства, национальности, классы, но стал их рабом. Тогда он вступил в новый период – для овладения *иррациональными* общественными силами: создает *организованное* общество, развитую *технику*, но это делает человека *орудием* организации жизни и окончательного овладения природой. Он, человек, становится рабом организованного общества и техники, машины, в которую *превращено* общество и незаметно *превращается* сам человек [2, с. 162]. Н.А. Бердяев видел противников созерцательной самоидентификации и в большевистской революции: «Я сознал совершенную неизбежность прохождения России через опыт большевизма. Это момент внутренней судьбы русского народа, *экзистенциальная* его диалектика. Возврата нет к тому, что было до большевистской революции, все реставрационные попытки бессильны и вредны, хотя бы то была реставрация принципов Февральской революции. Возможно только движение вперед после пережитого катастрофического опыта» [1, с. 228].

В марксизме изменение самоидентификации человека связывается с деятельностью – материалистически и диалектически толкуемой практики. В нем преодолевается уходящее в христианство представление о противоположности между духом и материей, человеком и природой, душой и телом. Как говорилось, обладая способностью развиваться, созидать новое материя порождает *homo sapiens*, в деятельности которого бытие и его развитие пролонгируется так, что далее имеет место их соразвитие, коэволюция. Тем самым осуществляется выход за пределы созерцательности и активизма, в границах противоположности которых разрабатывалась философия русского космизма. Преобразование реальности и самого себя человеком происходит в «практике», которая, по К. Марксу, есть «полная разработка потенциальных возможностей человека», «развитие всех человеческих способностей как самоцель», его развитие «без всякой установленной заранее мерки». В «Тезисах

о Фейербахе» К. Маркс, воспринимая материализм этого мыслителя, анализирует и критикует его созерцательную позицию. В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс обнаруживают, что вполне реальные условия господства определенного класса общества, власть, вытекающая из его экономического, имущественного положения, находит «практически-идеалистическое выражение»; значит, противоположность материалистического и идеалистического подходов является не только теоретической, но «перетекает» в практику. История людей есть практика, которая предстает в своей сущности как «производство». Разрабатывая философию истории, они раскрывают природу «производства», анализ которого приводит их к выводу о грядущем переходе от предыстории к истории людей. Предыстория есть закономерная смена антагонистических формаций, каждая из которых проходит стадию восходящего развития, отрицая предшествующую, и переходит в стадию нисхождения, вступая в борьбу с приходящей ей на смену формацией. Капиталистическая формация, исчерпывая свой потенциал, подводит человечество к закату, преодоление которого побуждает трудящихся, «рабочих» взять власть в свои руки и вершить историю в качестве полноправных субъектов, а не «расплавленных» агентов стихийного процесса. Теоретически, абстрактно К. Маркс рассматривал капиталиста лишь как «персонифицированный капитал», который функционирует в процессе производства в качестве «носителя капитала», рабочий же – «средство производства», из которого капитал выкачивает «определенное количество прибавочного труда» [16, с. 348].

Переход от предыстории к истории станет переходом к рационально регулируемому человеком своего «обмена веществ с природой», «в сфере собственно материального производства», которое останется «царством естественной необходимости», хотя и поступающего под их «общий контроль» (в условиях «предыстории» он «господствовал над ними как слепая сила»). При переходе к истории произойдет расширение «царства естественной необходимости», вызываемое расширением человеческих потребностей и производительных сил. Но возникает и сфера свободы, которая лежит «по ту сторону сферы собственно материального производства», где «начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе» [16, с. 349]. Экономика перестанет быть универсальным, обуславливающим общество в целом началом, господствующим над всеми подсистемами общества [25, с. 5-12]. Это изменение произойдет на высшей ступени развития капитализма, в его наиболее развитых странах на высшей ступени *равномерного* развития стран капитализма.

Стихийная эволюция уступает место, констатировал А.А. Зиновьев, «проектируемой и управляемой истории», когда «целенаправленный, планируемый и управляемый компонент эволюционного процесса стал играть определяющую роль в конкретной истории человечества» [8, с. 320], в связи с «эволюционным переломом в истории человечества, который произошел во

второй половине 20 века» [8, с. 5].

Переход к «истории» начался с социалистической революции 1917 г. в России. Она не представляла собой страну с высшим уровнем капиталистического развития, она страдала от его недостаточного развития. Г.В. Плеханов, следуя букве марксизма, выступил против большевистской революции, указывая на «незрелость» пролетариата и «буржуазии тоже». Он признавал, что человеческий разум не мог быть демиургом, творцом истории, будучи сам *ее продуктом*. Но раз этот продукт уже «явился», то он *не* должен и по самой своей природе *не может* подчиняться завещанной прежнею историей действительности; он по необходимости стремится *преобразовать* ее по своему образу и подобию, чтобы сделать ее *разумной* [22, с. 691-692] в смысле «второго осевого времени», гуманизации, очеловечения, «оразумления», чтобы обеспечить примат сил восхождения, а не *вырождения*. По Г.В. Плеханову, марксизм вносит принципиальные изменения в трактовку самоидентификации, выходя за границы активизма, базирующегося на религиозно-идеалистическом подходе, исходно отчуждающим человека и его сознание от мира, провозглашая первичность разума, сознания, идеи над миром. Но он указывает на устарелость человека созерцающего и опасность человека активистского, который стремлением господствовать над миром обрекает себя на самоуничтожение, игнорируя бытие и его развитие. Его деятельность должна быть *согласованной* с бытием и его развитием. Нужно развивать «монистический взгляд на историю», а не уподоблять человека царю Мидасу, обрекавшему себя на гибель. Г.В. Плеханов считал необходимым «ждать», пока созреют объективные условия для социалистической революции в ходе *стихийного* (анонимного, по К. Ясперсу) процесса, когда «созреет» пролетариат; и «буржуазия», которая выполнит свою историческую миссию. Тогда реализуются условия коэволюции, соразвития. Он понимал, что большевистский план, предложенный «максималистом» В.И. Лениным, был реакцией, ответом на «недостаток» России и потому отказался от борьбы с большевиками, ибо это означало бы также борьбу против рабочего класса, «делу освобождения» которого он посвятил « всю свою жизнь » («не могу бороться» «со своими братьями», хотя бы и обманутыми «кривыми вожаками»), ибо это было чревато также (в случае краха большевиков «сейчас») наступлением «глубокой, затяжной реакции, в результате которой пострадает и российская, и западная социал-демократия, а завоевания пролетариата будут утрачены». Так писал Г.В. Плеханов в своем «Политическом завещании».

В.И. Ленин, открыв закон *неравномерности* развития разных стран капитализма в эпоху империализма (1915-1916), сделал вывод, что социализм не может победить одновременно *во всех* странах, что первоначально он победит в одной или нескольких странах, а остальные останутся буржуазными или добуржуазными. Он утверждал, что поскольку господствующие классы России отказались от своей исторической миссии, которую они выполняли в иных странах мира, пойдя на сговор с представителями феодального строя, то для преодоления *застоя* необходима революция, переход власти к пролетариату и представляющей его партии, чтобы более широкие слои трудящихся могли

выступить субъектами исторического творчества. Разумеется, это предполагало подавление сопротивления господствующих классов, в целях освобождения от нищеты, безграмотности и т. п., в целях создания условий для реализации ими творческих способностей, на что они не могли рассчитывать в предшествующей истории [23, с. 154-184]. Он говорил о России как о наиболее слабом звене в цепи капитализма, который можно прорвать, перейдя от стихийности к сознательно управляемой истории в целях гуманизации человеческой жизни для подавляющего большинства трудящегося, примеру которых последуют другие страны капитализма, и тогда революция приобретет мировой характер.

Завоевав власть, большевики не были заинтересованы в гражданской войне, которая была инициирована белогвардейскими защитниками старого общества и поддержана четырнадцатью иностранными державами капиталистического мира. Они были вынуждены принять участие в гражданской войне и вышли в ней победителями, что позволило приступить к сознательному построению общества нового типа. И после Второй мировой войны лозунг «Да здравствует коммунизм – светлое будущее всего человечества» выглядел совсем не утопически. Огромная часть человечества верила в то, что дни западнизма (капитализма) сочтены, и что будущее принадлежит коммунизму» [9, с. 324]. Так с Октябрьской революции 1917 г. берёт начало новый механизм социальной эволюции в истории людей, позволяя называть её «великой», ибо наша страна, опираясь на «глубинный историзм», «монистический взгляд на историю» Маркса более чем на полвека опередила в этом отношении весь западный мир [9, с. 229].

Итак, марксистские движения оказались успешными не в самых развитых странах капитализма и это стало вторым философским основанием неустойчивости общества, усложнив и осложнив вплоть до настоящего времени историю. Капитализм оказался прорванным в своем наиболее слабом звене, не будучи революционно измененным в своей основе в наиболее развитых странах, как предсказывал К. Маркс. Это, во-первых. Во-вторых, обновлением онтологии человеческой истории воспользовался капитализм, который использовал эволюционный перелом в целях пролонгации собственного существования. «Западный мир» заимствовал внедрение в механизм человеческой истории из-за боязни господствующих слоёв потерять всё, «как в СССР». Господствующие классы пошли на заимствование элементов социализма, чтобы избежать краха, что и констатировал Е.Т. Гайдар, ярый противник марксизма и Советского Союза, активно боровшийся против социализма. В-третьих, *истина* марксизма была использована в интересах пролонгации существования самого капитализма в условиях возникшего страха того, что придет «коммунистическая эпоха»; капитализм стал прибегать к методам *паразитического* использования социалистических начал ради пролонгации своего *фактического* существования. В-четвертых, возникла *современная эпоха*, эпоха сосуществования и борьбы капитализма и социализма. И марксизм в ней стал практическим оружием не только пролетариата, для которого он создавался, но и буржуазии; этот парадоксальный факт подтверждается практикой Рузвельта, теорией Кейнса,

антикоммунистом Е. Гайдаром.

После «перестройки» в СССР, новые правители России, новые «творцы современной истории упорно загоняют поток истории в ограниченное искусственное русло», «делают исторический поток *предопределенным*, а значит, уже не зависящим от их воли» и следят за тем, чтобы «злоумышленники не проделали в нем дыры» [7, с. 217-218]. Западные страны избавляются от «заимствованных» «начал», утверждают, что капиталистический строй является вечным и в основе своей неизменным, усматривая возможность «преодоления всех зол», «установление всеобщего благоденствия» «в научном и техническом прогрессе», полагая, что «западный мир обладает технической и экономической мощностью, достаточной для осуществления задуманных проектов» [7, с. 215]. Они по-прежнему не доверяют России, в народе которого, в его интересах, видят сохранение угрозы скрытых сил социализма, в силу чего через «санкции» затрудняют даже компрадорской буржуазии России влиться в состав Запада.

Чтобы указать третий момент нестабильности современного мира, нужно учесть особенности современной эпохи. Во-первых, в ней распространяются процессы имитации: история становится жертвой субъективного произвола и «зеркальных законов», порождаемы перескакиванием из тренда восходящего развития развития в нисходящую ветвь эволюции, в деградационные процессы. Социальные законы при этом продолжают свое действие, но оказываются *зеркальными* к законам «восходящего» развития, доминирования восхождения над нисхождением. Здесь «действуют те же общие социальные законы, что и на восходящей ветви, но действуют» они «как зеркальное отражение их действия на восходящей ветви, то есть одновременно похоже, но и наоборот». В результате мы оказываемся в ситуации, когда люди стремятся мыслить и творить «так, как положено действовать для успеха, но их усилия, которые могли бы принести успех в восходящей ветви эволюции, теперь, в ситуации эволюционного упадка, дают результаты противоположные. Получается лишь имитация подъема, успеха». Зоной иллюстрации этих теоретических положений А.А. Зиновьев рассматривает постсоветскую Россию с ее нисходящей ветвью эволюции, засильем симулятивных действий, ремейков и т.п. [9, с. 440].

Во-вторых, изменяется борьба диалектики и метафизики, выступая философской основой нестабильности современного мира. Их противоположность впервые охарактеризовал Ф. Энгельс, согласно которому вначале метафизика отвергала диалектические принципы и законы всеобщей связи и развития с позиций «здорового человеческого рассудка» и метафизического метода, возникшего в новоевропейской науке [31, с. 202-204]. Однако, констатировал В.И. Ленин, в XX веке (да и в конце XIX века) «с принципом развития» соглашаются «все» [13, с. 229], включая сторонников метафизики, которые «обращают внимание» на его второстепенные, случайные, поверхностные аспекты, в отличие от диалектики, требующей раскрытия фундаментальных характеристик. Метафизические «согласие» с принципом развития, отмечал В.И. Ленин, «есть того рода согласие, которым душат и опощают истину». Он выставляет проистекающее из самой онтологии бытия

требование «точнее понять эволюцию»: «если в с е развивается», то это «относится» «и к самым общим понятиям и категориям мышления», в противном случае мы «отвязываем» мышление от бытия. Если мы *связываем* мышление с бытием, «значит, есть диалектика понятий и диалектика познания, имеющая объективное значение» [13, с. 229]. Как отмечал К. Маркс, «даже самые абстрактные категории», представляют собой продукт исторических условий и обладают полной значимостью для этих условий и внутри их, будучи «*практически истинными*» [17, с. 217-218]. В современную эпоху противоположность диалектики и метафизики оформляется в виде противостояния диалектики позитивной и негативной, с приматом нисхождения над восхождением. По словам А.А. Зиновьева, диалектика, «одно из величайших достижений в истории человеческого интеллекта фактически было извращено и опошлено, во всяком случае – было исключено из арсенала научного познания социальных явлений», что «не имеет никакого разумного оправдания», ибо «в реальной жизни очевидным образом происходит все, о чем говорили диалектики»; «современные исследователи... боясь упреков в почтении к диалектике как идеологической доктрине, игнорируют это или не испльзуют на уровне методологии научного познания, отрезая тем самым для себя возможность такого познания» [9, с. 166-167]. Впрочем, А. Зиновьев утверждает, что и Маркс, «один из самых выдающихся умов в истории человечества», вместо научного подхода отдался «во власть обывательского и идеологического способа мышления», создав «нерелигиозную идеологию, а не науку», поскольку встал на защиту интересов определенной категории людей, не сохранил беспристрастного отношения к социальным явлениям, проявил эмоциональную вовлеченность в отношения между людьми, не явил безразличия к интересам тех или иных классов людей. А.А. Зиновьев возвеличивает «беспристрастное научное познание социальных объектов», ставшее «социальным табу». Именно «классовая позиция Маркса была одной из причин, сбивших его с научного подхода к обществу и к социальной эволюции на идеологический» [9, с. 171-173]. Правда, в другом месте, размышляя о современной глобализации, А.А. Зиновьев заявляет нечто противоположное, полагая, что «рассчитывать на некое академическое и морализаторское единодушие в понимании этого процесса было бы наивным», требует установить «кто есть кто» и «какую роль играет» в этих процессах [8, с. 337]. Ведь «человечество и входящие в него объединения людей не есть нечто однородное», а «интересы людей и их объединений различны, зачастую противоположны. Проектируемость и управляемость эволюции в реальности осуществляется в борьбе враждебных сил, в пользу одних и во вред другим», «не считаясь с последствиями в будущем» [8, с. 595].

Сегодня негативная диалектика «перетекает» из теории в сферу практики господствующих слоев, принося с собой вырождение, доминирование деградиционных процессов, противоречащих универсальному характеру развития бытия и всестороннему развитию людей, которые лишаются возможности использовать коэволюцию мира и человека, подчиняясь диктату господ. На это все чаще указывают современные авторы, специалисты в

области истории. Так, А.В. Юревич, отмечая многовариантность истории и ее зависимость от нашего «выбора», пишет не столько о низкой сбываемости прогнозов 1970-1980-ых годов, сколько видит проблему в том, что человечество *практически* развивается «неправильным» путем. Поэтому мы оказались «совсем не в том будущем, которого ожидали», ибо при наличии разных вариантов развития «человечество *выбрало* не тот вариант, который представлялся наиболее вероятным» [33, с. 78].

Такое направление А.А. Зиновьев называет «губительным». Оно идет «по нисходящей ветви эволюционного процесса», где обнаруживается действие «закона зеркальности» в сравнении с «восходящей ветвью эволюции», порождающей позитивные новации, которые пролонгируют восходящее развитие, а не нисходящие изменения, порождающие «инновации», приближающие нас к «исторической гибели» [9, с. 439-440]. Негативная диалектика оборачивается опасностью «выбраковки» человека из мира, ибо бытие как разворачивающаяся через свои внутренние противоречия реальность освобождает себя от человека, делающего крайне метафизический выбор. М. Восленский видит проблему нашего времени не в том, что капиталистическая формация исчерпала себя полностью, а в том, что даже феодальная сохраняет себя в форме «деспотической бюрократии», диктатуры «номенклатуры» [3, с. 612]. А.А. Зиновьев характеризует возникшую в России реальность как «гибрид», склейку из трех «подделок»: имитаций советского, западного и феодально-российского начал, возникших в результате действия «закона зеркальности», перескакивания России из восходящей в нисходящую ветвь эволюции в горбачевско-ельцинские годы [9, с. 417-440]. Это перескакивание с восходящей на нисходящую ветвь эволюции произошло и в западном мире, в глобальном масштабе.

Не будучи в состоянии преодолеть этот тренд нисходящей эволюции западный мир решил возглавить его, управлять им, а «жертвой этой планируемой и управляемой истории», признает А.А. Зиновьев, «становятся целые страны и народы». А.А. Зиновьев характеризует этот процесс как «эволюционную войну», войну против развития, называя предшественником такой войны гитлеровскую Германию. Ныне же ее лидером становятся США, которые стремятся организовать человечество по западному образцу, подчиняя себе сам эволюционный процесс, «нацеливая и организуя его на покорение всей планеты» [9, с. 457] *в духе активистской парадигмы мировоззрения*. Это – война «за всю последующую эволюцию человечества» [8, с. 331].

Главным противником для Запада стал Советский Союз, символ восходящего развития, исходивший из соразвития бытия и человека, объективного и субъективного. Поэтому его разгром рассматривался «как уничтожение эволюционного конкурента, угрожавшего устроить мировой порядок по своему плану и имевшего для этого реальные шансы» [9, с. 458], если бы не контрреволюционный переворот, совершенный внутренними предателями идеалов социализма, против которых велась успешная борьба в войну 1941-1945 гг. Правда, признает А.А. Зиновьев, «живет и крепнет Китай. А с точки зрения западных стратегов происходящей войны, еще не добит

окончательно советский коммунизм, еще есть опасность его возрождения. Россия еще не добита до конца, она еще вызывает страхи в западном мире. И война нового типа как эволюционная война не окончена. Завершающие ее битвы еще впереди» [9, с. 458]. Она стала глобальной и угрожает стать «стержнем исторической жизни наступившего XXI столетия» [9, с. 461]. Постсоветская Россия уже включена в сферу западного тренда, в котором ей отведена роль «антикоммунистического бастиона в войне против Китая», а «внутреннее для стран Запада разделение на эксплуататоров и эксплуатируемых выносится вовне и принимает форму отношения между Западом и Незападом. Второй становится объектом эксплуатации для первого». «Война идет за обладание всей планетой и, более того, за контроль над всей социальной эволюцией человечества». «На карту поставлена именно судьба человечества как целого, вся его последующая социальная эволюция» [8, с.335-337].

Впрочем, она происходит не только между «западом» и «незападом», но и внутри «запада» и «незапада». Это – борьба между активистским типом мироотношения и мироотношением коэволюции, соразвития бытия и человека, объективного и субъективного.

Говоря об активистской парадигме уместно напомнить идеи о склейке религии и технологии у А.В. Сухово-Кобылина, Н.Ф. Федорова, С.Н. Булгакова и др., о новом средневековье Н.А. Бердяева, недавнее утверждение М.Н. Эпштейна о религиозном потенциале «технонауки», с позиций которой якобы можно сегодня обосновать «новые, более широкие горизонты религии и гуманистики, вопреки нынешнему их вытеснению на периферию цивилизации» [32, с. 19]. Фактически М.Н. Эпштейн возрождает средневековые представления о самовозрастании до предела противоположности между духом и материей, человеком и природой, душой и телом, характерной для христианства, отрицающего монизм бытия и его развития, предлагающего, *мысля по аналогии*, соединить свидетельства науки и техники в одно умозаключение о сотворенности бытия и его законов разумом, «еще более могучим», чем человеческий [32, с. 22]. В своих размышлениях о религиозном смысле научно-технического прогресса, *в духе мировоззрения активистского типа*, он пишет: «чем более мир оказывается творимым нами, тем более вероятно, что и сами мы сотворены... Все труднее представить мир без Бога – таков главный вывод всей техноэволюции человека» [32, с. 23]. Но аналогия не есть доказательство.

В связи с крушением социализма многим в нашей стране казалось, что время утопических проектов закончилось. Как признает В.А. Лекторский, во многих публикациях марксистскому утопизму до сих пор противопоставляют «трезвое и реалистическое мышление» как выражение духа современного общества, занятого решением конкретных частных и процедурных задач, а не поиском путей осуществления «высокой цели», характерной для утопий [11, с. 12].

На поверку же оказывается, что они сменились утопиями *вырожденческого* плана. Тот же В.А. Лекторский констатирует, что 1) «ряд

ученых и философов разрабатывают проект трансформации человеческой телесности с помощью генетической инженерии и нанотехнологией и конструирования новых физических и психических характеристик человека», в результате реализации которого «человек в привычном понимании этого слова исчезнет, а его место займет некое супер-человеческое или постчеловеческое существо», что 2) возникло «творчество как самоцель безотносительно к существующим моральным и другим ценностям и способам самопонимания», 3) «движение трансгуманистов», надеющихся «сделать человека бессмертным» в том же ракурсе *преодоления* человека вместо его *всестороннего* развития [11, с. 13]. В.А. Лекторский негативно относится к проектам трансгуманистов и имморалистов, обещающих сделать людей бессмертными «постчеловеками», критикует их, но с позиций *абстрактного* гуманизма, не доводя рассмотрение «перспектив человека» до учета противостояния радикально противоположных типов мировоззренческой самоидентификации человечества у носителей капитализма и их противников, следовательно, сторонников активистской парадигмы мироотношения и носителей идеи коэволюции, соразвития бытия и человека. В этом его взгляды становятся чрезвычайно осторожными. Так, он касается проекта создания «идеального солдата» с расширенными возможностями получения сенсорной информации, увеличенной быстротой ее переработки, возросшими физическими возможностями, меньшими потребностями в сне и отдыхе как начала «по выходу за пределы человека, что и является целью «трансгуманистического движения». Но ведь речь о проекте, как замечает сам В.А. Лекторский, который финансирует «Министерство обороны США» [11, с. 21-22]! Очевидно, что этот проект уходит от идеала всестороннего развития человека, который реализовывался в СССР и других странах социализма, в сторону его превращения в одностороннего человека-функцию с чертами «пост» или «сверх» человека; детерминированного, добавлю, «перевернутыми» законами нисхождения по сравнению с законами восходящего развития действительности и человека.

Таких существ А.А. Зиновьев называет «роботами», полагая, что в условиях современного капитализма роль робота играет сам человек, а его обесчеловечивание происходит не за счет «опускания человека вниз», а за счет «сверхчеловечивания» [6, с. 795], что на смену определению Гоббса «человек человеку – волк» приходит формула «сверхчеловек сверхчеловеку - робот» [6, с. 802], что такие существа не способны на серьезные преобразования своего социального строя, в лучшем виде они способны лишь воспроизводить свою социальную организацию в неизменном виде [6, с. 803]. Капитализм предполагается ими вечным и в основе своей неизменным, а источником преодоления всех зол и установления «всеобщего благоденствия» провозглашается «технонаука». Как известно, Н.А. Бердяев полагал, что новая ступень действительности, с господством науки и техники, открывается «лишь из истории, из цивилизации, а не из природы», что она «развивается в космическом процессе позже всех ступеней, после сложного социального развития» [2, с. 152]. С ним можно было бы согласиться, если бы им было доказано, что уже пройдены все ступени социального развития.

В-третьих, борьба позитивной и негативной диалектики и ее экстраполяция из теории в сферу практики ведет к отказу от понятия истины, что является новым фактором нестабильности в современном мире, где происходит обесценивание философии и фундаментальной науки, дающих истинное знание действительности и ее развития, включая ее развитие самим человеком, включая и развитие самого человека как пролонгацию развития самого бытия в духе онтологии «глубинного историзма» и «монистического понимания истории» [14, с. 127-173]. Вот как видит социальные корни этого процесса проф. А.Л. Никифоров: «Как только была осознана прикладная ценность научного знания, оно все больше стало подпадать под власть крупного капитала», «научное знание становится товаром, ученый – наемным рабочим, производящим этот товар», «происходит вытеснение внутринаучных ценностей», «резкое сокращение доли фундаментальных исследований в общем объеме научной деятельности». В общем, «кто платит, тот и заказывает музыку. Ныне платят капитал и государство, финансисты и политики, и именно они направляют науку в область прикладных исследований... В прикладных исследованиях внутринаучные ценности и цели действительно заменяются...» [21, с. 63-64] такими, которые базируются на отказе от материализма и диалектики, на «забвении» бытия и его развития. В постсоветской России доминируют олигархи и «номенклатура», трансформировавшаяся в «вертикаль власти», которые изуродовали деятельность научной подсистемы общества и системы образования.

Подмена метафизикой истинной, диалектической концепции развития сопровождается подменой понятия истины в его классическом смысле, в смысле теории корреспонденции (*истинна та мысль, которая соответствует своему предмету*), которая появилось с «осевым временем», когда формировался корпус основных понятий, которыми человечество пользуется вплоть до настоящего времени. Это понятие было одним из величайших философских открытий. С его помощью из конгломерата мифологических, мистических и т.п. идей, сплетенных с предрассудками, фантазиями, крупицами повседневного опыта, появилась возможность выделить те мысли и представления, которые давали адекватную картину окружающего мира. Благодаря ему человек возвышался над животным миром, закладывал основы мира культуры. Это истолкование истины было принято наукой в Новое время и до сих пор в ней сохраняется наряду с понятием лжи – в гносеологических характеристиках знания в его отношении к познаваемой реальности. В.И. Ленин истолковал «соответствие» как *отображение*, придал ему *универсальный* характер: «Мы спрашиваем: дана ли человеку, когда он видит красное, ощущает твердое и т.п., объективная реальность или нет?.. Если дана, то нужно философское понятие для этой реальности, и это понятие давно, очень давно выработано, это понятие и есть *материя*. Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» [12, с. 131]. Познание не замкнуто границами чувственной ступени, мышление

выводит отражение как сущность познания на теоретический уровень, «свертывает теории» в понятия, вырабатывает объективные, истинные понятия. Через практику человека, составившего себе объективную картину развития бытия и самого себя, их соразвития, коэволюции, мышление в деятельности уже изменяет «внешнюю действительность» («снимает ее определения»), меняет, отнимает у нее черты кажимости, внешности и ничтожности, «делает ее само-в-себе и само-для-себя сущей (=объективно-истинной)» [13, с. 199]. То есть приводит ее в соответствие с истиной, которая представлена в содержании философии и науки и используется для изменения мира, выводя человека за пределы односторонности созерцательной и активистской самоидентификации.

Практикой господствующих классов идеализм и негативная диалектика приводятся к вытеснению понятия истины. А.Л. Никифоров констатирует: «Логический позитивизм, заменил понятие истины понятием верифицируемости, т.е., грубо говоря, понятием соответствия чувственно данному. Г. Рейхенбах на место понятия истины пытался поставить понятие вероятности, рассматривая истину и ложь как предельные случаи высокой и низкой вероятности... У К. Поппера истина либо рассматривается как недостижимый идеал, либо заменяется понятием степени правдоподобности. Т. Кун, И. Лакатос, их коллеги и современники вообще не пользуются понятием истины в своих методологических построениях, а П. Фейерабенд прямо призывает выбросить понятие истины на свалку исторических заблуждений человечества» [20, с. 44]. Под лозунгом борьбы против жестких методологических правил, стандартов, норм, в конечном счете – против истины.

Характерно, что этот тренд обнаруживается у *значимых* представителей «философии науки» Запада, например, через Ж. Лакана он стал характерной чертой философов постмодернизма, что отбрасывает нас за пределы «осевого времени», вновь погружает в хаос пустопорожних разговоров, иллюзий, сновидений, мифов и предрассудков, подменяя ими понятие истины, разрушая коэволюцию, соразвитие бытия и человека, объективного и субъективного. В последние десятилетия многие отечественные (не только) философы, поддавшись социальной моде, то есть перескочив из восходящего развития в тренд нисхождения, отправились в поход против разума и истины.

К счастью, эта тенденция не является всеохватывающей. Соразвитие бытия и человечества, следовательно, и развитие философии продолжается, в борьбе с тенденцией в духе активистской парадигмы мироотношения и нисходящей ветви эволюции, наделяющих современный мир неустойчивостью.

Использованная литература:

1. Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М.: «Книга», 1991. 446 с.
2. Бердяев Н.А. Человек и машина // Вопросы философии. № 2, 1989. С. 142-162.
3. Восленский М. Номенклатура. М.: Захаров, 2005. 640 с.
4. Гайдар Е. Государство и эволюция. Как отделить собственность от власти

- и повысить благосостояние россиян. СПб: «Норма», 1997. 224 с.
5. Гегель. Философия права // Гегель. Сочинения. Т. VII. М., 1934. С. 16, 59.
 6. Зиновьев А. А. Глобальный человек // Зиновьев А.А. Светлое будущее: избранные сочинения. М.: Астрель, 2008. С. 447-833.
 7. Зиновьев А.А. Идеология партии будущего. М.: Эксмо, 2003. 240 с.
 8. Зиновьев А.А. Логическая социология: Избранные сочинения. М.: Астрель, 2008. 606 с.
 9. Зиновьев А.А. Фактор понимания. М.: Алгоритм, 2006. 528 с.
 10. Ильенков Э.В. Абстрактное и конкретное. Собрание сочинений. Т.1. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019, с. 130.
 11. Лекторский В.А. Философия, познание, культура. М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2012. 384 с.
 12. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-ое. Т. 18. М.: Политиздат, 1973. 526 с.
 13. Ленин В.И. Философские тетради // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-ое. Т. 29. М.: Политиздат, 1973. 783 с.
 14. Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены. М: Прогресс, 1991. 412 с.
 15. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т.1. – М.: Госполитиздат, 1968. – 908 с. 771-773.
 16. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 3. Кн. III // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 9 томах. Т. 9, Ч. 2. М.: Политиздат, 1998. С. 348.
 17. Маркс К. К критике политической экономии. М.: Госполитиздат, 1949. С. 217-218.
 18. Маркс К. Об освобождении крестьян в России // К Маркс и Ф. Энгельс и революционная Россия. М.: Политиздат, 1967. С. 12-20.
 19. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 4. – С. 434-435.
 20. Никифоров А.Л. Понятие истины // Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии: монография / Под ред. чл.-корр. РАН И.Т. Касавина и Н.Н. Ворониной. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2018. С. 44.
 21. Никифоров А.Л. Что такое «постнеклассическая наука»? // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. XXXVI, № 2. С. 63-64.
 22. Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Избр. филос. произв.: В 5 тт. Т. 1. М.: Политиздат, 1956. С. 691-692.
 23. Прохоров М. М. Бытие, гуманизм и второе осевое время. М.: , 2008. С. 154-184.
 24. Прохоров М.М. Русский космизм и марксизм: компаративистский анализ философских оснований // Журнал «Вестник Вятского государственного университета». № 2 (132), ВятГУ, 2019, С. 36-41.
 25. Прохоров М.М. Социальная политика и феномен экономизма // Вестник Нижегородской правовой академии, Научный журнал. Нижний Новгород. № 1, 2018. С. 5-12.

26. Русский космизм: Антология философской мысли. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 368 с.
27. Свидерский В.И. Некоторые вопросы диалектики изменения и развития. М.: Мысль, 1965. 288 с.
28. Современные проблемы материалистической диалектики. М.: Мысль, 1971. С. 5-11.
29. Сухово-Кобылин А.Ф. Философия духа или социология (учение Всемира) // Русский космизм: антология философской мысли. М.: Педагогика-пресс, 1993. 120 с.
30. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Диалектика природы // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. М.: Политиздат, 1961. С. 495-496.
31. Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2 изд. Т. 19. М.: Политиздат, 1961. С. 190-230.
32. Эпштейн М. Н. Техника – религия – гуманистика (два размышления о духовном смысле научно–технического прогресса) // Вопросы философии. 2009. № 12. С. 19–29.
33. Юревич А.Ю. Асимметричное будущее // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 76-89.

КАРИМОВ АРТУР РАВИЛЕВИЧ

Казанский федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация

ГУРЬЯНОВ Алексей Сергеевич

Казанский государственный энергетический университет, г. Казань,
Российская Федерация

ПРОИЗВОДСТВО ЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ: ФАКТОРЫ НЕУСТОЙЧИВОСТИ И НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Основные черты научного сообщества, как подчеркивают различные исследователи [3, с. 7], это следующие:

- 1) Открытость ума, в смысле недогматического отношения, с акцентом на возможность пересмотра идей и теорий.
- 2) Транспарентность в смысле свободной и публичной дискуссии по всем вопросам;
- 3) Рациональность в смысле опоры на опыт и аргументы.
- 4) Равенство в смысле превалирования рациональных факторов над социальными характеристиками, такими как положение, статус и репутация.

Все эти перечисленные черты связаны с демократическим характером научного знания. И наука, и демократия оба были результатом определенных социальных и экономических трансформаций. Не является случайностью, что наука возникла в демократические периоды развития общества.

В природе науки заключается стремление производить истину. Иногда эти истины являются неприемлемыми для правительства. Только демократия может гарантировать свободу научного исследования и может защитить ученого от вмешательства внешних сил. Если нет демократии, истина скорее всего будет подавляться. Подавление научной истины эквивалентно плохой науке.

В античный период наука развивалась в демократических городах-государствах. Тот факт, что античное общество было рабовладельческим, не только не способствовало развитию науки, но фактически тормозило его. До тех пор, пока был доступен дешёвый труд рабов, нет нужны в машинах. Которые будут облегчать труд человека. Принцип парового двигателя был понят уже в античности, но он не был реализован, и многие из замечательных изобретений остались на бумаге, потому что для них не было подходящих социальных и экономических условий.

Роберт Мертон рассматривал научное сообщество как по существу демократическое, потому что наука и демократия имеют общие культурные ценности [1]. Известно. Что Мертон выдвигал четыре основных принципа научного знания: универсализм, коммунизм, незаинтересованность и организованный скептицизм. Требование универсализма соответствует меритократическим принципам демократических обществ. Незаинтересованность означает, что мы не делаем предпочтения между

различными научными исследованиями, что соответствует принципам демократической законности и права. Требование коммунизма (открытость и прозрачность научной коммуникации) есть аналог свободы прессы. Организованный скептицизм можно рассматривать как эквивалент расследовательской журналистики в обществе.

Мертоновская параллель между структурами научного сообщества и демократиями не подразумевает, что наука может развиваться только в демократическом обществе (см. СССР, хотя СССР, по моему мнению, был более демократическим обществом, чем сегодняшняя Россия). Идея Мертона заключается в том, что демократическое окружение в наибольшей степени способствует эпистемически релевантными социальным процессам в научном сообществе. В недемократических сообществах. Ученым приходится переключаться между своей профессиональной системой ценностей (основанной на свободной критике любых идей) и общественной системой ценностей. Если эти две системы совпадают, ученому не приходится страдать из-за когнитивного диссонанса.

Сходного подхода придерживается Майкл Полани [4]. Полани выделяет несколько условий для существования академической свободы ученого.

Во-первых, это самоуправление. Полани выделял между двумя типами управления: централизованным управлением и самоуправлением. Централизованное управление может быть эффективно в некоторых организациях. Например, в армии. В таких организациях иерархическая структура управления может эффективно координировать действия отдельных индивидов. Однако в некоторых организациях, в частности в науке, централизованная система управления не работает. Основная причина состоит в том, что конечный результат научного исследования неизвестен даже самому ученому. Никто не знает, какое решение научной проблемы в конце концов является правильным.

В такой ситуации самоуправление является взаимной подгонкой независимых агентов, когда каждый индивид находится в координации с другими в одной системе. Каждый агент действует свободно, в соответствии с собственной инициативой, но под взглядом других, отвечая на их действия и критику. Каждая конкретная модификация системы берет во внимание все остальные модификации.

В качестве иллюстрации Полани приводит деятельность по собиранию пазла. Собираание пазла — это некая аналогия научной деятельности, когда ученый пытается собрать по кусочкам разрозненные данные и найти в них некую систему. Так вот, если вы дадите этот пазл собирать даже тысяче людей, то если они не будут скоординированы, результат будет неудовлетворительный. Если вы организуете группу людей в иерархическую структуру, где один будет всем указывать, куда складывать пазлы, то у вас тоже ничего хорошего не получится. Работа по собиранию пазла будет наиболее эффективной, только если люди скоординируются между собой самостоятельно.

Еще одно условие, которое требуется для академической свободы,

состоит в следовании ученым своим профессиональным стандартам. Проблема состоит в том, что следование стандарту находится в противоречии с элементом оригинальности и новизны, который характерен для научного исследования. Рецензенты научной статьи, например, исходят всегда из устоявшихся в науке взглядов на проблему и не всегда в состоянии оценить прорывные исследования. Это отчасти, объяснимо. Наука является консервативным институтом и сопротивляется радикальным переменам, из-за стандартов научной строгости, чтобы не дать доступ в науку всяким псевдоученым. В данном случае очень важно, чтобы была демократическая система рецензирования научных трудов, для того чтобы, с одной стороны, в науку не проникли различного рода «прохиндеи», а с другой стороны, не было слишком иерархизированной структуры, где по кивку или звонку академического руководителя отказывают в признании реальному ученому.

Третье условие, которые Полани считает необходимым для сохранения научных свобод, это свобода научного сообщества в назначении и увольнении с должности. Тысячу лет университеты были самоуправляемыми, и даже король не влиял на назначение декана или ректора университета. Полани утверждает, что в современном мире, такой гарантией академической свободы является пожизненное профессорство (или по крайней мере, до пенсии). Очевидно, что пожизненный профессор не будет зависеть от начальства и принимать решения, удобные своему начальству. Он приводит аналогию с пожизненным назначением судей. Также как судьи назначаются государством и получают зарплату из кармана государства, но в демократическом обществе государство в лице президента или конституционного монарха не вмешивается в деятельность судей.

Полани утверждает, что отрицание академических свобод идет рука об руку с отрицанием научной истины вообще. Если ученые перестанут говорить истину, ее будут формулировать другие люди, например, власти. Полани цитирует Взгляды Гиммлера на историю древнейших немецких племен, где тот утверждает, что нам не нужна другая история, чем так, которая необходима для национальной гордости.

Суммируя взгляды М. Полани, можно выделить три основных момента. Во-первых, он полагает, что планирование науки не работает, контроль за наукой парализует научное развитие. Продвижение науки возможно только если ученые, которые самоуправляются своей свободной волей, делают независимые суждения о достоинствах той или иной теории или гипотезы. Во-вторых, если мы откажемся от академической свободы, тогда идеологи и политики будут решать, что заслуживает того, чтобы быть исследованным и каковы должны быть результаты исследования. В-третьих, отказ от академических свобод является отказом от истины как таковой. Если истинным является то, что угодно партии или соответствует (предполагаемым) интересам государства, то тогда истины нет вообще.

Рассмотрим несколько возможных возражений к представленным позициям Р. Мертона и М. Полани. Первое очевидное возражение состоит в том, что есть примеры развития науки в недемократических обществах, в

частности в СССР. Общеизвестно, что в СССР наука была довольно высоко развитой и в целом, по крайней мере в естественнонаучных областях и математике, не уступала западной науке. На это Полани отвечает, что даже если и были какие-то интервенции в науку со стороны государства в идеологическом плане (особенно печальным случаем здесь является генетика), то в целом советские ученые работали по тем же стандартам научной этики, что и их западные коллеги. Соответственно, даже в условиях тоталитарного режима, они могли делать научные открытия и развивать науку.

Второе возможное возражение состоит в том, что если мы разрешим тотальную свободу ученым и разрешим им быть полностью независимыми, то это может быть очень опасным, так как науку можно использовать как во благо, так и во зло. На это можно ответить, что свобода вообще всегда предполагает ответственность. Никто не защищает абсолютную свободу. Есть морально предосудительные практики в науке, например, эксперименты над людьми, клонирование, и т.п. Соответственно, защита академической свободы не означает отрицания того, что ученые несут ответственность за свою деятельность.

Третье возражение заключается в том, что Мертон и Полани требуют государственного финансирования науки и при этом полагают, что государство в лице доброго царя или президента останется в стороне и не захочет повлиять на результат научных исследований. Ответ заключается в том, что опять же это зависит, какое у нас государство. Если у нас демократическое государство, то понятия «государство» и «общество» разделяются. Т.е. есть понимание, что общественные интересы могут входить в противоречие с интересами государства, и в этом случае общество готово защищать свои интересы. Тогда проблема контроля звучит совсем по-другому. Ученый, безусловно, ответственен перед обществом, которое из своих налогов платит ему деньги. Но это вовсе не означает, что он обязан подчиняться назначенному государством бюрократу, будь это ректор или даже министр.

Представляется, что устойчивость научного развития зависит от отмеченных перечисленными исследователями факторов, и прежде всего от того, насколько наука «работает» как демократический институт. На мой взгляд, именно авторитарная иерархизированная структура управления наукой в современной России является главным фактором неустойчивого и нестабильного развития науки. Зададимся вопросами: 1) Может ли стабильно развиваться наука, если все руководство наукой осуществляют люди, назначенные бюрократами и чиновниками, а не самими учеными – от Президента Российской Академии наук до ректора университета. 2) О какой академической свободе можно вести речь, когда ученые даже не избираются на 5 лет, а связаны срочными контрактами на год, по истечении которых с ними автоматически расторгается договор? 3) Можно ли говорить о качестве научных исследований, если ученые оцениваются по количественным показателям, установленным чиновниками от министерства науки (см. открытое письмо Ученого Совета ИФ РАН [2])?

Список использованной литературы:

- 1) Мертон Р.К. Наука и социальный порядок. Перевод В.Г. Николаева // Вопросы социальной теории. 2007. Том I. Вып. 1. [Электронный ресурс] <https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/vst/2007/merton.pdf>
- 2) Открытое письмо Ученого совета Института философии РАН. [Электронный ресурс] https://iphras.ru/pismo_06_02_2020.htm.
- 3) Humphreys, P., & Carrier, M. Social Organization of Science. In The Oxford Handbook of Philosophy of Science: Oxford University Press, 2016.
- 4) Polanyi, M. The republic of science: its political and economical theory // Minerva, №38, 2000. P. 1-32.

КОВШОВ ЕВГЕНИЙ МИХАЙЛОВИЧ

Самарский государственный технический университет, г. Самара. Российская федерация

СОЦИАЛЬНО-РЕФЛЕКСИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕДПОСЫЛОК ДИХОТОМИИ «ЛИБЕРАЛИЗМ – КОММУНИТАРИЗМ»

Состояние системного кризиса современного общества характеризуется обострением глобальных противоречий, столкновением цивилизаций, интересов государств и социальных групп угрожает существованию современного человечества и требует скорейшего разрешения, которое возможно лишь при уяснении причин наступления данного кризиса. На теоретическом уровне большинство аналитиков считают главной причиной кризиса внешнеэкономическую стратегию транснациональных банков (ТНБ) и транснациональных корпораций (ТНК), проводимую финансовой мировой элитой по американскому сценарию глобализации. Существующий однополярный мир углубляет социальное расслоение внутри отдельных стран, создает все большую напряженность между центром ("золотым миллиардом" Запада) и периферией, состоящей из слаборазвитых стран "третьего мира", в число которых после распада СССР относят и Россию. Нарастающая социальная поляризация является постоянно действующим фактором, вызывающим агрессивную нетерпимость различных социальных групп, слоёв, классов, обостряя международные, этнические и государственные противоречия.

В настоящее время кризис проявляется во всех сферах жизнедеятельности человечества, где происходит жесткая, порой бескомпромиссная, борьба «за место под солнцем» не только за природные, но и за технологические, информационные ресурсы между ТНК, государствами, различными социально-политическими организациями, военными блоками и другими субъектами.

Состояние кризиса, в котором находится современное человечество, заставляет задуматься над созданием модели новой самоорганизующейся и саморазвивающейся системы общества, способной разрешить существующие противоречия. Сегодня в теоретическом общественном знании наблюдается критическое отношение к имеющимся популярным теориям общественного развития и вызревает идея выработки модели «правильного общества» [1. С. 5]

Общество, как саморегулирующаяся система, в своей основе формирует рефлексивность как характерную черту, выражающую не столько субъективно-личностный процесс, не рефлексивную деятельность сознания отдельного индивида, а осознанное выражение субъект-объектной характеристики общественных отношений, групп и самого общества,

Нетождественность теоретических построений и самой социальной реальности свидетельствует о существовании теоретического пространства социальной рефлексии, в котором возможно построение различных картин социальной реальности в соответствии с исходными предпосылками,

принципами и предполагаемой картиной возможного будущего. Социально-философская рефлексия, как особый способ восприятия и осмысления действия межличностных социокультурных механизмов, является тем категориальным аппаратом, благодаря которому можно производить осмысление и анализ сложившихся теорий социальной действительности. Рефлексия, как интеллект социальной системы (общества, групп, масс), осуществляется в двух видах: а) как усвоение уже готовых смыслов (рефлексия понимания); б) как изменение и обновление прежних смыслов и производство новых смысловых значений (проективная рефлексия) [2. С.17].

Социально-философская рефлексия (в отличие от содержания рефлексии в психологии) стремится дать ответы на вопросы «как возможно и что такое общество?» и позволяет конструировать на базе определенных философских предпосылок и принципов различные картины социальной реальности, обладающих целостным и системным характером понимания существующей устойчивости, упорядоченности и организованности жизни общества.

При исследовании общества с позиций отдельных социальных наук происходит выделение конкретных определенных связей и отношений в обществе в качестве предмета познания, что имеет результатом создание специальных картин социальной реальности (экономической, социологической, культурологической, лингвистической и др.). Но их совокупность не образует общей картины социальной действительности. При попытках создания такой картины на базе отдельной социальной науки возникает конгломерат разнородных образований познавательного, перцептивного, эмоционального порядка, но не общая картина жизни общества. Это вытекает из специфики методов конкретных наук, накладывающих принципиальные ограничения на полноту и целостность отображения социальной реальности, редуцируя ее к отдельным сторонам жизни общества. Целостное и достаточно полное представление о социальной действительности может дать только социальная философия как рефлексия над духовной и практической жизнью общества, которая имеет необходимые для этого методологические и теоретические средства.

В свете сказанного применим категориальный аппарат социальной рефлексии к анализу оппозиции «либерализм – коммунитаризм».

Сам термин «коммунитаризм» впервые возник в ходе широкой дискуссии по книге Дж. Ролза «Теория справедливости» (1971 г.) [3], в процессе которой схожие взгляды были высказаны рядом политических философов США (М. Сэнделом, А. Макинтайром, Ч. Тейлором, М. Уолицером), выступивших с критикой либерального индивидуализма и стихийно оформившихся в некоторое общее течение социально-политической философии, получившей название коммунитаризма. Выяснилось, что в это течение входит множество ранее изложенных концепций, таких, как утопический социализм, теории общественно-экономических формаций марксизма, анархизма и других учений, пытающихся преодолеть дихотомию индивидуального и коллективного интересов, найти баланс между индивидом и обществом, автономией личности и интересами сообщества, между общим благом и свободой, правами и

обязанностями, отводящее обществу первостепенную роль в реализации прав и свобод личности,

В переживаемую эпоху наиболее популярной социальной концепцией является теория либерализма (неолиберализма), которая сформировалась в Западной Европе в Новое время как идеология восходящего класса буржуазии против феодального деспотизма под лозунгами свободы предпринимательства, собственности на землю, построения демократического государства, выражающего волю народа, равенства и братства, свободы собраний, слова и т.д. Как выражающие привлекательные ценности данные лозунги вдохновляли массы на революционные действия по свержению феодальных правительств и сложившихся социальных устоев.

Социальная практика в странах Европы уже XIX века показала, что во многом эти лозунги оказались не реализованными в данных социальных условиях. То есть вместо ожидаемого фактического равенства права личности свелись к юридическому равенству перед законом, возникло все более нарастающее экономическое неравенство; вместо «гласа народа» вступила в действие парламентская представительная демократия и т.д. Об ухудшении жизни большинства населения европейских стран в девятнадцатом столетии свидетельствует множество протестных движений (вплоть до революционных) по всей Европе. Теоретически они были оформлены в различных концепциях коммуитаризма: утопического социализма, теорий общественно-экономических формаций марксизма, анархизма и др. учений.

Попытаемся уяснить содержание и истинность философских предпосылок концепций либерализма и коммуитаризма.

Классический либерализм, как социальная теория, выстраивается на базе первой научной экономической теории - классической политэкономии А. Смита и Д. Рикардо, которая имела явные и неявные философские принципы и допущения. В ней постулируется понимание жизни общества как совокупности автономных индивидов, которые, исходя из своих эгоистических побуждений, «ведут войну против всех» (Гоббс). В соответствии с духом британского сенсуализма (Т. Гоббс, Дж. Локк, Д. Юм) главным философско-антропологическим принципом понимания мотивов поведения человека выступает его стремление к удовольствию, которое не содержит в себе интереса к общему благу других людей, руководствуясь расчетами пользы и выгоды. Очевидно, что центральным элементом, собственно, проблемного поля экономической теории либерализма выступает неявная философско-антропологическая предпосылка, имплицитно присутствующая в классической политэкономии как вполне определенная «модель человека», то есть сумма допущений и предположений о том, что есть человек. Модель, о которой идет речь – это «человек экономический», использовалась как базовая уже в классической политической экономии. В современной экономической теории неолиберализма она выражена в более явном виде: как идеальный тип человека («*homo economicus*»), у которого изъяты все психологические и духовные качества, не относящиеся к экономической деятельности, одномерно сводя его сущность к потреблению. Такая абстракция человека, как бездушного

потребителя, претендует на статус отображения сущности реально существующего человека, хотя ее практическая реализация ведет общество по пути деградации [4. С.41-42]. Методологическая несостоятельность данного принципа вытекает из игнорирования общественной природы человека, социокультурной детерминации жизни каждого индивида условиями и требованиями переживаемой эпохи. Практика последних десятилетий убеждает, что в условиях господства неолиберальной доктрины и доминирования транснационального капитала невозможно справедливое распределение благ и рациональное использование природных ресурсов.

Первоначально возникнув как экономическая теория, либерализм утверждает приоритет частного экономического интереса над всеми другими общественными отношениями, вырабатывает адекватные ему этические, юридические и политические доктрины, претендуя на создание общей картины социальной реальности.

Согласно исходной предпосылке, человеческая алчность находит оправдание в моральных и правовых теориях утилитаризма, прагматизма и базирующихся на них системах государственного устройства. Разработаны способы правовой защиты объекта собственности, права регулирования и перехода собственности к определенным субъектам.

Сформированные в Новое время принципы свободы личности, сведенные в концепцию «прав человека», до сих пор используются в качестве способа вовлечения народных масс в борьбу за цели либералов под видом достижения каждым индивидом собственных целей (например, на выборах в парламент). Современный либерализм все личные и социальные ценности конвертирует в единое унифицирующее измерение потребительской ценности. Тем самым «он способствует окончательной победе экономических отношений над всеми прочими сферами, упрощает массового человека, обеспечивая победу материальных ценностей над духовными» [5.] Либерализм пересмотрел и отказался от действующих в течение тысячелетий норм традиционной морали, пытаясь втиснуть в перечень допустимого многие положения и действия, осуждаемые в предшествующие исторические эпохи, например, такие, как гомосексуализм, непочтение к старшим, ростовщичество, ставшее респектабельной банковской деятельностью и др. Идеология неолиберализма, разрушая традиционные нравственные ценности, ориентирует сознание людей, прежде всего, на потребление, а не на развитие личности, создание любовного семейного союза с воспитанием детей, не на культурное творчество и познание мира, а считает главной задачей - сделать из человека машину для производства прибыли. Поэтому в массовое сознание внедряется гедонистическая система ценностей, в которой ведущее место занимают ценности-средства (пища, одежда, жилище и т.д.), а высшие духовные ценности (идеалы добра, красоты, истины, справедливости), задающие ориентиры развития личности и общества, отодвигаются на задний план [6. С.92].

Для обоснования общей картины жизни социума и ее внедрения в общественное сознание либерализм использует целый комплекс теоретических и практических средств, используя множество религиозных организаций, СМИ

для пропаганды системы ценностей, образа жизни, нужных мифов, концепций либеральной культуры (мультикультурализм, постмодерн и др.), системы образования и воспитания. Медицина стала одним из самых доходных видов бизнеса, озабоченным не столько излечением людей, сколько получением прибыли за счет продления лечения.

Связь идеологии неолиберализма с глобальной индустрией массовой культуры выражается сегодня в борьбе за право управлять психологией общества, формирования определенных ценностных ориентаций, обеспечивающих потребление предлагаемых товаров. Между корпорациями разворачивается острая напряженная борьба, когда речь идет о «получении доступа к 50-60 миллионам зрителей и слушателей» [7]. Как отмечает А.В. Костина: «Эта борьба глобального масштаба выступает как борьба за право определять и осуществлять собственную культурную политику» [7]. Чтобы продать товар, необходимо предварительно «сформировать у потребителя четкую установку на ценность самого акта потребления. Именно поэтому формирование новых ценностных представлений является условием успеха» [7]. Ясно, что формирование и навязывание потребительских ценностей является одним из главных условий экономического доминирования.

Таким образом, даже краткий социально-рефлексивный анализ позволяет выявить ложность исходных предпосылок либерализма в понимании человека и общества. В отношении первой посылки многомерная сущность природы человека, как единства биологического, социального и духовного начал, редуцируется к биологическому аспекту, к представлению о человеке как агрессивном животном, озабоченном удовлетворением материальных потребностей. Внедряя в сознание общества понимание человека как существа без национально-культурной памяти с манипулируемым сознанием, с потребительско-рыночными инстинктами, обеспечивающими унифицированное предсказуемое поведение, либерализм игнорирует ведущую роли духовных ценностей и потребностей в развитии собственной неживотной сущности человека. Также является упрощенным (и в этом смысле не верным) механистическое представление об обществе как совокупности автономных индивидов, объединенных государством в интересах выживания и собственной безопасности (теория общественного договора). Роль и функции государства гораздо сложнее и многообразнее. Так, государство может способствовать развитию общества, а может вести по пути деградации. Последнее происходит во многих бывших республиках СССР после его развала.

Обе посылки были положены в основу экономической теории либерализма еще в Новое время. Историческая практика последующих столетий проявила ошибочность положения А. Смита о «невидимой руке рынка» как частного экономического интереса, способного направить и организовать общество по пути многостороннего непрерывного развития. Теория неолиберализма в XX столетии также опирается на доктрину «самоорганизации рынка», утверждая, что рыночная экономика сама без государственного вмешательства и контроля решит все проблемы. В настоящее время реализация неолиберальной модели экономики привела человечество к

состоянию глобального кризиса, поставив мир на грань катастрофы.

В отличие от либералов, коммунитаристы отстаивают аристотелевскую этику, в которой «предполагается важное различие между тем, что считает благом конкретный индивид, и тем, что на самом деле является для него благом» [8] (например, отношение к наркотикам наркомана и общества). Учение коммунитаризма исходит из иных социально-антропологических предпосылок. Человек понимается как общественное существо, элемент социальной системы, включенной в природные процессы. Один из современных сторонников коммунитаризма М. Сэндел утверждает, что либеральные теории не учитывают факта укоренённости человека в определенном месте, времени и культуре. [9. С. 62]. Человек не может состояться вне общества (Маугли возможен только в сказке И. Киплинга).

Автономия индивида весьма относительна. Личность не может сформироваться вне конкретного сообщества, соответственно, ошибочно представлять человека как автономного субъекта, главным качеством которого является необузданный потребительский инстинкт. Человек, как универсально развивающееся существо, проявляет свою сущность лишь тогда, когда выходит за пределы животных инстинктов, создавая мир ценностей, отсутствующих в животном мире (моральных, эстетических, религиозных, информационных и др.).

Указанные выше предпосылки концепций либерализма и коммунитаризма обуславливают различное, чаще противоположное, отношение и оценку одних и тех же социальных явлений; в качестве примера можно взять отношение к войне. Либеральная политика основана на признании животного страха главным мотивом поступков человека, поэтому «правом силы» подменяют все остальные права. Сегодня лидеры глобального капитализма для достижения своих геополитических целей организуют «цветные революции», войны разного масштаба, субсидируют и направляют террористические движения для захвата рынков, ресурсов планеты, внедряя в массовое сознание пропагандистские мифы о борьбе за демократию, о русской угрозе и др., что уже привело к гибели миллионов людей. Война используется финансовой мировой элитой как действенный инструмент достижения частных корыстных интересов, а гибнущие люди являются лишь разменной монетой.

С позиций коммунитаризма противоречия конфликтующих сторон следует регулировать рациональными методами. Как показала практика социализма, его лидеры, как правило, всегда осуждали захватнические войны между народами как средство разрешения конфликтов, признавая справедливость отечественных войн.

Следует отметить, что в современной литературе не указано четкого критерия, позволяющего отделить друг от друга множества коммунитаристских и либеральных концепции. На наш взгляд, таким критерием может служить положение о гармонии личного и общественного, индивидуального и коллективного интересов, свободы и ответственности личности. Образно этот тезис можно схематически представить как центральную точку отсчета на прямой линии, от которой по степени нарастания (влево и вправо) образуются

по мере убывания гармонии два полюса как две идеальные точки максимума, Первый фиксирует полное подавление личного общественным интересом, а второй, наоборот, - максимальное доминирование личного над общественным. Между ними располагается множество социальных концепций, выражающих различное понимание сочетания личных и общественных интересов.

Данная схема позволяет классифицировать социальные концепции по степени отступления от исходной точки гармонии личного и общественного по степени утраты этой гармонии в ту или другую стороны.

Так, между исходной точкой и первым полюсом находится многообразие концепций коммунитаризма, в которых общим местом является доминирование общественного над личным, различаясь по степени. В западной социальной философии к ним можно отнести: теории идеального государства Платона, утопического социализма (Т. Мора, Т. Компанеллы, Р. Оуэна, Сен-Симона), научного коммунизма К. Маркса, концепции анархизма (П. Кропоткина, М. Бакунина и др.), монархического государства И. Ильина, «христианского социализма» С. Франка, четвертую политическую теорию А. Дугина и др. Помимо различия по степени доминирования общественного над личным (Платон, Маркс), концепции коммунитаризма могут отличаться по содержанию и направленности. Например, китайская и индийская модели коммунитаризма ориентированы на традиции, определяющие способы гармонического единения человека и общества.

В противоположную сторону от точки отсчета находятся концепции так или иначе отстаивающие приоритет личного интереса перед общественным. В истории западной философии Аристотель считал главным принципом жизнедеятельности греческого полиса самообеспечение и покрытие естественных потребностей (ойкономия). Этому принципу соответствует концепция космоса как домашнего хозяйства космического Разума. Аристотель признавал необходимость торговли, но критиковал рыночные экономические отношения за их нацеленность на увеличение денежного богатства, которое не имеет естественных пределов роста, делая людей алчными. Античный тип «экономического мышления» сохранялся и на протяжении всего Средневековья, воспроизводясь на базе традиционной земледельческой хозяйственной жизни.

Лишь в эпохи Возрождения и Нового времени с формированием экономических отношений капитализма возникают экономические учения меркантилизма (Т. Мен, А. Серр, У. Петти) и политической экономии (А. Смит, Д. Рикардо), в которых частная предпринимательская деятельность характеризуется в качестве источника богатства, осуждается вмешательство государства в частную экономическую жизнь. Формируется теория классического либерализма, о которой говорилось выше.

С дальнейшим развитием капиталистических отношений появляется множество новых концепций, среди которых можно назвать следующие: теорию маржинализма (К. Менгер, У. Джевонс и др.), концепцию А. Маршалла, теории неолиберализма (М. Фридмен, Ф. Хайек, Л. Эрхард, Р. Коуз и др.), теории «индустриального и постиндустриального общества» (У. Ростоу, Р. Арон,

Д.Белл). Несмотря на весьма существенные различия, общей социально-экономической базой этих концепций является признание приоритета частной собственности на средства производства, необходимости социального неравенства людей, редукция многообразия человеческой природы к гедонистической системе ценностей, к потреблению.

Можно заметить, что в эволюции концепций либерализма от эпохи Нового времени до настоящего периода происходит теоретическое обоснование степени нарастания доминирования частного интереса над общим благом, сопровождающееся отвержением основополагающих моральных ценностей у нынешних идеологов неолиберализма (Дж. Сорос, Ж. Аттали и др.) вплоть до оправдания сохранения «золотого миллиарда» при гибели остального человечества в результате возможной третьей мировой войны или экологической катастрофы. То есть в новейших концепциях либерализма наблюдается наибольшее удаление от исходной точки отсчета в сторону оправдания доминирования личного, частного интереса над общим. На практике внедрение идеологии неолиберализма в массовое сознание стран Запада привело к распаду семьи, преобладанию смертности над рождаемостью и, как следствие, процессу постепенного самоуничтожения коренного белого населения этих стран [10].

В настоящее время перехода к многополярному миру лидерские позиции все более обретают восточно-азиатские страны (Китай, Индия, Иран и др.), где во многом сохраняется традиционная система ценностей и коммунитаристская организация жизни общества.

Вернемся к началу статьи, где говорилось о том, что в связи с критикой имеющихся теорий в социальной философии разрабатывается тема «хорошего» или «правильного» общества как у нас, так и за рубежом. Отечественный исследователь В.Г. Федотова полагает, что эта тема «возникает как теоретическая, эмпирическая и нормативная попытка «сконструировать» социум на основе конвергенции лучших черт, присущих разным обществам» [11. С.8]. В статье она приводит ряд концепций зарубежных авторов (Х. Липпмана, Дж. Гэлбрейта, А.Этциони), в которых перечислены черты «хорошего общества». Но в них ничего не говорится о том, кто и как создаст и организует такое общество. Так А. Этциони выделяет три такие черты: 1) осуществление баланса между автономией (личности, группы) и социальным порядком со стороны государства; 2) постоянный мониторинг соотношения между автономией и порядком; 3) обеспечение эволюции функций поддержания социального порядка от государства к неформальному моральному контролю со стороны самого общества [11. С.8]. Очевидно, что эти черты не могут быть воплощены в жизни современного капиталистического общества.

Приведенный краткий социально-рефлексивный анализ философских оснований дихотомии «либерализм – коммунитаризм» позволяет наметить пути осознания перспективы обоих направлений как проектов развития общества, программ разрешения глобальных проблем современности.

Список использованной литературы:

1. Липатов А.А., Купрейченко А.Б., Громов А.И., Шрадер Х. Правильное общество / Под ред. Ю.В.Веселова. СПб., 2015. - 256 с.
2. Ковшов Е.М. Социальная рефлексия: Структура, формы и функции. Самара, 1998.-111 с.
3. Джон Ролз. Теория справедливости / Под ред. В.В. Целищева. — Издательство Новосибирского университета, 1995. — 320 с.
4. Ковшов Е.М. К 14 Философия экономики: учебно-метод. пособие.- Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2011. - 64 с.
5. Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Меняющаяся социальность: будущее капитализма {Электронный ресурс}. URL: http://vphi.ru//index.php?option=com_content&task=view&id=332&Itemid=52 (дата обращения: 05.07.2016).
6. Ковшов Е. М. Роль гедонизма в построении модели «homo economicos»// Вестник Самарского государственного университета, 2012, № 5. - С. 90-94.
7. Костина А.В. Реклама как фактор формирования аксиологического пространства // www.cr-journal.ru/rus/journals/113.html&j_id=9.
8. Макинтайр А. После добродетели. Исследования по генеалогии морали. -М., 2000 (-384 с.)
9. Сэндел М. Справедливость. Как поступать правильно? / М. Сэндел; пер. с англ. А. Калинина.- М. 2013. - 352 с.
10. (Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада: Пер. с англ. А. Башкирова / П.Дж.Бьюкенен – М.: ООО Издательство АСТ, 2004.- 444 с.
11. Федотова В.Г. Социальное государство и хорошее общество // Вопросы философии. 2019. № 11. С. 5-10.

КУДРЯШЕВ АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ

Доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО Башкирский
государственный университет, г. Уфа, Российская Федерация

ДВИЖЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ

Категория движения теперь редко встречается в философских публикациях как объект специального изучения. Полагают, видимо, будто в принципе о ней мало что можно сказать особенного, если, следуя Ф. Энгельсу, исходить из понимания движения как изменения вообще. Кроме того, Ф. Энгельс – это марксист, а марксизм в России в настоящее время не в моде. Между тем именно в марксизме движению отводится роль одного из главных мировоззренческих понятий. Возможно, кто-то из доживших до сегодняшнего дня философов хотел бы забыть, что он когда-то был марксистом, а кто-то из более молодых не хочет развивать марксистскую тематику. Вдобавок, как многим кажется, это тощая абстракция, имеющая мало позитивного, т.е. научно осмысленного, содержания. В настоящее время накопилось так много понятий, гораздо более конкретных, дающих богатую пищу для размышлений в русле позитивных исследований и, что не только обыденному сознанию представляется более важным, порождающих многочисленные применения. Надо ли заниматься схоластикой – так можно оценить "копание" в содержании традиционной, может быть, уже отжившей свое и отставшей от современности философии. Тем более что "философы не должны слишком много времени затрачивать на анализ категорий" [1, с. 21]. Ими надо пользоваться, а не выискивать едва заметные нюансы в том, что уже давно изучено и что принципиально нового породить не в состоянии. Такие аргументы хорошо знакомы, потому что встречаются далеко не впервые. Подобная критика советских философов звучала, для примера, из уст известнейшего в свое время агронома-новатора Т.С. Мальцева. Он сравнивал то, чем в основном занимались современные ему советские философы (примерно 70-х годов XX века), с чистой оружей, из которого никто не стреляет. А пора бы уже философам это делать, размышлял Т.С. Мальцев полвека тому назад.

Традиции марксистской – диалектико-материалистической – философии продолжают давать о себе знать. Они сказываются, например, в том, что движение как способ существования материи – в диалектическом материализме это положение считается азбучной истиной – может быть приписано не только материальному бытию, но бытию как таковому. В данной работе мы наметим рассмотрение следующих пунктов, непосредственно связанных с осмыслением категории движения.

1. Место категории движения в составе соответствующего "гнезда" понятий, характеризующих изменчивость мироздания.

2. Специфика эволюции как направленного изменения. Понятие эволюции нами выбрано в связи с повсеместно распространившейся (так и хочется сказать: подобно коронавирусу) концепцией так называемого

глобального эволюционизма, конкретизировавшей древний тезис "все движется, все изменяется" и заменившей его на тезис "все эволюционирует".

О месте категории движения в составе соответствующего "гнезда" понятий, характеризующих изменчивость мироздания

В языкознании термин "гнездо слов" означает группу однокоренных слов. В философии словосочетание "группа категорий" тоже встречается, но их объединение осуществляется не по морфологическим признакам, а по признакам смысловой близости. Подобные категориальные гнезда можно изучать по "Науке логики" Гегеля. В гнездо категорий движения войдет значительное множество понятий, которое, естественно, нуждается в систематизации (категория и понятие, вообще говоря, – не одно и то же, но здесь мы берем их в "первом приближении", когда категория истолковывается как понятие предельной общности, чтобы немного облагородить стилистику дискурса). Так, В.И. Плотников в связи с движением рассматривает такие категории: изменение, развитие, возникновение, превращение, круговорот, порождение, уничтожение, самодвижение. Конечно, в гнезде категорий движения есть место и понятию "процесс", которое у В.И. Плотникова играет вспомогательную роль (например, в выражении "процесс развертывания сущности"), а также понятиям противоречия и связи. Есть тут место и "эволюции", о которой уже мы будем рассуждать специально (см. ниже).

Весьма важно, что В.И. Плотников выделяет как основополагающее (родовое) понятие изменчивости. Он пишет: "Для совокупности понятий, обозначающих гигантское многообразие процессов объективного мира, исходной категорией, далее которой невозможно абстрагироваться, является категория «изменение»" [2, с.231]. Он даже находит определение понятию "изменение", в чем ему помогает Ф. Энгельс, уточнявший, что изменение означает снятие абстрактного тождества с самим собой. Развивая мысль Ф. Энгельса, В.И. Плотников приходит к своему определению понятия изменчивости, включая в его содержание противоречие, движение, развитие, связь в качестве определяющих признаков: "Основными категориями, создающими возможность понять изменчивость как процесс, как беспокойство, как неустойчивость существующего, и являются противоречие, движение, развитие и связь" [2, с.232].

Концепция В.И. Плотникова в определенном отношении показательна. А именно: его не удовлетворяет размещение категории движения в соответствующем гнезде в качестве исходной категории. Он сознательно игнорирует другое высказывание Ф. Энгельса, в котором утверждается, что в самом общем смысле слова движение есть изменение вообще. Почему же В.И. Плотников придерживается другой точки зрения, которую мы за него сформулируем так: движение не есть изменение вообще? Нам представляется, что в данном случае мысль Владимира Ильича (Плотникова тоже звали Владимиром Ильичем) шла от материи к бытию, для которого, по-видимому, хотелось подобрать термин, выражающий его атрибутивное свойство. За

категорией движения традиционно для диалектического материализма закрепила формулировка "движение есть способ существования материи". Такая трактовка движения позволяла заключить: нет движения без материи, нет материи без движения: материя движется, а движение материально. Такова была точка зрения выдающегося советского философа-онтолога В.И. Свидерского, которую он активно прививал своим ученикам. На ограничении материальными объектами в применении понятия движения позже и тоже активно настаивал крупный ленинградский диаматчик В.Г. Иванов. Все это было органично в той философской системе, в которой происходит отождествление материального бытия и бытия, как это получается в философии диалектического материализма. Однако введение в онтологическую схематику идеального бытия как типа бытия вынуждает критически подойти к процедуре распространения (экстраполяции) тех черт, которые свойственны материальному бытию, на все бытие. Подробно о бытии, подходе к его постижению мы здесь говорить не будем. Только лишь отметим тенденцию, проявившую себя в концепции В.И. Плотникова рассматривать изменчивость как более общую характеристику по сравнению с движением. Находящейся в том же русле мы назвали бы и концепцию М.М. Прохорова, утверждающего процессуальность бытия [см. 3]. Справедливости ради, стоит отметить, что по сравнению с "изменчивостью" термин "процессуальность" больше подходит к тому, чтобы его брать в качестве более общего понятия. Дело объясняется тем, что изменчивость имеет своей обратной и дополнительной стороной устойчивость, или покой, который проигрывает изменчивости как ведущей стороне их единства своей более пассивной ролью, но к изменчивости все равно не сводится. Процессуальность же характеризует и изменчивость, и покой, только по-разному. В изменчивости процессуальность распространяется прежде всего на функционирование объекта в системе его отношений, тогда как в покое процессуальность предстает его внутренним содержанием.

О специфике эволюции как направленного изменения

Выше мы уже отмечали то широкомасштабное явление в современном мире, которое именуется глобальным эволюционизмом. Процесс экспансии концепции глобального эволюционизма на все сферы человеческой жизнедеятельности сопровождается определенными издержками содержательного плана. То, что в этом процессе пригодно для методологического освоения одной предметной области, для другой области может оказаться менее подходящим. Однако некая общая идея, называемая идеей эволюции, все равно остается: выхолащивание конкретности методологического инструментария влечет за собой повышение уровня абстрактности его идейного инварианта как идеальной платформы всей концепции. Поиски общей идеи эволюции одновременно означают определение ключевой специфики понятия эволюции. В условиях переживаемой всеми нами вирусной пандемии относительно перспектив глобального эволюционизма возникли некоторые сомнения. Тем не менее данное обстоятельство не должно

мешать нам сопоставить главное понятие этой доктрины – понятие эволюции – с очень близким к нему понятием развития.

Задача наша понятна: мы хотим определить специфику эволюции. Первый вопрос в этой связи – какое понятие более общее: развитие или эволюция? По нашему мнению, в качестве претендента на родовое понятие вполне может рассматриваться трактовка развития как направленного изменения, приводящего к существенной смене состояния объекта. При таком, широком, понимании частным случаем развития будет изменение, которое обусловлено целью, т.е. изменение целенаправленное.

Изменения могут быть направленными или ненаправленными (хаотическими или круговыми). Среди первых выделим изменения, направленные к цели. Цели могут различаться тем, что одни из них являются финальными (конечными), а другие – лишь промежуточными. Промежуточные цели мыслящим субъектом, в принципе, должны ставиться с учетом цели, считающейся конечной. Гипотеза о наличии конечной цели абсолютно во всех случаях изменений вряд ли справедлива и уж никак не является очевидной. Но для изменений, имеющих определенное направление, вопрос об их цели, по видимому, следует признать правомочным в достаточной степени. Один из критериев определяет цель и, соответственно, направление изменений, или заданные субъектом целеполагания, или им не заданные, а являющиеся имманентной атрибутивной потенцией, естественно «прорастающей» в виде определенной направленности изменений. Такая цель для субъекта может явиться ожиданием, причем обоснованным, потому, что образуется как проекция в будущее достигнутого направления происходящих изменений. Но подобным образом определяется ближайшая цель, которая чаще всего оказывающаяся промежуточной, тогда как цели отдаленные, особенно конечная, сохраняют свою таинственность и слабую степень предсказуемости.

Понятие эволюции можно вписать в некоторые трактовки развития. Эволюцией называют и необратимое качественное изменение, и переход от простого к сложному, и даже отождествляют эволюцию с развитием, поэтому во всяком обсуждении понятий эволюции и развития, вне всякого сомнения, каждое из них или явно присутствует, или неявно подразумевается. Вопрос о возможности различения указанных понятий становится правомерным, если привлечь идею целенаправленности.

Под эволюцией мы понимаем такое направленное изменение, субъект которого последовательно осуществляет преобразования объекта из одного его состояния в существенно другое, не имея никакой возможности что-либо знать об отдаленных результатах и итоговой цели своей деятельности. Понятие эволюции, в нашем понимании, приближено, прежде всего, к задачам биологии, хотя в настоящее время оно применяется к чему угодно и приобрело глобальный смысл. Сама по себе цель понимается как *то*, на *что* указывает направление изменений. При этом возможны неодинаково направленные изменения с различными ветвями эволюции и их собственными целями.

Итак, при все при том, что в эволюции чрезвычайно существенную роль играют перемена качества и необратимость, эволюция приводит к

определенным результатам. Рассматривать их как итоговое завершение эволюционного пути развития – значит нарушать принципы глобальной эволюционной парадигмы, утверждающие необходимость и всеобщность эволюции. Применительно к миру, получается, что если есть цель как преднамеренное окончание его эволюции, то не мы ее ставим, хотя являемся одними из субъектов эволюционных изменений, но не субъектами целеполагания. Если есть результат эволюционного развития, то он не замыкает целостность мира, поскольку не должен быть окончательным: эволюция будет продолжаться. Но это означает также, что глобально эволюционирующий мир, как незавершаемая целостность, все продолжает и продолжает «выстраиваться», «вытягиваясь» во времени (или вдоль времени). И тут нам не дано увидеть «последнюю» линию горизонта, так как она непрестанно отодвигается от нас и не может остановиться, а мы не можем к ней приблизиться.

Тем самым, мы имеем и субъективную причину, ограничивающую познавательный потенциал субъекта эволюции (недостаточный уровень компетентности), и объективную причину, состоящую в стремлении эволюции всегда быть продолженной и постоянно отодвигающей свой конечный результат в будущее.

Возникает вопрос: а есть ли, в действительности, какая-либо конечная цель эволюционных изменений? Как выше отмечалось, понятие эволюции, безусловно, подразумевает свою целеустремленность. Однако применение этого и других, от него зависящих, понятий может быть некорректным или вообще неверным по самой их сути, когда за эволюцию принимают последовательный ряд неэволюционных изменений. Каков же выход из создавшегося положения: мы не знаем, есть или нет, в конце концов, цель происходящих изменений, значит, не знаем, какого они типа – эволюционного или неэволюционного, и, тем не менее, рассуждаем именно об эволюции, как будто нам известно, что это действительно так. Выход мы находим в осознании существенной предположительности всего дискурса, проводимого в рамках эволюционной парадигмы, относительно того или иного процесса. В таком дискурсе предположение об эволюционном пути развития объекта, в принципе, требуется сочетать с предположением о развитии того же самого объекта неэволюционным образом. А тогда и концепция глобального эволюционизма должна осмысливаться вместе с концепцией, ставящей первую под сомнение или вовсе ее отрицающую.

Литература:

1. Перминов В.Я. Понимание философии как методологии // Философия в современном мире: Материалы междисциплинарного теоретического семинара. М.: Полиграф-Информ, 2009. – 336 с.

2. Плотников В.И. Сущность развития как методологическая проблема. Лекция 23 // Категории диалектики (теоретико-методологические проблемы): Цикл лекций / Под общ.ред. И.Я. Лойфмана. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2003. – 255 с. – С.225-237.

3. Прохоров М.М. Процессуальность бытия // Философия и культура. 2016, № 3, с.320-336. DOI: 10.7256/1999-2793.2016.3.16849.

ФАТЕНКОВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

О ХАОТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО МИРА И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О НЁМ

Χάος древних есть господство стихий. И как всякое господство он являл собой не отсутствие порядка, а особую его разновидность. Возможно, самую совершенную в плане порождающего потенциала, и уж наверняка – единственную в своём роде, уникальную. Властвуя над собой, больше изначально попросту не над чем, стихии ограничивают себя, превращая *Χάος* в *Κόσμος* – усовершенствованный порядок, но уже не эксклюзивный, а вариативно существующий. Он способен к трансформациям – но не к радикальному скачку, подобному тому, что привёл к возникновению его самого. Он может и рассыпаться, но его обломки никакой порождающей силы содержать в себе не будут. *Χαος* после порядка есть собственно беспорядок. Вместо чреватого жизнью буйства стихий – никчёмная суета клочков и останков некогда бытийно значимого. Претенциозная попытка спекулятивного реализма абсолютизировать такой хаос проистекает из задумки табуировать любой порядок и всякое необходимо сущее (см.: [2, с. 91, 93]). Я не в защиту нормированной стабильности и априорной неизбежности – в защиту человека, которого соблазняют якобы отсутствием косных и фатальных ограничений его бытия. И против эпатирующих намёков на то, что всё может превратиться во всё что угодно. Великий *Χάος* – предмет эпических мифов и философских поэм. Ординарный, посредственный хаос – предмет исчерпавшей свой эвристический потенциал нововременной рациональности. Симптоматично, что И. Пригожин и И. Стенгерс в качестве метафизической подпорки своей теории самоорганизации апеллируют к тем талмудическим трактовкам Книги Бытия, согласно которым человеческий мир возник из обломков предшествующих неудачных попыток творения. На второсортный строительный материал возлагаются тем не менее «умеренные надежды» эволюционного характера. При этом утверждается: мир слишком хрупок, он рискует вновь обратиться в ничто (см.: [4, с. 385]). Онтологически слабый (явно или неявно вторичный, производный от трансцендентных инстанций) хаос пасует перед – допускаемым / постулируемым – ничто. Онтологически сильному *Χάος*-у (последовательного имманентизма) ничто не указ.

Порядок, образующийся из немощного хаоса, никудышен и сам. Он или необоснованно мягок, или необоснованно жёсток, или эклектичен. Здоровый строй (и жизни как таковой, и жизни общественной) возможен, вероятно, только при «возвращении великого *Χάος*-а», реально – при столкновении людей с его близким подобием. Онтологически случайного в этом событии больше, нежели онтологически необходимого и закономерного.

Иначе говоря (и переходя от метафизического плана к социальному), на

пути к действительно справедливому общественному строю (если он в самом деле желателен и ожидаем: ведь на подступах к нему не исключены масштабные людские потери) человечество должно пережить встряску – и посильнее той, что обусловлена нынешней эпидемией. Пока же подтвердилось, и уже безошибочно: современный человек – дохляк, иммунная система ни к чёрту... что никак не отменяет и не умаляет, конечно, мужества врачей, самоотверженно борющихся с заразой. После всей этой текущей истории с вирусом глубокой работы над ошибками, думаю, проведено не будет. Скорее, люди и те, кто претендует на руководство ими, ударятся во все тяжкие (удовлетворяясь скудным хаосом) или / и бросятся «закручивать гайки» (соблазнившись скудным порядком). Уповать, в противовес судорожному разгулу и корыстно вводимым «сверху» запретам, на спасительность «объективных законов социально-исторического развития» смысла нет. Человеческий индивид – закономерно смертен. Человеческое общество, если оно ещё чем-то напоминает живой организм, – закономерно предрасположено к деградации, маскируемой до поры до времени прогрессом цивилизации. Догадка Ф. Ницше о противофазах мировой динамики (см.: [3, с. 90]) – цивилизационному подъёму соответствует культурный провал – воочию подтверждается. (Культурное здесь то, что подпитывается волей к жизни; цивилизационное – то, что её регламентирует и иссушает.) Существо социальное пошагово трансформируется в существо социотехническое. По меркам цивилизации – это прогресс, по природно-культурным и экзистенциальным меркам – несомненный упадок, декаданс.

В рамках политико-идеологического дискурса (нынешнего – вне всяких сомнений) говорить о сильной онтологической нагруженности понятия «хаос» не приходится. Оно, с неоправданно восхваляемым или столь же неоправданно демонизируемым своим предметом, становится клишированным элементом примитивнейшей пропаганды.

В ситуации информационной войны всех против всех, а она сегодня налицо, номинальные антагонисты подыгрывают друг другу. Так, либерализм (идеология-гегемон в деидеологизированном мире), увязывая свободу с онтологически слабым, ущербным хаосом, оказывается в одной упряжке с записными душителями человеческой свободы, получающими в своё распоряжение спекулятивный, дважды спекулятивный повод ограничивать свободное волеизъявление людей в связи с «угрозой хаоса». Гибридные комбинации либерализма с клерикальным мракобесием, полицейско-олигархическим произволом и сциентистско-технологической оголтелостью необъяснимо странными остаются лишь для стандартизированного сознания одномерной социальной персоны.

О нестабильности, хаотичности и непредсказуемости сегодняшнего мира говорится слишком часто, для того чтобы сказанное походило на правду. Декларируемая хаотичность обрамляется, как правило, тревожной тональностью. Однако стоит задаться вопросом: нестабилен, шаток сам теперешний мир или наши представления о нём? Не стану отрицать определённого роста действительных, ненадуманых угроз, подстерегающих

сейчас человека. Помимо широко освещаемых средствами массовой информации-дезинформации опасностей «политкорректных» (не могу без иронии употреблять этот лексический штамп), нельзя не учитывать и иные. В частности, немалую вероятность столкновения изнеженного «цивилизованного мира» с технически оснастившимся религиозным фундаментализмом. Нельзя сбрасывать со счетов и мальтузианского толка опасность мировой толчеи: Земля, как и небезызвестный конь-Боливар, всех желающих определённо не вынесет, а масштабная колонизация космоса в обозримом будущем так и останется (может, и к лучшему?) уделом научной фантастики. Да, извне обступающих человека нешуточных проблем хватает, однако, убеждён, серьёзных проблем с сознанием, с ростом его неадекватности куда больше – и на уровне обыденного мышления, и, что печальнее, на уровне мышления с претензией на теоретичность и элитарность. Смешно, например, наблюдать, как статусные юристы и дипломаты призывают всех жить по правилам, словно не понимая, что сами они, правоведы и служащие Посольского приказа, потому только и нужны, что писанные законы и ратифицированные договорённости постоянно нарушаются. Причина проста: формальное правило далеко не всегда справедливо и, уж точно, никогда не соразмерно тонким хитросплетениям жизни. Из той же серии: посмотрите на российских чиновников, которые (кто по-школярски, с мимикой пай-мальчика, кто с оскалом шпаны) обижаются, что сограждане не очень-то блюдут в период «самоизоляции» разработанные для них модели поведения. А поступают так люди, надо заметить, отнюдь не всегда по безответственности; нередко – исходя из вполне фундированного соображения, что сплошная оцифровка и тотальный контроль не менее вредоносны, чем вирусная инфекция. И нечего управляющей компании обижаться (если за обидой не скрывается более тяжкая корысть): жизнь – не модель, не схема...

Ещё несколько иллюстраций к сказанному выше о разрухе в мозгах и о спекуляциях на действительных и мнимых угрозах.

Часто слышим: мир нестабилен, потому что стал однополярным, конкретнее – проамериканским, прозападным, почти сплошь капиталистическим (социалистическая риторика Китая не должна вводить в заблуждение). Но нам-то, живущим в России, не на кого жаловаться и пенять, кроме как на себя: мы сами сдали, разрушили другой, некапиталистический полюс.

Наши официальные лица и официозные СМИ постоянно негодуют по поводу двойных стандартов в мировой политике, будто не замечая ни наличия двойных стандартов в политике внутренней (что куда более несправедливо), ни того, что определённая двойственность атрибутивно присуща социально-культурной реальности: свой – чужой, сильный пол – слабый пол...

С новостных лент не сходят сообщения о серьёзных угрозах миру, исходящих от «международного терроризма». Но сколь же абстрактно очерчивается противник: борцы за свободу и независимость легко и конъюнктурно уравниваются тут с религиозными фанатиками, а в действиях последних не различается их радикальное неприятие гламурного капитализма и

светской культуры как таковой.

О собственно социальных корнях жёстких порой, с классовым оттенком (да-да!) столкновений вообще ни полслова – вместо этого пропагандистская нудьга о вмешательстве извне, об эдаком компьютеризированном «опломбированном вагоне». А чего вы хотите в интернет-эпоху и не замечены ли сами в онлайн-манипуляциях? Дополняют незатейливую агитку информационные вбросы о доморощенных козлах отпущения, на «красную карточку» наигравших в априори коррумпированных бюрократически-финансовых комбинациях. Наивный вопрос – не надёжнее и не честнее ли нам самим, сообщая и не ссорясь, устранить имеющуюся в стране вопиющую несправедливость, на которую не без умысла и избирательно указывают наши западные «партнёры»? – оставлю, пожалуй, только для князя Мышкина, если он ещё раз задумает сменить швейцарскую психушку на российскую действительность. От гипотетических построений снова к хронике текущих событий. Понятие эксплуатации табуируется сегодня, как будто его денотат остался вместе с многотомным марксизмом-ленинизмом в ушедшем тысячелетии. Ядовитая склейка душегубства и мироедства, продолжающая отравлять человеческую жизнь, лукаво сводится к случаю Родиона Раскольникова, с заведомо упрощающей проблему нервической фигурой персонажа, обстоятельствами его поступка (а если без сестры кровопийцы-процентщицы?) и трагико-идиллическим финалом романа.

Умопомрачительна ситуация вокруг либерализма в России. Декларативно его чаще осуждают и противопоставляют «традиционным ценностям», но на деле существенная черта либерализма – культ формального закона – ускоренно внедряется во все сферы общественной жизни, включая, увы, и сферу образования. Теперь и там приоритетная роль отводится сугубо формальным критериям оценки труда. Вовсе не важно, оказывается, в научном плане, что ты написал и насколько поняли написанное тобой, – с тебя спрашивают рейтинг издания и количество ссылок на твои публикации. В учебном плане тот же клин. Не так важно, оказывается, доверяют ли тебе студенты или не доверяют (а как без доверия передать им что-то содержательное и на что-то содержательное наставить?), – куда больший спрос на презентационную имитацию бурной деятельности и на перманентное переписывание «рабочих программ» для непрерывно меняющихся «образовательных стандартов», главная, если не единственная, причина быстрой смены которых – финансовая корысть министерских и околominистерских структур. Впрочем, помимо элементарной наживы, здесь с очевидностью просматривается ещё одна цель: искусственно держать профессорско-преподавательский состав вузов в состоянии напряжения и неуверенности в завтрашнем дне.

Несуразицы нынешнего российского самосознания и его типических проявлений объяснить не сложно. Наша страна по своим масштабам, человеческому и природно-территориальному, оправданно претендует на культурно-цивилизационное, а стало быть, и ментальное своеобразие. («Цивилизационное» тут не антипод «культурного», а одно из понятий, служащих для обозначения относительно автономного устойчивого фрагмента

человечества.) Но подлинного своеобразия сейчас нам явно недостаёт. После реставрации капитализма мы превратились в его ординарную часть, вся особенность которой, по сути, в примеси полуфеодалных черт.

Каковы общие, глобального уровня причины нарастающей деструкции сознания, отпадения его от реалистических основ, ускоренного сползания в иллюзорность, в область обмана и самообмана? Как ни парадоксально на первый взгляд, главная причина – в одолевающем людей чрезмерном прагматизме, оборотной и синхронной стороной которого оказывается компенсаторное погружение в иллюзию. Избыточный прагматизм, мелочная расчётливость формируются вследствие не критичного отношения индивида и тем более масс к функционирующим технологическим сетям. Каждый из нас вольно или невольно подстраивается под их режим. Итог удручающий: сознание прежнего человека, напичканного идеологией, было менее химерично, нежели сознание теперешнего гиперпрагматика, эффективно нормирующего своё существование. Высказанные уже ранее критические соображения касательно социальной ориентации на эффективность (см.: [5]) могут быть сфокусированы здесь в том тезисе, что она достигает своих максимальных значений, когда сверхприбыли дают и операции с прозрачностью. Симбиоз голой прагматики и безосновных фантазий поступательно ведёт – по известному маршруту (см.: [1]) – в тоталитарный тупик.

Поясняя собственную позицию и её теоретические основания, подчеркну два момента. Во-первых, прагматичность и эффективность (в моём представлении) суть атрибутивные черты капитализма. Одолеть его на этом поле невозможно. Социализм, вступив тут в состязание с ним, не имел победных перспектив. Для победы над капитализмом надо и вправду идти *другим путём* – не экономическим (подробнее см.: [5]). Во-вторых, всё, что окружает человека, включая то, что действует на него максимально принудительно (и в этом смысле – объективно), не может быть истинным образом осознано вне наличествующих субъективных ощущений. Без ощущения справедливости нет и справедливости. Без ощущений порядка и хаоса нет ни хаоса, ни порядка.

Признавая и реальное, неспекулятивное нарастание неустойчивости окружающего мира, имеет смысл задаться вопросом: так ли уж хороша, и если да, то насколько, его устойчивость, предсказуемость и управляемость? Ведь сама жизнь, неустранимо граничащая со смертью, рискованна по своему существу. Не факт, что минимизация рисков априори благотворна – и в экзистенциальном, и в социально-культурном плане. Поэтическая строка Фридриха Гёльдерлина – «Где опасность, там вызревает спасение...» – по достоинству оценена неравнодушными к судьбе человека философами. Разумеется, угрозы всё же различаются по качеству: одни – действительно идут во здравие, вбрасывают адреналин в кровь, стимулируют сопротивление, инициируют нанесение праведных превентивных ударов; другие – наоборот, толкают к апатии или бестолковой суеде. Ясно также, что контуры одной и той же угрозы неодинаково воздействуют на разных людей. При этом любая опасность из любого списка, актуализировавшись, может стать роковой. Хоть и

не все они реализуются, существует их количественный потолок, превышение которого неминуемо ведёт к катастрофе, так что фабрикация угроз (особенно – нелепых) является неблагоприятной практикой. Самая абсурдная, но отнюдь не фиктивная опасность – в *культе безопасности*: в подмене декларируемой защищённости неафишируемым контролем.

Бесспорно, определённый уровень стабильности и защищённости необходим для содержательной жизни. Но какова цена, которую мы готовы за стабильность и безопасность платить? Сегодня власть имущие предлагают нам, по сути, упомянутый культ безопасности, и он становится контрпродуктивной, тоталитарной угрозой. Правящие технократы по недостатку ума (тактики, не стратеги) надеются, поставив сограждан под полный контроль, самим пребывать вне зоны слежки. Короткий мираж рассеется с фатальным опозданием для всех. Притесняемым ныне, увы, потом не отыграть: разочарованием некогда самонадеянного противника, а оно не за горами, запуганному и соблаздившемуся не взбодриться.

Список использованной литературы

1. Кёстлер А. Слепящая тьма / пер. А. Кистяковского, В. Алексева. М.: ДЭМ, 1989. 208 с.
2. Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности / пер. Л. Медведевой. Екатеринбург; М.: Кабинетный учёный, 2015. 196 с.
3. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / пер. Е. Герцык и др. М.: Культурная Революция, 2005. 880 с.
4. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / пер. Ю.А. Данилова; общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича, Ю.В. Сачкова. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
5. Фатенков А.Н. Эффективность как ложный ориентир развития общества? // Социологические исследования. 2018. № 7 (411). С. 135–145.

Раздел II ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

АВДОШИН ГЕОРГИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ

Казанский государственный энергетический университет, г. Казань,
Российская Федерация

ОТНОШЕНИЯ ВИДИМОГО И НЕВИДИМОГО В СВЕТЕ ДИАЛЕКТИКИ

Понятия видимого и невидимого наиболее актуальны сегодня, пожалуй, в рамках современных визуальных штудий, которыми характеризуется «иконический поворот». Разумеется, мы можем использовать данную понятийную пару и в других сферах: в принципе любое философское и научное вопрошание как попытка понять видимый мир явлений, представляет собой, по сути, сведение его к невидимым (по крайней мере, невооружённым взглядом) основам. Познание в этом смысле – это желание видеть невидимое. Здесь сферу невидимого можно «наполнять» любыми сущностями: невидимый Бог, элементарные частицы, эгоистические гены, движущие силы истории. Эти и многие другие обозначения невидимого можно объединить в понятии энергии, понимая под последней и «силу», и «перводвигатель», и «жизнь», и «материю» – в общем, всё то, что движет вещами. Вероятно, основная разница классического философского и современного научного подходов в том, что первый выделяет энергию в отдельную субстанцию, тогда как второй ищет её носителя, с которым она неразделима (элементарные частицы, гены и т. д.).

Для описания отношений видимого и невидимого мы хотим обратиться к диалектике. Поскольку, во-первых, видимое и невидимое представляют собой противоположности, во-вторых, находятся в процессе развития. В этом аспекте они одновременно отличны друг от друга и тождественны. Мы собираемся рассмотреть их отношения с опорой на платонизм и Гегеля. А в качестве аналога понятия энергии мы будем использовать понятие-образ «взгляд», которое мы выбираем, руководствуясь соображением, что раз имеет место видимое, то, значит, есть и видение – «взгляд». В принципе, взгляд должен быть чьим-то взглядом, т.е. принадлежать тому, что обладает сознанием. В данном контексте взгляд – это характеристика Ума, второго начала платонической триады Единое-Ум-Душа. Его можно также понимать и как ту силу, которая «заставляет» гегелевскую Абсолютную Идею разделиться на объект и субъект. Взгляд – это энергия, которая имеет направление, сосредоточение, иначе говоря, это направленная энергия, переходящая от единого ко множому. Сосредоточенный взгляд становится видом. Вид – понятийный коррелят взгляда в пространстве множественного бытия. Вид – это своего рода застывший взгляд. В паре «видимое – невидимое» вид соотносится с первым, взгляд – со вторым.

Выявив содержательную сторону диалектической пары «взгляд – вид», необходимо отметить, что взгляд мы понимаем не только как человеческий

взгляд, но как свойство вещей вообще, которое выражается в обретении вида, оформлении их в процессе развития. В таком свете его истоком является Ум платонической триады, пространство идей. В качестве примера здесь можно привести размышления Плотина о том, что вещественный мир – результат созерцания природы, которая сама является результатом созерцания Души, последняя же – Ума [5]. Или размышления Николая Кузанского о дереве: рост дерева из своего семени можно сравнить с видением, когда дерево из потенциального состояния переходит в актуальное [4, с. 58-59]. Наконец, развитие гегелевской Идеи – это тоже своего рода видение, попытка увидеть Идеей саму себя сначала в природе, а затем в формах духа.

Для описания взаимоотношений видимого и невидимого мы хотим ввести понятие *модусов видения/видимого*: изображение, отражение и преобразование. В модусе изображения описывается процесс перехода от идей к вещам, это создание вещей «по образу и подобию». Этот модус описывает переход от невидимого к видимому, от взгляда к виду. Отражение – это создание зеркальных копий вещей, их расширение в видимом мире, выражающееся в «тупиковом» движении от видимого к видимому. Преобразование – процесс возвращения вещей к идеям, это обратный переход от видимого к невидимому. Если соотнести данные модусы с гегелевской логикой, то модус изображения можно сопоставить с бытием, суть которого – *переход в другое*. Отражение – это сущность, или *видимость в другом*. Тогда как преобразование сопоставимо с понятием, которое является единством бытия и сущности, их истиной. Понятие характеризуется как *развитие* [2, с. 343]. Можно сказать так: развитие – это преобразование, которое заключается в обнаружении в видимом его смысла, иначе говоря, обнаружение невидимого в видимом. Смысл-невидимое – это своего рода скрепа, которая держит видимое и не даёт ему распасться. Эти три модуса позволяют описать процесс развития в свете диалектической пары видимое – невидимое: невидимый взгляд переходит в вид (изображение); затем «распространяется» и «теряется» в видах (отражение); затем находит себя в них (преобразование).

Модусы видения можно применять в качестве инструмента для описания как природного мира, так и мира культуры. Но в первую очередь этот инструмент подходит именно для последнего. Можно, конечно, для описания такого процесса, как появление из почки цветка, а из него плода, о котором пишет Гегель [1, с. 36], использовать триаду изображение – отражение – преобразование. Однако для характеристики, например, развития искусства она подходит в большей степени. Ведь все названия модусов этимологически связаны со словом «образ», означающим нечто «обрезанное», «вырезанное». Так и пространство культуры являет собой «вырезку» из действительности, которую человек возделывает, т.е. преобразует. И преобразуя, преобразуется сам. Что касается искусства, то в широком смысле слова это и есть практика возделывания. Мастер изготавливает вещи, т.е. переводит идею, замысел в вещь – это модус изображения. Художник обособляет вещественный мир в особом пространстве, делает его видимым в другом, например, в романе, картине, скульптуре – это модус отражения. Зритель/пользователь открывает смысл,

практический и созерцательный, в произведениях искусства, движется от вещей к идеям – так работает модус преобразования.

Если взять исторический контекст, то можно увидеть в такой перспективе развитие, например, изобразительного искусства: иконопись (византийская, русская, итальянская доренессансная) представляет собой видимое в модусе изображения. Живопись Ренессанса, а также вся художественная европейская и отчасти русская традиция до второй половины XIX столетия представляет видимое в модусе отражения, где идеалом выступает близость художественного образа природе, которой следует подражать с математической точностью [3]. И, наконец, авангардные течения XX века представляют видимое в модусе преобразования, когда образы освобождаются от натурализма, статичности, начинают распадаться на составные части и доходить до первоэлементов (кубизм, супрематизм).

Наконец, следует наметить два основных порядка отношения видимого и невидимого с точки зрения человека и общества. Условно назовём их вертикальный и горизонтальный. Вертикальный порядок означает движение вниз, т.е. воплощение идей в вещественном мире, творение их по образу и подобию (изображение) и, обратно, движение вверх, развоплощение, преобразование, когда мы движемся от вещей к их прообразам. В общественной практике такой порядок предполагает создание различных сакральных пространств, в которых он осуществляется человеком.

Горизонтальный порядок – это движение, в соответствии с его названием, на горизонтальной поверхности. Это создание зеркальных копий вещей, нескончаемое притяжение-отражение их на плоскости – картины, фотокамеры, киноаппарата и т.д. Это мир, созданный в модусе отражения, мир копий-симулякров, оторванных зачастую от первообраза. В общественной перспективе – это светский порядок жизни, когда устремлённость вверх ослабевает и человек «замыкается» на самом себе, отрицая мир идей и отношение с ним.

В заключении отметим, что эти условные линии в действительности пересекаются, символически представляя собой крест, который движется силой истории, постоянно меняя верх и низ местами, и тем самым объединяя их в единое целое.

Список использованной литературы:

1. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. – М.: Академический Проект, 2008. – 767 с.
2. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. – М.: Мысль, 1975. 452 с.
3. Леонардо да Винчи. Книга о живописи // Эстетика Ренессанса: Антология. В 2-х тт. Т.2. – М.: Искусство, 1981. С. 360-366.
4. Николай Кузанский. О видении Бога // Николай Кузанский. Сочинения в 2-х т. Т.2. – М.: Мысль, 1980. С.33-94.
5. Плотин. О природе, созерцании и едином // Космос и душа. Учения о

вселенной и человеку в Античности и Средние века (исследования и переводы). – М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 497-516.

АДАМОВ АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ

Поволжский институт управления, г. Саратов, Российская Федерация

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ В XXI ВЕКЕ ЭПОХИ НАРОДНОГО РАЗУМА – НООСФЕРЫ

В 1925 - 1926 гг. Владимир Иванович Вернадский [14 - 18] разработал учение о биосфере и, открыв интеллектуальный вектор глобальной эволюции человечества, сформулировал гипотезу о превращении биосферы в эпоху разума позже названную Э. Леруа (1927) ноосферой и поддержанную П.Тейяром де Шарденом (1955). Глобальное философское общество, представлявшее хаотический плюрализм мнений, взглядов и идей, основывающихся на концепциях философов XIX– начала XX веков, не восприняло его гипотезу. В 1944 году В.И. Вернадский создал гениальное учение о ноосфере, утверждающее неизбежность становления эпохи разума, К концу XX века в учении о ноосфере, фундаментальной и марксистской философии возникли потребности в уточнении и обосновании некоторых положений.

Прогрессивные философы Ю.А. Жданов (1947); Н.П. Антонов с соавт. (1976–1991); Р. Баландин (1983); Н.Н. Моисеев (1990); А.К. Адамов (1952–2000); А.Л. Яншин(1996); Ф.Т. Яншина (1996); Г.С. Смирнов (1998, 2007); Н.Н. Лукьянчиков и А.Г. Маленков (1998); Л.С. Гордина (2005, 2007); В.Н. Василенко (2010); В.А. Грачев (2013), поддержали, разрабатывали и разрабатывают гениальное учение В. И. Вернадского о ноосфере.

Созданное В.И. Вернадским учение о ноосфере послужило стимулом к созданию в 1995-2000 году ноосферной философии эпохи народного разума – ноосферы [1 - 4].

Ноосферная философия есть русская философия народного разума, анализирующая и формулирующая синергетические и интеллектуальные (изобретенные человеком) законы образования реальностей (косных и живых объектов, флоры и фауны, материальных систем, цифровизированных систем и виртуальных образов), а также обобщающая их действие, чтобы способствовать формированию справедливой эпохи народного разума - ноосферы и выполнению людьми их предназначения на планете Земля.

В ноосферной философии на основе новейших достижений науки была уточнена научная трактовка некоторых философских категорий: реальности, материи, движения, объекта, дополненности, человека, сознания, труда, цели, идеалов, обоснованы новые категории: «комплемента», «компетентность» «комплементно – компетентный принцип взаимодействия реальностей», «ноосферная республика», «ноосферная экономика», «ноосферное

общество»; открыто предназначение людей на планете Земля, сформулированы всеобщий основной закон мироздания и закон всеобщего бытия человечества

Реальность это категория, объединяющая материальные объекты, нематериальные явления или физические феномены (время, волны) и духовные (интеллектуальные, идеальные) феномены (слова, мысли, интеллектуальные законы), существующие в планетарном и космическом пространстве.

Материя есть философская категория, обобщенно отражающая основу реальностей мироздания, которая существует вне нашего сознания в форме объектов и познается мыслящим объектом материи – мозгом при непосредственном восприятии их свойств органами чувств или с помощью созданных человеком инструментов познания [4, 5].

Планета Земля образовалась 4,5 млрд. лет тому назад и 1 млрд. лет остывала. В этот период формировались законы синергетики, по которым развивалась материя, образуя на планете, а, следовательно, и в космосе, косные реальности: объекты минералов, газы. Законы синергетики есть законы самоорганизации, саморегулирования и саморазвития материи. До образования мыслящих людей эволюция всех существующих реальностей на планете Земля, происходила по синергетическим законам самоорганизации, самоуправления и саморазвития.

По распространенной среди материалистов концепции материя развивается, образуя различные формы объектов на основе диалектического единства взаимопроникающих противоположностей или противоречий (Гераклит из Эфеса, V в. до н.э.; К. Маркс Ф. Энгельс, В. Ленин и их последователи в XIX–XX в. в.). Но это единство никто не подтвердил принципом достаточного основания.

Ф. Г. Бредли в XIX в. утверждал, что внутренняя противоречивость и единство противоположностей не присущи «Абсолюту», существующему как непротиворечивое единство.

Представить и показать, как борются противоречия, еще возможно, но как они побеждают, как количество переходит в качество и образует новое качество с новым единством противоречий, объективно представить или показать невозможно.

В ноосферной философии сформулированы следующие определения категорий «качество» и «количество»:

Качество (категория «Качество») есть свойство (признак) или совокупность разных свойств конкретного объекта, составляющих его сущность, отличие от других объектов и основу бытия. Качественные признаки составляют единое целое объекта (предмета). Потеря качества сопровождается разрушением, прекращением бытия объекта.

Количественная характеристика объекта, отражает две группы свойств: а) количество главного его свойства, то есть качества, выраженного в объеме, массе, зарядах атомов и т.д., составляющих основу его сущности, и б) количество второстепенных признаков объекта (предмета). В ноосферной философии сформулировано следующее определение категории «количество»:

Количественная мера объекта - категория «количество» складывается из числа (количества) разных качественных свойств и количеств каждого качественного свойства, составляющих качественную основу его сущности, и количества второстепенных признаков объекта.

В ноосферной философии доказано, что противоречивые свойства не могут сами по себе соединяться с образованием объекта. Количество не переходит в качество. Количество взаимодействующих качеств образуют объект с новым качеством. В объекте не может быть диалектического единства противоречий и взаимопроникновения взаимоисключающих сторон или явлений. Различные естественные объекты материи имеют конечные сроки существования – свойство прерывности; в то время как материя беспредельна в пространстве и бесконечна во времени – свойство непрерывности. Накопление совокупности всех признаков объекта не изменяет его качества. Например, увеличение количества воды в водоеме не превращает ее в другое качество (другой объект). В системах объектов при изменении количества одного из взаимодействующих объектов возможно изменение качества этих систем [4,5,6].

В таблице Д.И. Менделеева установлено, что элементы образуются посредством изменения количества определенного качества (протонов, несущих положительный заряд в ядрах атомов), а не изменением количества массы (веса) атома, как утверждал Ф. Энгельс. В таблице Д.И. Менделеева показано, что, начиная с водорода, каждый новый элемент образуется при увеличении количества протонов, (то есть количества качества) дополняемых соответствующим количеством электронов (количества другого качества).

В биологии в XIX в. был открыт принцип дополнительности (комплементности), по которому в живых организмах происходят процессы метаболизма веществ и их регулирование (Эрлих П., 1891; Борде Ж., 1901; Гось В.И., 1911; Брусин А.М., 1925; Гамалея Н.Ф., 1928, 1939; Гостев В.С., 1959; Лазарев Н.В., 1961; Богданов А.А. и Шакулов Р.С., 1965; Азерников В., 1966; Евреинова Т.Н., 1966; Вилли К., Детье В., 1974; Адамов А.К. с соавт., 1966, 1968, 2011).

В начале XX в. физик Н. Бор на принципе дополнительности создал квантовую теорию. Н. Бор полагает, что биологические законы являются дополнительными к законам, которым подчиняется неживая природа.

В ноосферной философии мною [6, 7, 8] обосновано, что образование объектов материи и их взаимодействие происходит посредством содержащихся в них качественных свойств, названных комплементами (или дополнительностями – от латинского слова – *complementum*) и компетентности (от латинского слова *competentia* – согласованность частей, связь, завершение).

Категория комплемента или дополнительность это пространственная материальная зона объекта или часть атома, или нематериальная зона явления, которые взаимно соответствуют и могут дополнять друг друга, образуя новый объект.

Комплементы, взаимодействуя, соединяются физическими, химическими,

электромагнитными силами. Посредством комплементов (свойств или структур), способных взаимодействовать с подобными им свойствами или структурами с образованием нового единства взаимодействующих структур происходит образование нового более сложного объекта или системы. Взаимодействие комплементов может быть устойчивым или неустойчивым. Завершенная, устойчивая связь комплементов – это специфически законченный, то есть завершенный или компетентный процесс образования объекта.

«Компетентность» есть категория, отражающая завершенность соединения комплементов - дополнителеностей с образованием новой реальности с новым качеством.

Все реальности (предметы, вещи, вещества, и нематериальные феномены) существуют, взаимодействуют, развиваются, эволюционируют и организуют миропорядок посредством всеобщего универсального фундаментального комплементо – компетентного закона. Сущность объектов (вещей, других реальностей) заключается в завершенном - компетентном единстве комплементов - дополнителеностей.

Объект (категория «Объект материи») представляет собою компетентное (завершенное) единство комплементов (дополнителеностей), образованное устойчивыми внутренними силами, придающими ему содержание, свойства и форму.

Согласно ноосферной философии, движение есть мера энергии и комплементности. В природе по синергетическим законам самоорганизации, саморегулирования и саморазвития материи под действием энергии происходит борьба противоположностей, противоречий и взаимодействие соединяющих сил разных комплементов, дополняющих друг друга и обуславливающих образование компетентного единства комплементов в форме нового объекта или явления с новым качеством.

В процессе эволюционного развития реальностей ведущим звеном служит информация. Согласно ноосферной философии, информация есть атрибут материи, который отражает структуру объекта и направляет взаимодействие комплементов объектов. Информация характеризуется количеством, ценностью, содержанием. При развитии реальностей взаимодействие их комплементов направляется посредством информации на повышение уровня организации объектов, то есть на увеличение их негэнтропии.

Соединение разных объектов, не содержащих комплементов (то есть имеющих противоречивые структуры), происходит под влиянием мощных энергетических воздействий, вызывающих образование комплементов в этих объектах и сил, связывающих их в новый объект с новым качеством.

Принцип комплементо – компетентного взаимодействия обоснован в качестве всеобщего универсального фундаментального закона образования, существования и развития объектов материи или других реальностей. Реальности, образованные по синергетическим законам самоорганизации, саморегулирования и саморазвития материи, названы естественными.

Комплементо – компетентное взаимодействие С, N, O, H, P элементов,

направляемое информацией, обусловило образование молекул с четвертичной структурой и новым более сложным уровнем их движения – жизнью.

Первые живые немыслящие объекты материи, в которых сформировались новые законы движения материи, и новые законы их взаимодействия с неживыми объектами, возникли на планете Земля 3,5 млрд. лет назад в архейский период эпохи Криптозоы. Живые объекты материи, образовавшись из косных объектов, продолжили ее развитие по законам жизни и создали качественно новую стадию (эпоху) развития материи - биосферу. По синергетическим законам самоорганизации, саморегулирования и саморазвития материи, образуются объекты, волны, пространство, время, информация и немыслящие живые объекты.

Эволюцию живых объектов обусловило развитие вирусного, клеточного, полового и зиготного кодов информации [1]. Однако эволюция реальностей по синергетическим законам самоорганизации, саморегулирования и саморазвития, завершившаяся образованием планеты Земля и ее биосферы, исчерпала все возможные варианты комплементных взаимодействий и развития посредством существующих видов энергии. И, по - видимому, чтобы развитие реальностей продолжалось, в биосфере по синергетическим законам самоорганизации живых сложных организмов, образовались люди.

Общий предок людей (человек умелый) возник несколько миллионов лет назад, предположительно в кайнозойском периоде планеты Земля. По законам синергетики в человеке образовались органы: мозг (интеллект), формирующий посредством мышления сознание, управляющее познанием законов образования и движения реальностей, язык для речевого обмена информацией и руки для производства реальностей. Но философы, не имея медицинских знаний, не обсуждая значения особенностей функций органов людей, диапазона и потенциала их способностей, до конца XX века отрицали возможность познания предназначения людей на планете Земля.

Г.В.Ф. Гегель, обосновав по сформулированным им законам диалектического мышления развитие абсолютной идеи, тем не менее, отрицал возможность диалектического развития природы. К. Маркс законы диалектического мышления, открытые Г.В.Ф. Гегелем, принял за основу своего учения о диалектическом материализме в качестве всеобщих законов движения материи (развития природы), доказывая, что единство противоречий составляет основу мироздания. Но доказать не смог. В.И. Вернадский (1991), утверждал, что диалектику Г.В.Ф. Гегеля нельзя переносить на природу.

В.В. Ильин (1993, 1994) также не смог научно обосновать развитие мира по законам марксистского диалектического материализма.

В марксистской философии общей целью и смыслом бытия людей утверждалось строительство светлого будущего – коммунизма. В XX в. марксистский диалектический материализм восприняли многие философы. Однако, социализм, в строившемся по законам диалектического материализма СССР и странах народной демократии, был разрушен рыночным капитализмом.

И. Кант [19], К. Маркс [21], Ф. Энгельс [24], В.И Ленин [20], И.М. Борзенко, В.А. Кувакин, А.А. Кудишина [13], А. Бобков [12], П.И.

Пидказистый [23], отрицая естественное предназначение людей в природе и общий смысл человеческого бытия вследствие их индивидуальности, доказывали, что люди образовались в биосфере, чтобы жить, самосовершенствоваться и саморазвиваться. Большинство философов в XXI в., основываясь на знании многовековой жизни людей в труде и отдыхе для обеспечения сытой жизни и развлечений, сделали вывод, что люди на планете образовались для жизни в биосфере, реализуя свои способности самосовершенствованием и саморазвитием. В ноосферной философии доказана ошибочность этого вывода и обосновано существует, что предназначение людей в природе.

В XX веке знания людей обогатились многими законами механики, физики, химии, электроники и др., способствующими более глубокому пониманию земных и космических явлений, и законов синергетики, управляющих энтропией и накоплением негэнтропии (Дюкрот А., Терлецкий Я.П., Матвеев М.Н., Пригожин И.). Энтропия – мера дезорганизации (хаоса) любой системы; негэнтропия – понятие противоположное энтропии – это мера упорядоченности системы. Н. Винер отождествил с негэнтропией количество информации, ставя ее по значению в Мироздании на уровень вещества и энергии.

В.П. Маслов [22] представил доказательства, что человеческие революции совершались как фазовые переходы по законам термодинамики.

Проведенные мною исследования послужили основанием для уточнения действия законов Г.В.Ф. Гегеля. В ноосферной философии доказано, что в мыслях, сознании людей могут сосуществовать противоречивые образы и системы, а также подвергаться анализу, согласованию, объединению, синтезу и устранению, но подобные действия не могут совершаться в материальных объектах и следует согласиться с мнением Г.В.Ф. Гегеля о невозможности их функционирования в природе.

В ноосферной философии, развивая учение В.И. Вернадского о ноосфере, мною в конце XX века, основываясь на последних достижениях науки, были открыты и сформулированы концепты: предназначения людей в природе, движущих сил развития человеческих сообществ и других реальностей, роли труда, производительных сил, закона всеобщего бытия человечества, общих ноосферных идеалов человечества, которые необходимо осуществить, чтобы построить справедливую эпоху народного разума – ноосферу с устойчиво без кризисов функционирующей экономикой [3, 4, 6, 7, 8, 10].

Предназначение людей на планете Земля было определено следующей формулой: люди предназначены в природе посредством органов интеллектуального (духовного) и механического (физического) труда под управлением разума, сознания и мировоззрения, познавать материю и другие реальности, самосовершенствоваться, развивать свой разум, сознание и мировоззрение, создавать условия своего благоденствия, рациональной свободы и безопасности, чтобы, изобретая эффективные технологии труда, осуществлять своим трудом эволюцию реальностей (материальных, виртуальных и других), защиту себя и планеты Земля от биологических,

социальных или космических угроз (опасностей) и освоение Космоса.

Свое предназначение люди осуществляют мыслительной силой разума, технологической производительной силой эволюционного труда, эффективной информацией и восстанавливающим силы отдыхом.

Движущей силой развития человеческих сообществ и других реальностей служат ученые и изобретатели, новаторы (умная сила) и власть - ноократия.

Движущие силы реализуются трудом людей. Труд и отдых есть атрибуты человека. Труд включает два вектора: биологический - обеспечения жизни людей; эволюционный – развитие реальностей. Человеку как биологическому организму требуется отдых

Производительными силами являются: высококвалифицированные и высокообразованные граждане, владеющие всеми видами профессий; власть – сила, поддерживающая деятельность человечества; финансовый, интеллектуальный и материальный капитал.

Познавая синергетические законы, талантливые люди научились изобретать своим разумом новые, не существующие в природе законы развития реальностей, производить по этим законам новые, ранее не существующие реальности и применять их для улучшения условий своей жизни и выполнения своего предназначения на планете Земля. Взаимодействие объектов (материальных реальностей) с образованием нового объекта по законам интеллектики (в отличие от образования объектов по синергетическому закону, действующему независимо от человека), происходит под управлением человека. Взаимодействующим объектам человек создает по изобретенному им или другими людьми интеллектическому закону условия, при которых у них формируются, взаимно дополняющие друг друга комплементы, соединяющиеся с образованием объекта с новым качеством. Различные типы объектов обладают общими свойствами, присущими всем объектам, и свойствами, характерными только определенному типу объекта. Каждый тип объекта имеет свою форму существования. Объекты и другие реальности, созданные людьми, предложено называть ноосферными [6,7, 8, 10].

Главными законами, руководствуясь которыми люди выполняют свое предназначение в природе служат: всеобщий основной закон мироздания и закон всеобщего бытия человечества.

Всеобщий основной закон мироздания есть закон комплементо - компетентного («комплепетный закон») синергетически или интеллектически организованного взаимодействия комплементных структур объектов или явлений, обуславливающий образование и существование многообразия материальных объектов, явлений и различных видов движения.

Закон всеобщего бытия человечества - это закон, по которому люди выполняют свое предназначение в природе, познавая реальности, формируя мышлением сознание и идеалы бытия, создавая трудом условия своего благоденствия и безопасности, развивая и создавая новые реальности (материальные, мыслительные, виртуальные и другие), организуя защиту себя и планеты Земля от биологических, социальных или космических угроз (опасностей) и восстанавливающий силы отдых, а так же освоение Космоса

посредством интеллектуального и механического (физического) труда.

Для справедливой организации бытия людей вместо, существующих идеалов устанавливаются следующие общие ноосферные идеалы человечества: 1) выполнение гражданами закона всеобщего бытия человечества; 2) естественная рациональная свобода людей; 3) строительство ноосферной эпохи человечества; 4) управление ноосферной республикой учеными, изобретателями и новаторами, избранными в учреждения власти на принципах ноосферной демократии; 5) народная власть разума ноократия; 6) ноосферное интеллектуально организованное цифровизированное бытие человечества по законам ноосферной демократии на ноосферных принципах справедливости и благоденствия; 7) достижение ноосферного идеала духовно-материального благоденствия творческого человека (НИДМБЧТТ), заключается в создании себе духовных и материальных условий комфортной жизнедеятельности, способствующих выполнению закона всеобщего бытия человека; 8) достижение ноосферного идеала духовно-материального благоденствия человека исполнительского труда (НИДМБЧИТ), состоящего в создании себе духовно-материальных условий комфортной жизнедеятельности, способствующих выполнению закона всеобщего бытия человека.

Чтобы осуществлялись идеалы и мечты человечества о справедливой жизни в условиях благоденствия, людям необходимо существующие государства трансформировать в ноосферные республики эпохи народного разума - ноосферы по синергетическим и интеллектуальным законам профессионально - представительной ноосферной демократии, организующей их интеллектуальное управление. Справедливость и благоденствие в ноосферной республике устанавливается правительством, которое формирует Республиканскую комиссию ноосферного управления трудом, доходами и зарплатой населения (РКНУТДЗН), чтобы научно управлять организацией труда в ноосферной экономике, распределением доходов и зарплат посредством алгоритма, разработанного в ноосферной философии. В состав РКНУТДЗН избираются представители: ученых академии наук, парламента ноосферной республики, профсоюзов, предпринимателей, банкиров, деятелей культуры, военных, общественных организаций и политических партий [8, 9, 10, 11].

Не министр, не банкир, не предприниматель, не фермер, не чиновник, а именно Парламент, Государственная Дума, Правительство после всенародного обсуждения и одобрения научно обоснованного проекта распределения зарплат, разработанного РКНУТДЗН, устанавливает справедливые верхние и нижние границы величин зарплат всему населению, организуя устойчивую его жизнедеятельность по закону всеобщего бытия человечества. Комиссионно устанавливаемые правительством границы величин заработной платы гражданам разных групп архетипов будет объективным, справедливым и, не вызывая у населения подозрения в несправедливости, зависти к талантливым людям, оптимизировать отношения между людьми.

Эволюция человечества, согласно ноосферной философии, осуществляется посредством творческих революций [3, 6, 7, 10]. В истории человечества совершилось четыре творческих революции: первая –

первобытно-механическая революция, вторая – структурно-техническая революция, третья – научно-техническая революция, четвертая – научно-технологическая революция. В 1944 году, основываясь на открытом В.И. Вернадским вступлении человечества в 1944 году в ноосферу, в ноосферной философии было доказано, что в 1944 году на планете Земля началась пятая творческая ноосферно – информационная революция, продолжающаяся и в XXI веке, цель которой заключается в трансформировании существующих государств в ноосферные республики посредством ноосферной научной мысли, ноосферного труда и ноосферной демократии, выдвигая на посты государственного управления ученых, изобретателей и новаторов.

Список использованной литературы:

1. Адамов А.К. Молекулярные механизмы обмена информации и изменчивость организмов // Микробиология и иммунология особо опасных инфекций. Саратов, 1968, вып. 3, с. 3-30.
2. Адамов А.К. Философские проблемы ноосферы. – Саратов, Изд. СГУ 1995, 57 с.
3. Адамов А.К. Основы философии ноосферы. – Саратов, Изд. СГУ 1996, 155 с.;
4. Адамов А. К. Ноосферная философия. – Саратов, Изд. СГУ, 2000, 126 с.
5. Адамов А. К. Ноосферная демократия – система истинного народовластия./ Саратов, Изд. «Аквариус», 2003, 141 с.
6. Адамов А.К. Ноосферная философия. – Саратов, Изд. Центр «Наука», 2008, 342 с.
7. Адамов А. К. Основы ноосферной философии (Изд.2-е, переработанное), Саратов, Изд. «Саратовский источник», 2013, 411 с.
8. Адамов А. К. Ноосферология (Изд.3-е, переработанное), М., Изд.Фонд им. В.И Вернадского, 2013, 223 с.
9. Адамов А.К. Оптимизация бытия людей по критериям справедливости для создания условий благоденствия.//Человек, история, культура (Альманах), - Саратов, 2014, №12, с. 16 – 25
10. Адамов А.К. Начала общей философии (Учебник). Саратов, Изд. «Саратовский источник», 2017, 271с.
11. Адамов А.К. Психологические аспекты развития управления бытием человечества // Региональная власть, местное самоуправление и гражданское общество: механизмы управления., Саратов, 2018, Изд. Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС, 93 – 103.
12. Бобков А. . Доктрина высшего смысла бытия // Наука и Религия, 2005. - № 8. – С. 8-9.
13. Борзенко И.М., Кувакин В.А., Кудишина А.А. Основы современного гуманизма. М., 2002, 383 с.
14. Vernadsky V.I. Revue generale des Sciences, Paris, 1925;

15. Вернадский В.И. Биосфера. Л. Хим. тех. изд., 1926.
16. Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Успехи совр. биол., 1944, т.18, вып.2. с.188-191.
17. Vernadsky V.I. The biosphere and the noosphere // American Scientist, 1945, v. 33, N 1, p. 1-12.
18. Вернадский В.И. Научная мысль как планетарное явление, 1991.
19. Кант И. Критика практического разума. Соч. в 6 томах. М., 1963, т. 4, ч. 2, с. 7-9.
20. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Изд-во «Звено» 1909, 201 с.
21. Маркс К. Критика Готской программы, 1875.
22. Маслов В.П. Моделирование законов истории как аналогов физических и биологических законов.// Вопросы философии, 2017, № 9, с. 62 – 67.
23. Пидкасистый П.И. (ред.) Психология и педагогика. М. Изд – во Юрайт, 2011, 714 с.
24. Энгельс Ф. 1878, Собр. Соч. т.20, с. 500 - 525.

АРУТЮНЯН КАРИНЭ СЕРГЕЕВНА

Рязанский государственный радиотехнический университет им
В.Ф.Уткина, г. Рязань, Российская Федерация

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ КАК ОДИН ИЗ КЛЮЧЕВЫХ АСПЕКТОВ РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Современная эпоха характеризуется обострением противоречия между достигнутым уровнем развития производительных сил общества и традиционными моделями социального управления. Наметившееся изменение подходов к системе социального управления предполагает соответствующую трансформацию мотиваций, организационной культуры и организационного поведения менеджеров. Таким образом, в результате трансформации российского общества изменились объективные условия функционирования социального управления, а также требования, которые общество предъявляет к специалистам – управленцам.

Эти изменения предполагают необходимость критического переосмысления, прежде всего, ценностно-мотивационных установок персонала служб и организаций. То есть, происходит трансформация социальных норм и мотивов организационного поведения и организационной культуры управленцев.

В условиях неопределенности и риска, присущей всему современному обществу, невозможна последовательная рационализация профессионального поведения управленца. В результате не столько функции профессиональной группы работника определяют их

статусы, позиции, роли, сколько, наоборот, понимание работниками своих функций, статуса, роли, оказывается главным детерминантом организационного поведения.

Организационную культуру нельзя просто декларировать посредством введения кодекса организационного поведения, должностных инструкций и т.д. Организационная культура может составлять основы организационного поведения только в том случае, если ее нормы, принципы, правила и образцы усвоены работниками. Изменения, происходящие в организации, связаны с процессами, протекающими в социальной реальности.

Понятие «социальная реальность» сравнительно недавно вошло в обиход гуманитарных наук и используется в основном в отечественной социальной философии, социологии и междисциплинарных исследованиях, выполненных на стыке этих наук.

Однако термин «социальная реальность» в современной научной литературе до сих пор не имеет чётко определённого значения и довольно часто используется исследователями в качестве синонима таких терминов, как «социальное бытие», «социальная жизнь», «социум», «общество», «социальная действительность» [5]. Следует дать определение социальной реальности, социальная реальность – это всё то, что создано человеком и является объективированным результатом его субъективной деятельности. Эффективность субъективной деятельности во многом зависит от процесса управления.

Существенное изменение развития социальной реальности является неотъемлемой характеристикой социальных процессов конца XX – начала XXI вв. [3]. Как закономерный итог, возникла новая методология исследования социума, базирующаяся на синергетической парадигме. Синергетический подход, для которого характерно в настоящее время особенно интенсивное развитие, является наиболее адекватным для анализа сложной социальной реальности [2].

В современных условиях формирование информационного общества внесло существенные коррективы во внешнюю среду социальной реальности. Неопределенность и динамичность внешней среды стали не только ключевым фактором, оказывающим влияние на функционирование и развитие социальных систем, но и одним из наиболее значимых последствий возникновения глобального информационного пространства [1].

В то же время использование информационных и коммуникационных технологий сформировало условия для глобальных изменений в механизмах взаимодействия и способностях социальной реальности к адаптации. Глобализация сформировала новые благоприятные условия для развития социальной реальности, в то же время создав дополнительные факторы динамики и неопределенности внешней среды. Неполнота существенно усложняет процедуру разработки оптимальных стратегий поведения; в этих условиях основной становится одна из важнейших характеристик социальной реальности – способность к быстрой и эффективной адаптации к динамике внешней среды, что детерминируется восприимчивостью

к инновациям. Неопределенность может привести к социальному кризису.

Кризис можно также определить, как особое состояние, перелом в развитии социальной системы [4]. Кризисное состояние отличается неустойчивостью и вероятностностью альтернативных вариантов системной деятельности. Оценка альтернативных вариантов развития системной деятельности, одним из которых является распад системы, определяет роль когнитивного фактора при преодолении кризисных ситуаций. Понятие недоопределенности субъективно. Когда речь идет о недоопределенности, всегда необходимо определить, для кого именно состояние недоопределено, то есть, в чьем сознании существует эта недоопределенность. Многие кризисные ситуации перешли в затяжные и разрушительные кризисы из-за их неверной идентификации лицами, принимающими решение. Несомненно, в этом сыграл значимую роль не только фактор неопределенности, но и когнитивный фактор.

Формирование и реализация сценариев выхода из кризиса для обеспечения стабильности в обществе на основе инновационных решений требует наличия соответствующего управленческого сознания. Формирование сознания происходит на основе трех важнейших факторов: идеология как система политических, социальных, правовых, философских, нравственных, религиозных, эстетических идей и взглядов, отражающих мировоззрение, идеалы, целевые установки; мировоззрение, как важнейшая часть сознания, присуща индивиду; социально-экономические мотивы, поддерживающие то или иное состояние управленческого сознания.

Таким образом, управленческое сознание обеспечивает адекватную идентификацию рисков, систематизацию угроз и формирование эффективной системы управления рисками и преодоления кризисов. Формирование управленческого сознания в качестве доминирующего требует соответствующей корректировки идеологии, мировоззрения, социально-экономического стимулирования в системе.

Это может быть достигнуто при корректировке наиболее подвижных факторов. Все это позволит не только выработать управленческие решения, направленные на преодоление кризисной ситуации, но и обеспечить интенсивное социальное развитие за счет использования управленческих решений.

Список использованной литературы:

1. Бабурин С.Н., Мунтян М.А., Урсул А.Д. Глобализация в перспективе устойчивого развития. – М.: ИнфраМ, 2011. – 496 с.
2. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М.: Наука, 1994. - 236 с.
3. Николис Г., Пригожин И. Познание сложного. – М.: УРСС, 2003. – 344 с.

4. Филин, С. А. Теоретические основы и методология стратегического управления инновационным развитием. Тула : Изд-во ТулГУ, 2010. – 433 с.

5. Шюц, А. Избранное: мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. – 1056 с.

БЕРЕНДЕЕВ ВАДИМ АНАТОЛЬЕВИЧ

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

СПЕЦИФИКА ПОНИМАНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ГОСУДАРСТВЕННОГО «ПОРЯДКА» И «БЕСПОРЯДКА» В ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ КАРЛА ШМИТТА

Представляется, что Карла Шмитта (1888–1985) – одного из ведущих немецких мыслителей XX столетия – вполне допустимо считать последним крупным «классическим» философом Запада, в научном наследии которого убедительно представлена «линия» по защите «традиционного» понимания упорядоченности социально-политических взаимодействий.

Осмысление К. Шмиттом общественно-государственного «порядка» достаточно пространно представлено в его эпохальном сочинении «Понятие политического» (1927–1932 гг.). Так, в нем отмечается, что «действие нормального государства состоит, прежде всего, в том, чтобы осуществить полное умиротворение внутри государства» и обеспечить в нем «спокойствие, безопасность и порядок» [4]. Однако в обществе, существующем по «индивидуалистским принципам либерального хозяйственного порядка», действительная упорядоченность в области социально-политических отношений Шмитту представлялась недостижимой. Причиной этого он, помимо прочего, считал практическую реализацию присущих либерализму установок «отрицания государства и политического», «нейтрализации», «деполитизации» и «декларации свободы» [4].

В свою очередь, лежащее в основе шмиттовского видения соответствующего «порядка» так называемое «политическое различие» связано, главным образом, с выявлением «друга» и «врага», ведущих между собой борьбу до окончательной победы над противником. К. Шмитт здесь отметил, что политический «враг» – это «именно иной, чужой, а для существа его довольно и того, что он в особенно интенсивном смысле есть нечто иное и чуждое». В качестве главного условия существования «политического единства» мыслитель обозначил способность той или иной группы определить и исключить «внутреннего врага», уточняя, что враг – «есть только публичный враг», «борющаяся совокупность людей, противостоящая точно такой же совокупности», которую, как уже говорилось, имеет смысл именовать «другом». Если же у того или иного народа «больше нет способности или воли»

к указанному «различению», то он «прекращает политически существовать» [4].

Вполне закономерно, что в политико-философской концепции К. Шмитта государство выступает как «основополагающее политическое единство». Этот высший политический институт, обладая правом «собственного решения определить врага и бороться с врагом» (“*jus belli*”), монопольно осуществляет выявление именно тех противоречий, которые следует считать «политическими» [4].

Весьма важной составляющей шмиттовского понимания общественно-государственного «порядка» является его учение о «правах народа» (“*jus gentium*”), изложенное, в частности, в работе «Порядок больших пространств в праве народов» (1939–1941 гг.). В ней К. Шмитт не только четко увязал «персонально» характеризующий данное этно-политическое объединение некий «конкретный порядок» с его «принадлежностью к народу и государству», но и подчеркнул, что «подчиненный понятию народа международно-правовой принцип порядка является правом народов на самоопределение» [5].

Необходимо иметь в виду, что с точки зрения К. Шмитта, политическую сферу – по причине ее уникальности – недопустимо регулировать, исходя сугубо из характерных для либерализма «нормативистских» установок. Собственно шмиттовское видение социально-государственного характеризуется особым вниманием к определяющей роли «решения» (“*deziision*”), а также содержит в себе полемику «с либеральным нормативизмом и его пониманием “правового государства”» [3, с. 7–98; с. 11]. Будучи последовательным «децизионистом», Шмитт в своем известном труде «Политическая теология» (1922 г.) прямо указал, что «суверенен» лишь «тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении» [3, с. 15]. Этот единый носитель власти стоит над законом, что играет очень важную роль в случае серьезной внутренней или внешней угрозы данному государству, когда не ограниченные существующими юридическими нормами действия суверена позволяют, в конечном счете, обеспечить стабильность функционирования данного социально-государственного «порядка». Как думается, упорядочивающую функцию «децизионизма» наиболее точно характеризует утверждение о том, что «главный акцент» он «делает именно на “исключительных обстоятельствах”, так как в это мгновение нация, народ, элиты демонстрируют свою культурную самоидентичность, политическую адекватность и государственную самобытность» [1].

Критическое осмысление сущности либерального общественно-государственного «порядка» весьма убедительно представлено в шмиттовской статье «Абсолютизм» (1926 г.). В ней К. Шмитт отметил, что столь критикуемая буржуазными идеологами «абсолютная монархия в действительности никогда не была... абсолютным абсолютизмом», поскольку «оставались нетронутыми многочисленные традиционные правовые и социальные формы», а «власть короля ограничивалась божественным и естественным правом». Охват «без остатка» всех ключевых областей

жизнедеятельности социума начался, по шмиттовской мысли, в 1793 г., когда «экономически растущая буржуазия» реализовала свои политические амбиции посредством установления якобинской диктатуры. Глубинный смысл подобного «абсолютизма» заключается в том, что здесь «насилие и эксплуатация осуществляются от имени свободы», а само государство превращается «в вооруженного слугу общества», который обязан «защищать свободную игру хозяйственных и социальных сил» и поддерживать «неконтролируемую власть сильнейших» [2].

Таким образом, либеральные теоретики, а также соответствующие политические и иные деятели, выступая вроде бы с гуманистических позиций, демонстрируют приверженность гораздо более «жесткому» варианту властвования, нежели чем сторонники так называемого «шмиттианства». Так, если исходить из логики К. Шмитта, то становится вполне очевидно, что порожденный «анонимной» властью либеральной общественно-государственный «порядок» следует считать намеренно созданным «беспорядком». Это, во-первых, доказывается провозглашением либералами недопустимости «политического различия» и старательным камуфлированием ими участия в управлении тем или иным обществом «чуждых» субъектов социально-политической жизни. Во-вторых, подобное господство базируется на безусловном неприятии любых «классических» трактовок «прав народа» и предполагает замещение последних защитой прав свободно хозяйствующего «экономического человека».

В заключение следует подчеркнуть, что только глубокое понимание сути феномена «политической экзистенции», требующей четкого различия «друга» и «врага», а также решительное проведение в жизнь фундаментальной идеи «прав народа» будут способствовать сохранению необходимого «порядка» не только внутри государства как высшего «политического единства», но и в сфере международных отношений [4; 5]. Именно осуществление на практике указанных установок, как думается, и позволяет оберегать возвышенность «традиционно» человеческого и упорядочивать в каждом конкретном случае область социально-политических отношений в интересах данного государствообразующего народа. Разумеется, что в условиях построения глобального «гражданского общества», в котором будут актуальны лишь некие условные «права человека», перспективы защиты «прав народов» в трактовке К. Шмитта представляются весьма неоднозначными. Тем не менее, важно отметить, что лишь последовательная реализация шмиттовского видения общественно-государственного «порядка» может быть прочным основанием для сохранения суверенитета той или иной страны, претендующей на независимость от Мирового правительства.

Список использованной литературы:

1. Романова Л.М. Диктатура как форма реализации суверенитета (по К. Шмитту). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/15192560> (дата обращения: 06.03.2020).

2. Шмитт К. Абсолютизм. URL: <https://tnu.podelise.ru/docs/index-305742.html> (дата обращения: 06.03.2020).

3. Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете // Шмитт К. Политическая теология: Сборник / Переводы с нем. Заключит. статья и составление А. Филиппова. М.: «КАНОН-пресс-Ц», 2000. С. 7–98.

4. Шмитт К. Понятие политического // Шмитт К. Понятие политического: Сборник. URL: <https://ekniga.org/gumanitarnye-nauki/gosudarstvo-i-pravo/197256-ponyatie-politicheskogo.html> (дата обращения: 06.03.2020).

5. Шмитт К. Порядок больших пространств в праве народов, с запретом на интервенцию для чуждых пространству сил; к понятию рейха в международном праве. URL: http://www.zlev.ru/101/101_67.htm (дата обращения: 06.03.2020).

БОГАТЫРЕВА ЛЮДМИЛА ГЕННАДЬЕВНА

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

ДИАЛЕКТИКА СТАРОГО И НОВОГО В ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ

Жизнь современной женщины представляет собой диалектическое единство традиционного и новационного. В этой диалектике раскрывается своеобразие современного бытия женщины, которое требует своего специального рассмотрения. В этом нам видится не только актуальность заявленной темы, но и ее теоретическая и практическая значимость.

Прежде всего отметим, что традиционные ценности являются теми константами, которые формируют и обеспечивают бытие женщины [3, с. 168]. Женщина была и остается подательницей и хранительницей жизни. Благодаря женщине человек приходит в мир и укореняется в нем. Именно женщины стоят на страже семьи как важного социального института. Это подтверждается современными социологическими исследованиями: «для женщин самой главной ценностью в той или иной степени является семья. Так, в частности, 93 % молодых саратовцев указали на это. Второе место в рейтинге «женских» ценностей занимает желание удачно выйти замуж (66 %)» [1, с. 21]. Семья и удачное замужество остаются ведущими жизненными ценностями женщин, определяющими их цели и линию поведения.

Дети наполняют жизнь матери смыслом. Это также отмечается в современных социологических исследованиях [2, с. 94]. При этом указывается, что современные женщины «хотят родить двоих (70%), но если бы им позволяли условия (социально-экономические, в частности), они бы хотели завести троих и более детей (24%)» [6, с. 84]. Это и понятно. Ведь благодаря ребенку женщина становится матерью, благодаря ему жизнь ее идет по пути

материнства. Оберегая ребенка, воспитывая его, давая ему образование, мать выполняет свое предназначение: дать миру человека. И когда этот человек обзаводится собственным ребенком, для матери нет большего счастья – она становится бабушкой, т.е. женщиной увидевшей плоды своего труда в рождении внука (внучки) и получившей надежду на появление (в свое время) правнука (правнучки). Дети, внуки, правнуки – подлинные ценности бытия женщины.

Для реализации этого жизнь должна наполняться добрыми делами. Это, прежде всего, забота о близких людях как традиционная черта культуры народов нашей страны. Родители всегда находятся в зоне повышенного внимания женщины. Она всегда остается с ними на связи, помогая им в течение всей жизни. Конечно же, это забота о детях – своих или сестер и братьев. Они заполняют ее думы, являясь объектом ее повышенного внимания. Женщина, собираясь в гости, обязательно продумает, какие подарки она подарит не только хозяевам, но и их детям. Безусловно, ее забота распространяется и на подруг, которым она готова уделять внимание каждый день. Многочасовые телефонные разговоры являются хорошим подтверждением этого. Ну, и несомненно, это любимый человек, ближе которого нет. Забота о нем доставляет женщине удовольствие, она ощущает свою значимость в его жизни и этим наполняет свою жизнь.

Таким образом, традиционные ценности составляют значительный «пласт» жизни современной женщины. Такие ценности, как: жизнь, ее сохранение и развитие; дети как проявление самой жизни; брак, семья как формы реализации женской сущности; материнство как главное дело женщины; люди, включенные в круг ее жизни и забота о них; стабильность в делах и отношениях – все это важнейшие традиционные ценности женской жизни. Нарботанные многими столетиями эти ценности сохраняют свою значимость по сей день. Они в той или иной своей части становятся элементами современной индивидуальной культуры женщины. Выстраивая свою жизнь, женщина опирается на эти ценности. Поэтому можно с уверенностью сказать, что традиция как «механизм» воспроизводства человеческих качеств продолжает свое существование сегодня в жизни женщины. Но не только это. Столь же очевидно, что современность привносит свои моменты в образ жизни женщины, заставляя ее откликаться на вызовы времени.

Первое, что следует отметить, это возросшие возможности женщины в самореализации. Пожалуй, никогда в истории человечества у нее не было таких условий, которые принес ей XXI век. Понятно, что здесь сыграли свою роль и возможности информационных технологий (ИТ), и социально-экономическое развитие ведущих мировых стран, и потребность в новых трудовых ресурсах, в которых женщинам отводится заметная роль и т.д. Но факт остается фактом – женщина получила больше возможностей в самореализации. Неудивительно, что женщины активно занялись своим образованием.

Учеба стала несомненной ценностью в жизни женщины. Можно сказать, что высшая школа все более приобретает женское лицо. «Женщин с дипломом о высшем образовании выпускается больше, и их доля ... составляет 56,5%» [5,

с. 62]. Они, буквально, штурмуют университеты, составляя достойную конкуренцию мужчинам. Причем они проявляют активность в получении качественного образования.

В этой связи необходимо еще раз обратить внимание на важность рационального познания в жизни современной женщины. Оно все более становится «инструментом» в решении насущных профессиональных и личных проблем. «Думающая женщина» – это «философствующая» женщина. Она не только больше знает, но и лучше представляет возможные варианты решения проблем. Следовательно, современная женщина становится более защищенной от треволнений жизни, более самостоятельной в оценке ситуаций и принятии решений.

Далее. Современность, безусловно, высвечивает всевозрастающую роль женщины в обществе. Причем это связано не только с усилением позиций женщины в профессиональной сфере, но и с активностью женщин в развитии социальной сферы, социальных отношений [4]. Можно сказать, что через женщину общество становится более социально-ориентированным. Все то, что содействует улучшению жизни людей, интересует женщин: бытовые вопросы, связанные с улучшение жилищных условий, сфера досуга и отдыха, образование и медицинское обслуживание – все является предметом повышенного внимания со стороны женщин.

Все это, в свою очередь, возможно при активной жизненной позиции женщин, которая хорошо просматривается в настоящее время. В научной литературе специально обращается внимание на данный момент. Можно со всей определенностью сказать, что жизнь современной женщины динамична во всех ее проявлениях. Понятно, для того чтобы достичь желаемого, женщине нужна воля и решимость. Современная женщина являет эти качества, демонстрируя свою целеустремленность и последовательность в достижении поставленных целей. Можно сказать, что воля и решительность стали своеобразными маркерами в поведении женщин. С помощью волевого начала женщины вносят коррективы в свою жизнь, обеспечивая ее желательную направленность. Поэтому волевое начало все более начинает определять специфику жизни женщины, раскрывать ее подлинные ценности.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на то, что современная женщина становится, говоря философским языком, более «сложным», «богатым» образованием. Как следствие, она требует к себе специального подхода, в котором уважительное отношение к ней связано не столько с гендерным аспектом, сколько с яркой индивидуальностью, духовно богатой личностью. Тут же отметим, что такие женщины были во все времена. Но это были единицы, которые обращали на себя внимание. Сегодня это довольно массовое явление, которое требует своего осмысления и поддержки.

Нет сомнений в том, что современная женщина стала более конкурентоспособной. Она практически не уступает мужчине в профессиональной сфере. Достаточно сказать, что женщины рвутся в такие, казалось бы чисто мужские области профессиональной жизни, как военная авиация. В России уже осуществляется набор женщин, которые будут

пилотировать сверхзвуковые самолеты. Естественно, что такая активность женщин делает их более востребованными обществом. В свою очередь следует отметить, что большая активность женщин, расширяет рамки их свободы. Через деятельность женщина становится более самостоятельной, а значит, независимой. В свою очередь, независимость женщин делает их более мобильными. Они приобретают новые возможности в плане самореализации. Это, безусловно, содействует еще большей ангажированности женщин обществом. Такова диалектика жизни современных женщин.

Подведем итог сказанному. В жизни современной женщины происходят значительные изменения. Можно констатировать, что наряду с традиционным образом жизни, все более прокладывают себе дорогу новационные модели существования, ориентированные на личность, уважение к ней, понимание ее расширяющейся свободы и мобильности. Трансформация жизненного пути женщины затрагивает, прежде всего, социальные и духовные основы ее бытия. Женщина в перспективе своего жизненного пути видит себя не только женой, матерью, но и успешным работником, яркой индивидуальностью, способной решать возникающие жизненные вопросы. «Традиция» и «новация» – концепты, которые все более определяют жизнь современной женщины.

Список использованной литературы:

1. Бегина И.А., Ивченков С.Г., Шахматова Н.В. Гендерные стереотипы современной провинциальной молодежи: опыт социологического измерения // Женщина в российском обществе. 2018. № 1. С. 19-29. С. 21.
2. Безрукова О.Н. Ценности детей и родительства: межпоколенческая динамика // Социологический журнал. 2017. Т. 23. № 1. С. 94.
3. Богатырева Л.Г. Путь жизни современной женщины: традиция и трансформация: монография. - М. : РУСАЙНС, 2018. 180 с. С. 168.
4. Жизненные миры современной российской семьи: монография / З.Х. Саралиева, В.А. Блонин, Н.Ю. Егорова [и др.]. - Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2015. 264 с.
5. Креховец Е.В., Леонова Л.А. Трудоустройство выпускников высших учебных заведений: гендерный анализ // Женщина в российском обществе. 2017. № 3. С. 62.
6. Кутявина Е.Е., Курамшев А.В., Мифтахова А.Г. Ответственное деторождение в репродуктивных установках современных женщин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Социология и социальная работа. 2014. № 2. С. 84.

ВАЛИШИН ФАН ТАЛГАТОВИЧ

ФМЦ-Динамизм, г. Казань, Российская Федерация

ОТ НЕУСТОЙЧИВОСТИ К УПРАВЛЯЕМОСТИ

“Каково состояние науки, таково и
состояние земной цивилизации”
ФМЦ-Динамизм

В цивилизованном мире господствует стратегия устойчивого развития, и каждая конкретная мировая цивилизация современного мира – и западная, и исламская, и китайская, и индийская – представляют собой различные варианты этой стратегии. Существует то, что устойчиво (бытие) – то, что неустойчиво, не существует (небытие). Развитие есть сущность Существования. Но Реальность не сводится к Существованию – любая попытка держаться за Существование приводит к отрыву Существования от Реальности и превращению его в самостоятельную реальность – так возникает Сущестующее (наличная реальность). Происходит расщепление Онтологии на физику и метафизику (философскую религию) – возникает Дуализм, потеря исходной полноты Реальности. Строго говоря, Сущестующее и есть этот Дуализм – метафизика, здесь всегда присутствует и в том числе и в самой Аристотелевской программе построения науки, в качестве которой можно рассматривать его “Физику”, – а метафизика сюда входит через “перводвигатель”.

Эволюционизм науки – это эволюционизм Аристотелевской программы построения науки. Неслучайно возник вариант Лейбница, который затем обрел форму вариационных принципов, породивших теологические споры... Квантовая физика, при всем своем познавательном рывке, тем не менее так и не смогла преодолеть оковы Дуализма, оформив свою неполноту в форме корпускулярно-волнового дуализма и принципа неопределенности Гейзенберга.

Примерно в такой же период, когда на мировой научной арене возникла квантовая физика, в Казани появилась Четаевская школа аналитической механики, теория устойчивости и неустойчивости со своей Казанской программой построения науки [1]. Исследования Четаева можно свести к трем принципиальным тезисам, поднимающих Н.Четаева до масштаба Н.Лобачевского [2]:

1. Вся существующая наука базируется на Постулате Устойчивости;
2. Именно это обстоятельство приводит к вырождению науки, к сужению класса научных теорий;
3. Срочно требуется переходить на построение науки на базе неустойчивых движений.

Позднее, в лице Пригожина, Хакена и Курдюмова, появилось такое новое научное направление как синергетика, где тоже поднимается вопрос о роли неустойчивости в создании новых структур, но оно не имеет такого масштаба, поскольку синергетика не выходит за рамки траекторных измерений.

Исследования же Четаева выводят за рамки траекторных измерений и представляют собой запрос к волновым измерениям Реальности – отсюда и тяга Четаева к проблематике оптико-механической аналогии, фундаментальная значимость которой еще не оценена научным сообществом.

Творческое наследие Н.Г.Четаева входит в спектр предпосылок стратегии динамизма, созданной в ФМЦ-Динамизм. Принципиальным моментом является то обстоятельство, что в концепции Процесса-Состояния неустойчивость выводит за пределы траекторных измерений, за пределы Существования и может привести к зарождению Волны, к обретению Сущностных измерений Реальности, если неустойчивость превращается в управляемость, что наглядно демонстрирует динамика полета летательных аппаратов[3].

Стратегия динамизма несет Альтернативу Существующему, которое держится на стратегии устойчивого развития, что является источником вырождения земной цивилизации, источником Смутного Состояния. Запуск стратегии динамизма обеспечивает освоение вечностных измерений Реальности, без которых невозможно обновление на Земле и вообще невозможно освобождение от Смутного Состояния и обретение космического лица земной цивилизации.

Первым шагом в запуске стратегии динамизма является создание и реализация Программы построения Науки, коррелированной с Исходной Онтологией. Такая Программа применительно к Физике обретает вид:

Реальность=>Стратегия Динамизма=>Концепция Вариационный Принцип (ЛВП) =>ТНД (Теорема о Необходимом и Достаточном) – ТВТ (Теорема о Волне и Траектории) =>Монизм Прямой-Обратной Задачи Динамики=>Новое продолжение оптико-механической аналогии=>Задачи Траекторно-Волновой Динамики=>Траекторно-Волновая Физика=>Эра Динамизма

Стратегия динамизма впервые раскрывает структуру Процесса – она состоит из следующих измерений:

Эталонная Модель-Управляемость-Управление-Устойчивость

Разрешающие способности стратегии устойчивого развития неспособны на фиксацию, на восприятие этих измерений – здесь фиксируется лишь наличие устойчивости или неустойчивости и не более того. Главными научными достижениями XX века являются появление квантовой физики, теории устойчивости, теории управления, космонавтики – причем советская цивилизация была ведущей почти во всех этих разработках, кроме квантовой физики. Теперь с появлением в Казани стратегии динамизма Россия обретает стратегическое преимущество в современном мире и для реализации этого преимущества требуется осуществление Проекта “Стратег и Правитель”, что предполагает подготовку Правителя в Школе Динамизма – ни один президент, прошедший через выборы не готов на правление Россией, ибо для этого требуется видение России, здесь даже недостаточно замечания Ф.Тютчева о том, что Россию умом не понять, в Россию можно только верить. Россию и земную цивилизацию не спасет ни Позитивизм, ни Религия, а Онтология, а

именно новое продолжение Онтологической (Монистической) Традиции, в качестве которого и выступает Стратегия Динамизма.

В стратегии динамизма управляемость осуществляет Наука, а не Политика – это соответствует той онтологической нагрузке, каковую Наука несет в естественно-историческом процессе[4]. А в стратегии устойчивого развития господствует система “Торгаш впереди Творца” (“Элита впереди Народа”), и здесь наука подчинена задачам Торгаша и не выполняет свою задачу, что чревато неизбежным срывом в неустойчивость от Маятника Дуализма “Война-Мир”.

Список использованной литературы:

1. Четаев Н.Г. Устойчивость движения. Работы по аналитической механике. Изд. АН СССР, 1962.
2. Комаров В.Н. , Валишин Ф.Т., Н.И. Лобачевский и Н.Г.Четаев как предвестники Науки Новой Эры//Аналитическая механика, устойчивость и управление движением. Казань, 2002.
3. Остославский И.В, Стражева И.В. Динамика полета. Устойчивость и управляемость летательных аппаратов. М., 1965.
4. Валишин Ф.Т. Проблема Начала и Стратегия Динамизма. М., 2018.

ВЛАДИМИРОВ АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ

Кафедра философии и социально-правовых наук ФГБОУ ВО Волжский государственный университет водного транспорта г. Нижний Новгород, Российская Федерация

ЗЕЛЕНОВ ЛЕВ АЛЕКСАНДРОВИЧ

ФГБОУ ВО Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА НЕУСТОЙЧИВОГО МИРА

Авторам уже приходилось давать аналогичный анализ неустойчивости современной России в статье материалов Международной конференции в Нижнем Новгороде в 2013 г. посвященной социально-философской диагностике постперестроечной России [2]. Там мы использовали «методологию сферного подхода», разработанную Нижегородским Философским клубом и Общероссийской академией человековедения.

Этот «сферный подход» является социально-универсальным и отражает структуру базовых сфер общества, а к тому же демонстрирует действие закона взаимосвязи сфер общества [3].

Причины неустойчивости. Наш анализ показывает, что прежде всего причинами неустойчивости социума является спонтанно-анархическое состояние двух доминантных сфер общества – экономической и

управленческой. Особенно важно это подчеркнуть в связи с глубинной связью вплоть до сращивания этих двух сфер общества. Это абсолютно очевидно в современной России, когда стихия «рыночной идеологии» захватила и сплавивает экономику и управление, а через них подчиняет себе все другие сферы: научную, педагогическую, медицинскую, художественную, экологическую, спортивную.

Это приводит к невозможности не только развития, но и обеспечения устойчивости хотя бы стабильного покоя (застоя, стагнации). Все это и выражается в кризисах, валютных лихорадках, инфляциях, коррупциях, банковских кредитно-ипотечных махинациях и т.д.

Аналогичные процессы сегодня наблюдаются во всех странах мира, где финансово-ориентированная рыночно-корыстная экономика и система управления используют все законные и незаконные средства для деформации устойчивости всей общественной системы.

Резонно спросить об объективной детерминации и субъективной мотивации рыночно-спонтанной ориентации экономики и управления. Исторически доказательный ответ напрашивается сам собой: такой детерминацией и мотивацией является хищная «частная собственность» при всей ее модификации от рабовладельческих форм античного периода, феодально-крепостных форм средневековья до буржуазно-корпоративных форм современного империализма. Ни один аргумент или довод либеральных апологетов не способен доказать позитивно-историческую ценность частной собственности, живущей за счет всего интеллектуально-трудового потенциала человечества, который в наемных формах она эксплуатирует. Это известно со времен «Капитала» К. Маркса с его выводом о закономерности кризисов, катаклизм и неустойчивости развития общества на основе частной собственности.

Сравнительно-устойчивый характер развития всех сфер был свойственен Советскому Союзу за 70-летний период его существования и даже современному Китаю с их базовыми ориентациями на общественную плановую собственность.

Факторы неустойчивости. На основе доминантной причины неустойчивости начинают функционировать все сферные факторы неустойчивости, создавая целостный образ неустойчивого мира. Метастазы кризисной болезни неожиданно проявились в медицинской сфере, охватывающей карантинной тревогой многие страны.

Образовательно-педагогическая сфера реагирует разрывом устойчивых социальных коммуникаций и спасательным поиском «дистанционных форм обучения».

В художественно-культурной сфере обнажается пагубная ориентация на финансово-корыстные акции и шоу – рекламные представления, происходит приостановка коммуникаций в системе «художник – публика», что грозит кризисом.

Под угрозой высоко-доходные спортивно-массовые мероприятия на планете, живущие не на самодеятельном энтузиазме физкультурников, а на

финансовых интересах спортивно-рекламного бизнеса.

Экологическая сфера общества уже давно сигнализирует о кризисах из-за рыночно-хищного отношения к природным богатствам. А.И. Субетто еще в 2014 году в монографии «Исповедь последнего человека» (СПб: Астерион) [5] прогнозировал и экологическую катастрофу и системный общественный кризис. И это тоже фактор усиления неустойчивости современного мира.

В научной сфере общества разрушительное действие рыночно-финансовой идеологии давно тревожит научную общественность культом «чиновников от науки» и не востребуемостью мощного интеллектуального потенциала ученых. Прав остается Ж.И. Алферов со своей монографией 2012 года: «Власть без мозгов. Отделение науки от государства. (М. : Алгоритм, 2012) [1].

Как мы видим, все 6 сфер общества, кроме экономики и управления, добавляют свои факторные воздействия в общую картину неустойчивости современного мира.

Пути обеспечения устойчивости. В нашей монографии «Гуманистические перспективы человечества» [4] развернуто обозначены пути спасения человечества от кризисов неустойчивости на базе целостного марксистского понимания закономерностей и долгосрочных перспектив развития человечества. Это понимание, основанное на анализе общего исторического развития общества, базируется причинно-следственно на концепции общественной собственности с ее закономерной системой управления со стратегической ориентацией.

Факторно-содействующее обеспечение устойчивости гарантировано прогнозируемым марксизмом развитием всех сфер общества:

а) наука становится «непосредственной производительной силой человечества»;

б) образование обеспечивает всестороннее развитие личности;

в) медицина исповедует гуманистические идеалы сохранения и развития жизнеспособного потенциала всех систем человеческого организма;

г) искусство ориентируется на гармоническое образное отражение единства меры человека и меры предметных видов как «творчество по законам красоты» (К. Маркса);

д) физкультура обеспечивает достижение физического совершенства личности как оптимального функционирования всех систем человеческого организма;

г) экологическая сфера общества организуется в соответствии с гармоническим единством меры человека и меры природных видов.

Именно этот обще-гуманистический путь может обеспечить стратегическое устойчивое развитие человечества в направлении скачка из «царства необходимости» в «царство свободы» (К. Маркс).

Список использованной литературы:

1. Алферов Ж.И. Власть без мозгов. Отделение науки от государства. – М.: Алгоритм, 2012. 256с.

2. Зеленов А.А., Владимиров А.А. Современная Россия: методологические принципы диагностики // Современная Россия: опыт социально-философской диагностики: материалы международной научной конференции (Н. Новгород, 20-21 апреля 2013 г.) – Н. Новгород: ИздОво Нижегородской гос. медицинской академии, 2013. с.75–80.

3. Зеленов Л.А. Закон взаимосвязи сфер общества: монография / Л.А. Зеленов, А.А. Владимиров – Н. Новгород: ВГУВТ, ОАЧ, 2020. 250с.

4. Зеленов Л.А. Гуманистические перспективы человечества: монография / Л.А. Зеленов, А.А. Владимиров. – Н. Новгород: Гладкова О.В., 2020. 67с.

5. Субетто А.И. Исповедь последнего человека. – СПб: Астерион, 2014. 224с.

ГИМКАЕВА АЛЬБИНА ДИНАРОВНА

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г.
Москва, Российская Федерация

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ САМОРАЗРУШЕНИЯ ТЕХНОСФЕРЫ

Процессы саморазрушения мы встречаем повсюду. Разрушаются горные породы, гибнут деревья, фотографии со временем выцветают, ломается техника. Даже такие прочные материалы, как металл, претерпевают изменения, в связи с чем, в частности, появляются ржавчина и трещины. Таким образом, саморазрушению подвержены все окружающие нас объекты и мы сами, в том числе.

Бурное развитие науки обеспечивает нас всеми теми привилегиями, которыми мы сегодня обладаем. Однако не стоит забывать об обратной стороне высокотехнологичного производства, побочным явлением которого являются техногенные катастрофы.

Как писал Н.А. Бердяев: «Роль техники двойственна; она имеет и положительное, и отрицательное значение [1, с. 303]. Мы полностью разделяем данную позицию. В целом, понятие прогресса является противоречивым. С одной стороны, наблюдается феномен независимости от внешних факторов, упрощение жизнедеятельности человечества, расширение горизонтов познания и создание глобальной сети. Однако, с другой стороны, последствия научно-технического прогресса представляют огромную опасность для человечества в целом. Диалектика технического прогресса заключается в том, что машина создана человеком, но в случае нерационального её использования против него она и направлена.

Благодаря прогрессу происходит ускорение всех процессов, быстрый темп не позволяет человеку опомниться и углубиться в суть происходящего. Соответственно, человечество находится в спешке, мгновения теряют свою ценность и служат лишь средством для следующего момента. Всё это и другие

факторы приводят к процессу дегуманизации.

Как подметил политолог П. Слоттердейк, овладение новыми технологиями в жизни общества обычно влекло эйфорическое ощущение вседозволенности и безнаказанности, что получило название «массовый комплекс катастрофофилии» [2, с. 6]. В целом общество, которое переживает предкризисный период, ожидает разрушение природных и организационных ресурсов. Исключение составляют те общества, которые мигрировали на другие территории.

В мировой истории насчитывается огромное количество катастроф и антропогенных кризисов. Благодаря анализу данных событий была выявлена зависимость между внутренней устойчивостью общества, технологическим потенциалом и качеством культурной регуляции. Данная зависимость показала, что чем выше мощь производственных сил, тем более совершенные средства сдерживания агрессии требуются для сохранения общественных структур. Технологический прогресс способствует становлению внешней устойчивости общества, т.е. приобретению независимости от природных явлений. Но в то же время, при высоком уровне технологий возрастает уязвимость общественных структур. Массовые волнения и беспорядки способны вывести систему из равновесия и поставить человечество на грань саморазрушения.

В следующем заключается парадокс: рост человеческого могущества приводит к ослаблению гуманного начала в человеке. Благодаря изобретениям техники у человека в руках появляется оружие массового истребления. Хорошим примером здесь служит изобретение атомного оружия. Атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки в 1945 году показали, насколько далеко продвинулся человек в освоении техники, и при этом насколько он может далеко зайти, забыв про человеческие качества. Машина ставит эсхатологическую тему, подводит к срыву [1, с. 272]. Таким образом, вопрос духовного состояния людей представляет собой ключевую проблему в данном контексте.

Однако, не следует обесценивать научные открытия. Примитивная техника появилась ещё на этапе зарождения цивилизации. Она была жизненно необходима для сохранения жизни, в то время велась беспощадная борьба с силами природы. Благодаря использованию техники, у нас появилась возможность подойти к тому этапу, на котором мы сейчас находимся. Как отмечает Н.А. Бердяев, «нужно не отрицать научные открытия, а духовно овладеть ими» [1, с. 303]. Соответственно, для нас ключевой задачей на данный момент является постановка вопроса рационального использования техники не только для удовлетворения нужд человека, но и в целях сохранения баланса на земле.

Основными причинами аварий и катастроф признаны следующие явления: «человеческий фактор», ошибки и недочеты в проектировании и эксплуатационном использовании, неисправность оборудования, ненадежная система безопасности, недостаточное финансирование со стороны государства. Техногенные катастрофы получили свое второе название – «рукотворные катастрофы». Объясняется это тем, что человек является и виновником

катастроф, и жертвой. Итак, человечество создает различного рода технологические системы для развития цивилизации, однако, сбой в системах приводит к разрушению самого создателя. Таким образом, саморазвитие техносферы грозит человечеству саморазрушением.

Согласно научным данным, учеными также было доказано, что между природными и техногенными катастрофами существует тесная взаимосвязь. Об этом пишет Т.Ф. Олейник: «Рост численности городского населения и увеличение количества промышленных предприятий привело к увеличению числа наводнений, землетрясений, ураганов» [3, с. 16]. Согласно исследованиям В.И. Осипова, существует связь и между самими природными катастрофами. В последнее время наблюдается ряд многоступенчатых катастроф, в которых одно природное бедствие порождает другое. Такие катастрофы получили название синергетических катастроф.

На основе данного исследования мы приходим к следующему выводу. Саморазвитие техносферы способно привести к саморазрушению человечества. Научно-технический прогресс наряду с положительными сторонами, содержит в себе разрушительную силу. Побочным явлением высокотехнологичного производства являются техногенные катастрофы, в которых человек одновременно является виновником и жертвой катастрофы. Таким образом, овладение новыми технологиями не всегда представляет собой конструктивно-направленный процесс. При этом техника для человека – это необходимость. Не стоит отрицать её результаты и отрекаться от научных достижений. Согласно нашему исследованию, человеку необходимо научиться управлять техникой и рационально использовать имеющиеся ресурсы. На данный момент, на наш взгляд, техника управляет человечеством, что приводит к неблагоприятным последствиям.

Список использованной литературы:

1. Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. – М.: Республика, 1995. – 383 с.
2. Назаретян А.П. Смыслообразование как глобальная проблема современности: синергетический взгляд // Вопросы философии. 2009, №5. С.3-19.
3. Олейник Т.Ф. Великие природные катастрофы: наводнения, землетрясения, вулканы, торнадо. – Ростов н/Д: Феникс, 2006. – 254 с.

ДУПЛИНСКАЯ ЮЛИЯ МИХАЙЛОВНА

Саратовский государственный технический университет имени Гагарина
Ю.А., г. Саратов, Российская Федерация

СКАЧКИ В РАЗВИТИИ КАК ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ ПРОГРАММ

Исследуя процессы изменения, движения и развития, рациональное мышление делает усилия придать неустойчивости «устойчивый характер». (В

этом смысле, можно сказать, что рассудок «термодинамичен» по самой природе своей). В любых изменениях рассудок пытается разглядеть устойчивость «второго», а затем и «третьего», и «четвертого» порядков. *Законы диалектики ... уравнения движения... инвариантные преобразования между уравнениями.* Наконец, в теоретическом аппарате синергетики появляется своего рода оксюморон: состояния *устойчивого неравновесия*. Синергетическая парадигма нацелена на изучение устойчивости не структур, но *динамических паттернов*. Устойчивость паттерна являет себя в постоянно воспроизводящейся конфигурации неравновесия, которое, тем самым, становится *устойчивым неравновесием*. И все же ... Можно привести примеры революционных изменений, которые поставят в тупик научную мысль, столь преуспевшую в попытках «заклясть» неустойчивость. ... Примеры, которые не вписываются ни в диалектический закон «перехода количественных изменений в качественные», ни в синергетические бифуркации. Приведем два примера. Один - из естественной истории, другой - из истории человечества.

Пример 1 (из естественной истории). Если все события от формирования Земли (4,5 млрд. лет) мысленно спрессовать в одни сутки, то получается достаточно удивительная картина. В первую минуту (00:01) возникает Земля. Затем, в «половине четвертого утра» (03:30), \approx 3,5 млрд. лет назад, появляются первые живые организмы. Это - одноклеточные микроорганизмы, имеющие сходство с современными бактериями и простейшими. Позже из них образуются самые примитивные многоклеточные, - губки. А далее, вплоть до «девятого вечера» (21:00) - то есть в течение сотен миллионов лет (!!!), - ничего «интересного» не происходит [2, с. 60]. И только в «девятое вечера» - *кембрийский взрыв* (\approx 570 - 520 млн. лет назад). Здесь, если можно так выразиться (разумеется, учитывая геологические масштабы), «*вдруг*», *одновременно и сразу*, в огромном изобилии и разнообразии появляются *все* известные типы многоклеточных. Причем, данные палеонтологии свидетельствуют, что все они возникают не в продолжении 50 млн. лет, пока длился Кембрийский период, - а в самом начале Кембрия! С тех пор, - более, чем за 500 млн. лет, - не появилось *ни одного* нового типа организмов [3]. Могут ли диалектика, с синергетикой вкуче, объяснить внезапность таких изменений? Возможно ли это подвести под диалектическую версию «перехода количественных изменений в качественные» ... которые, накапливаясь сотни миллионов лет, затем «вдруг», «в один момент» произвели из губок все многообразие кишечнополостных, членистоногих, иглокожих, моллюсков и, наконец, хордовых? Или под синергетическую версию самоорганизации ... которая, дремав сотни миллионов лет, затем внезапно один раз «сработала» в начале Кембрия? Вопросы, на наш взгляд, риторические. Нет, внезапности таких перемен будет соразмерной другая аналогия. Все это напоминает не диалектические «скачки» и не «элементарные катастрофы» синергетики, а ... *перепрограммирование*. Как будто бы нечто (а, может быть, Некто?) просто включает новую программу биоэволюции.

Л.С.Берг, - основоположник концепции номогенеза, приводит многочисленные факты, что все видообразующие признаки в ходе

последующей эволюции, также появлялись «*пароксизмами*»: не в результате постепенных модификаций, как в дарвиновской версии, а внезапно, сразу и одновременно на громадной территории. Концепция номогенеза была сформулирована в начале XX в., и Берг еще не мог увидеть аналогии с перепрограммированием. Аналогию с переключением программ проводит М.Шерман, концепция которого продолжает теорию Л.Берга. По версии М.Шермана, все многоклеточные изначально имели один и тот же *универсальный геном*, в котором была закодирована информация о развитии всех типов организмов, появившихся на Земле в процессе эволюции. Организмы различались только тем, что у них включались разные программы в рамках единого универсального генома. Прочие законы развития: дарвиновские, диалектические, синергетические, - формировали только локальные модификации и частные «усовершенствования», - *после того, как была «включена» основная программа развития* [3].

Пример 2. Теперь проведем параллель между естественной историей и историей человечества. В истории человечества имели место взрывообразные перемены, сопоставимые с Кембрийским взрывом. Перед такими «взрывами» пасует как диалектическая, так и синергетическая интерпретации изменчивости. Масштабу этих перемен, как и в случае Кембрийского взрыва, соразмерна только одна аналогия: с внезапным *переключением программ*, которое разом и вдруг меняет весь историко-культурный «ландшафт».

Осевое время в истории ... Короткий, в исторических масштабах, переломный период, совершившийся с 600 по 300 гг. до н.э. В это время «произошел самый резкий поворот в истории. Появился человек такого типа, какой сохранился и по сей день» [4, с. 32]. Подчеркнем: говоря о человеке современного типа, К.Ясперс ведет речь отнюдь не об антропогенезе. И не о начале истории цивилизаций после периода дикости. До осевого времени уже существовали цивилизации, и существовали тысячелетиями. Но дух и культура цивилизаций, бывших «до», - несоизмеримы с духом и культурой народов, история которых творится после осевого времени. До осевого времени пике своего расцвета пребывали цивилизации магического типа, - такие, как Древний Египет, Древний Вавилон, и мезоамериканские цивилизации (майя, ацтеки). История этих цивилизаций, длясь тысячелетиями, протекала почти без перемен. Осевое время, подобно Кембрийскому взрыву, вдруг, «в один момент», за три столетия меняет весь культурно-исторический «ландшафт». В осевое время «были разработаны основные категории, которыми мы мыслим по сей день, заложены основы мировых религий, и сегодня определяющих жизнь людей» [4, с. 33]. Взаимопонимание между людьми и между народами, считает Ясперс, возможно только в ретроспективе обращения к тем базовым смыслам, категориям и ценностям, которые сформировались в осевое время. Подлинный духовный прорыв в истории был совершен лишь однажды. «Тем, что свершилось тогда, что было создано и продумано в то время, человечество живет *вплоть до сего дня*» [4, с. 38]. Великие духовные достижения в последующей истории неизбежно содержит в себе, по наблюдениям Ясперса, ретроспективный аспект, совершаясь как отголосок и эхо Осевого времени.

Весьма примечательно, что исследование Ясперса нацелено лишь на феноменологическое описание перемен, совершившихся в осевое время. Что же касается причин этого величайшего в истории перелома, - тут Ясперс откровенно констатирует полное бессилие всех попыток дать какое-либо внятное объяснение. Задачу своего философского исследования он ограничивает лишь тем, чтобы сделать отчетливыми контуры *все углубляющейся тайны*. Не создается ли, в очередной раз, впечатление, что нечто (а, может быть, Некто?) «переключило программу», - теперь уже не биоэволюции, а человеческой истории? У Ясперса было предощущение грядущего перелома, который будет сопоставим с осевым временем по масштабам. По содержанию же этот перелом будет иным и радикально изменит «смысловой ландшафт» культуры.

В этом плане можно коснуться такой актуальной темы, как вопрос о судьбе России. Н.Бердяев в свое время сделал удивительное наблюдение: в истории России «нельзя найти органического единства». Здесь периодически совершалось катастрофическое изменение типов цивилизации, где можно выделить «пять разных России: Россию киевскую, Россию татарского периода, Россию московскую, Россию петровскую, императорскую и, наконец, новую советскую Россию» [1, с. 3]. Не напрашивается ли здесь та же самая аналогия: изменения происходили по логике «переключения программ»? И не ждет ли нас очередное «переключение» уже в обозримом будущем?

Возможно, вести речь о зарождении новой парадигмы развития было бы несколько преждевременным. Между тем, аналогия с переключением программ постепенно прокладывает себе путь в современной науке. У нее уже есть основательный математический фундамент: *теория клеточных автоматов*. Математическая теория клеточных автоматов претендует на статус очередной универсальной модели реальности, спектр применения которой может быть самым широким, - от фундаментальной физики, до наук об обществе. Гипотеза, что фундаментальные законы действуют по принципу компьютерной программы, начинает рассматриваться как в философии науки, так и в самой фундаментальной науке [5]. Сходные гипотезы высказываться и в биологии, - пока что в виде маргиналий [3]. Не исключено, что данный подход окажется эффективным и для объяснения ряда процессов в социуме, культуре и истории.

Список использованной литературы:

1. Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 2006 - 40 с.
2. Коллинз Ф. Доказательство Бога. Аргументы ученого. М., 2008 - 216 с.
3. Шерман М. Эволюция не по Дарвину // Golden time. История. Религия. Наука. <http://www.goldentime.ru> (дата обращения: 21.02.2010)
4. Ясперс К. Истоки истории и ее цель. / Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. - С. 28 - 286.
5. Nick Bostrom. [Are We Living in a Computer Simulation? // The Philosophical Quarterly](#).- Oxford University Press, 2003. - Vol. 53, no. 211. P.243-255.

ЕГОРОВА ТАТЬЯНА ИГОРЕВНА

Академия Федеральной службы исполнения наказаний, г. Рязань
Российская Федерация

ДИАЛЕКТИКА ДРЕВНЕЙ МЕСТИ И СОВРЕМЕННОГО НАКАЗАНИЯ

Диалектическая взаимосвязь древней мести и современного наказания отражает глубинные истоки правовых представлений о справедливости воздаяния, основанного на уровне мировоззрения и мировосприятия. Нормативное закрепление возмездия за преступление обусловлено взаимопроникновением объективной оценки общественной опасности преступления и субъективных переживаний. Большое значение в определении строгости наказания в этой связи имеют этнопсихологические и ментальные стереотипы мышления, а также тетрасоциологические парадигмы общества.

Древняя месть, являясь проявлением обычного насилия, зачастую не связанного с крайней необходимостью защиты социальных или личных благ, преследовала цель восстановления равновесия безопасности и поддержания авторитета. Данное возмездие со стороны потерпевшего или его родственников в некоторых культурах до сих пор является нормой, признаваемой необходимым и благородным делом. Так же и наказание является, безусловно, проявлением силы. Современное принуждение, применяемое государством, представляет собой реализацию делегированного обществом права возмездия. Оно не только отражает субъективное стремление потерпевшего к расправе над преступником, но и соответствует охранительным и регулятивным функциям государства, стремящегося к обеспечению спокойствия и правопорядка. Акцептация публичной властью карательного права поддерживает ее авторитет, обеспечивает собственную защиту от узурпации частными лицами.

Однако очевидно, что государство как публичная организация, лишена субъективных переживаний, связанных с обидой, испугом или возмущением, вызывающих желание мести. Неотвратимость возмездия как требование общества или частных лиц и как принцип уголовного наказания поддерживает необходимый уровень авторитета власти, действующей в интересах своих граждан.

Исторически и традиционно сформировавшееся понимание справедливости является границей принуждения, после которой начинается произвол, не отвечающий требованиям целесообразности и необходимости. Это высочайшее достижение человеческого разума определило во многом весь ход развития мировой цивилизации. Мысль Ч. Бекария о том, что справедливость является именно связующим звеном между чувством мести и реальной общественной опасностью преступления, отражает сущность наказания, суровость которого является способом «с помощью которого достигается понимание между людьми» [2, с. 71].

Условный договор, выраженный в законе, о пределах мести преступнику за нарушение нормативно выраженного запрета, учитывает как объективные факторы опасности произошедшего события, так и субъективные характеристики правонарушителя. Мечь приобретает вид не «слепой», безрассудной ярости, а расчетливой целеположенной деятельности.

Уголовный кодекс Российской Федерации в ч. 2 ст. 43 на первый план при изложении целей наказания выдвигает стремление к восстановлению социальной справедливости. Однако очевидно, что данное понятие является оценочным и во многом зависит от стороны, которая определяет значимость принуждения. Суровость наказания неизбежно соответствует уровню развития государственно-правовых явлений. Сопоставление, например, уголовного законодательства США, Китая и Японии (в которых предусмотрена смертная казнь), Алжира, Замбии и Конго (в которых применение смертной казни приостановлено), или Камбоджи, Анголы и Парагвая (в которых смертная казнь отменена) не дает однозначного ответа на вопрос об уровне цивилизованности наказания [1, с. 73].

Современные данные криминологии и пенологии свидетельствуют о том, что суровость наказания не оказывает существенного предупредительного воздействия на преступность и рецидив преступления. Наказание не справляется сколько-нибудь эффективно с предусмотренной в ч. 2 ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации задачей частной и общей превенции. Еще в конце XX века в России стало очевидно, что увеличение «тюремного населения» имеет более негативных последствий, чем позитивных результатов. Особенно данное утверждение правомерно в ситуации отсутствия необходимого материального обеспечения службы пробации и ресоциализации осужденных.

Мечь является крайней формой проявления бессилия и неспособности восстановления нарушенных интересов без применения принуждения к правонарушителю. Морально-этический принцип соразмерности преступления и возмездия требует однако определенной реконструкции баланса добра и зла. Таким образом, идея ретрибутивного правосудия, подкрепленная правовыми нормами, возводится в принцип общественной жизни, являясь неизбежным и необходимым следствием преступления. Вместе с тем, в реальной действительности существуют исключения из данного правила. Они предусмотрены самим Уголовным кодексом Российской Федерации в институтах освобождения от уголовной ответственности и наказания. С учетом указанных положений наказание приобретает частные черты, восстановление справедливости при назначении и исполнение которого зависит от субъективных факторов, касающихся постпреступного поведения правонарушителя. Это консолидирующее значение наказания создает предпосылки для преодоления эксклюзии осужденных

Особенность уголовно-правового регулирования состоит в том, что под запретом находятся деяния, признанные таковыми на момент вступления в силу уголовного закона. Однако, простота и бланкетность многих диспозиций позволяют максимально широко применять нормативные правила при

формально установленном запрете аналогии. В этой связи современное значение государственного принуждения выражается в возможности оперативного реагирования политической власти на возникновение новых угроз, обеспечивая общественное спокойствие и порядок. Примером тому служат актуальные события в феврале текущего 2020 года, связанные с задержанием и привлечением к уголовной ответственности виновных за «шутку» в общественном транспорте, выражающую явное неуважение к обществу в связи с озабоченностью граждан тенденциями распространения нового вирусного заболевания, классифицированного Всемирной Организацией Здравоохранения как Covid-19.

Исходя из формулирования института наказания в современном уголовном законодательстве России можно утверждать, что лишение или ограничение прав и свобод осужденного является не проявлением мести преступнику за нарушение интересов личности, общества или государства. Оно служит правовым ограничением произвольной мести частных лиц и распространения преступности, позволяющим своевременно корректировать содержание принуждения исходя из возможностей государства. Наибольший арсенал ограничений так же как и предупредительный потенциал на сегодняшний день сосредоточен, как представляется, в следующих наказаниях: ограничение свободы, принудительные работы, лишение свободы на определенный срок. Их карательная составляющая отражает справедливость принуждения в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств совершения преступления и личности виновного, позволяя широко применять их, считаясь с субъективными оценками и общественным мнением.

Список использованной литературы:

1. Антонченко В.В. Уголовное наказание - мечь или восстановление социальной справедливости? // Вестник Кузбасского института. 2013. № 1 (14). С. 70-77.
2. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: Стелс, 1995. 304 с.

ЕРМОЛОВИЧ ДМИТРИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ

Институт современных знаний, г. Минск, Республика Беларусь

**ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ПОЛИТИЧЕСКИХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ: ПОИСК УСТОЙЧИВОЙ ПАРАДИГМЫ
ДЛЯ СОВРЕМЕННОСТИ**

Под *парадигмой* здесь в общем смысле (вслед за Т. Куном [2]) будет пониматься теоретическая система концептов, отражающая специфику общего развития методологии знания и отрицающая индуктивистские и

кумулятивистские модели реконструкции знания, свойственных неопозитивистскому пониманию. А в частном смысле термин парадигма будет использован как образ понимания действительности, т. е. в такой мере психологизированным, когда общественное сознание воспринимает его практически как «гештальтный сдвиг» (ментальную революцию) или даже как «завершенный гештальт» (актуализированную ментальную установку). Сама же идея «ментальных революций» как «смены парадигм» при такой трактовке не выходит за рамки культурологических и социально-психологических «дисциплинарных матриц», парадигм, ибо напрямую зависит от убеждений, интересов, социально-психологической атмосферы, авторитетности и традиционности «национальных сообществ», а также от множества иных социокультурных параметров.

Именно поэтому парадигмальный (в достаточной мере тождественен «психологическому») ракурс действительности на самом деле более свойственен политике, чем науке. Что дает возможность воспользоваться широкой аналогией методологического анализа науки для сфер политики и показать как наработанные приемы анализа в естествознании можно применять не только в смежных, но и в удаленных сферах жизни. Будучи формами общественного сознания – наука и политика, дают возможность переноса успешного опыта анализа: *внутринаучной рефлексии* [5] (тождественна внутриполитической рефлексии – дебаты, дискурсы, где соответствующая предметная аналитика практически отработана...) и *научной рациональности* [4] (тождественна политической корректности, ибо рационализация требует достаточной формализации, рассудочности по Канту, познавательных и деятельностных процедур, чего в политике по понятным причинам пока ждать не стоит, а в науке уже есть) на сферу политэкономических и социокультурных процессов современной действительности.

Рассмотрим в связи с этими замечаниями политическую трансформацию западного (евро-атлантического) общества в Новое и Новейшее время по показателям организационно-управленческой культуры ведущих наций заданного региона и периода. Полагая, что имперский масштаб организационно-управленческих программ принципиально не только достаточен, но и необходим, ибо только такой масштаб выхватывает у действительности необходимый комплекс инструментов трансформации и способен оставить человеческой культуре устойчивый (в рамках нескольких поколений) жизнеспособный социо-культурно-исторический продукт.

Итак, в хронологическом порядке представим набросок организационной политики западной цивилизации, что позволяет выявлять если не каузальность, то последовательность политических трансформаций, а вместе с этим и прагматику устойчивости социальной организованности:

1. Британская версия (либерализм, буржуазная демократия) социальной организации (позиция Гоббса по поводу злонамеренности человеческой природы и необходимость «общественного договора»): независимая государственная надстройка и возможность управления перспективой при соблюдении принципа разделения властей (Локк) при

«передоверии» принятия решений элитами (общественными, интеллектуальными, унаследованными, приобретенными и т.п.)...

2. Австро-венгерская версия (этатизм, корпоративизм, консерватизм) социальной организации: федерализация (от Статута Л. Сапеги) и делегирование полномочий управления, сохранение национальной и культурной ответственности, толерантность групповая (социальная) и групповой изоляционизм (глубинная психология и оправдание национальной традиции)...

3. Французская версия (утопизм) социальной организации (позиция Руссо по поводу добродетельности человеческой природы и вынужденности «общественного договора»): декларация независимости и приоритетов естественного права человека, предпосылка формирования гражданского общества и контроля над государством, буржуазная демократия и республиканская форма управления, толерантность (психологическая) личная...

4. Американская версия (этатизм, либерализм, конфедеративность) социальной организации: первый синтез (эмигрантский), прагматический, предпринимательский индивидуализм и приоритет прав, как следствие – декларация самоуправления и наднациональной общности – американский народ (бихевиоризм, когнитивизм и гуманистическая психология)...

5. Германская версия (реакционизм, социал-империализм) социальной организации: постромантическая-сентиментальная, миссионерская, «исправительная» (как «наследники Священной Римской империи»), склонность к идеализации и оправданию используемых средств высшими целями (преобладание когнитивно-аналитической психологии)...

6. Русская версия (фундаментализм) социальной организации: общинная («соборная») самодостаточность, доходящая до изоляционизма, миссионерская (всеединство как третий путь), склонность к крайностям: «домострою» и рефлексии, как следствие – высокая инерционность и саморазрушающая решительность (психология синтеза и гармонистика на фоне обыденной психологии бунтарства и смирения)...

7. Советская версия (неомарксизм, народная демократия) социальной организации: второй синтез (интернациональный), «героический», исходящий на нет социально-синергичный энтузиазм, как следствие – декларация гуманистической авангардности, социалистической идеологии и наднациональной общности – советский народ (преобладание «догматической» психологии личности и деятельности)...

8. Европейская (евросоюзническая) версия (утопическая консенсуальность, эклектизм, неолиберализм, конфедеративность) социальной организации: третий синтез (культурно-исторический), парламентский-институциональный, гражданский-демократический, как следствие – декларация «адаптационной» толерантности, открытости, баланса прав и обязанностей (преобладание экзистенциальной психологии неизбежно переходящей в постмодернистскую)...

Что из этого следует? Есть методологический инструментарий, который

должным образом не используется в политологическом анализе: внутривполитическая рефлексия, политкорректность, парадигмальный подход в анализе политической трансформации (где, например, «нормальная» политика – это застой, дезориентация и, в лучшем случае, реализация усвоенных общественных идей; *экстраординарная* политика – фашизм, а две известные Великие революции – Французская и Октябрьская – оказывают не только сильнейшее влияние на гуманистический потенциал организационно-управленческой культуры, но и возвращают загадку, поиск, риск, интерес и любопытство, жизнь...).

Евро-атлантический политический пасьянс XXI века уже требует открытости, взгляда со стороны Китая, Индии, арабского мира... «Технологический взрыв», накопленная критическая масса цивилизационной культуры есть условие направленного развития, выхода в крайности, иначе все направления (в том числе и нежелательные) равновероятны [3, с. 58-59].

Идеологизирующая функция культуры – это всего лишь способ потребления последней, но потребительский масштаб идеологизации небезопасен: культура трансформируется в культ, а сама идеология в идолологию. Для культуры гораздо важнее производящий характер идеологии, ибо только таким способом культура воспроизводится и производится. Для этого необходима не сама видимость конечной цели как таковая (эйдос результата), а образцы видимого (парадигмы), т. е. эталоны, делающие доступными на практике и самоактуализацию, и оптимистическое конструирование социального бытия, и приоритетность будущности, и «культурализацию» человеческого сознания в целом. Преодоление первичности идей (реализуемых в перцептуальных и аффективных идеологемах) в их вторичность опосредуется формируемыми «окультурализованным» сознанием эффективными, а потому и актуальными идеологемами. Это парадигмальные идеологемы: проективности (естественности и оптимизма), истинного коллективизма (социально-значимый и добровольный характер объединения, способствующий развитию личности), универсальности (творчества), планетарности (общечеловечности), благородства (любви) [1]...

Список использованной литературы:

1. Ермолович Д.В. Идеологическая культура и свобода личного самоопределения // Идеология и мировоззренческая культура личности. Минск, 2007. С. 65-79, 98.
2. Кун Т. Структура научных революций. М., 2009. 310 с.
3. Лем С. Сумма технологии. М., 2018. 736 с.
4. Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. М., 2006. 384 с.
5. Юдин Б.Г. Методологический анализ как направление изучения науки. М., 1986. 262с.

ЗАЛАДИНА МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА

НГТУ им. Р.Е. Алексеева, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

МОРАЛЬНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ КРИЗИСНОГО СОСТОЯНИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЮБИЛЕЙНОГО 50-ГО ДОКЛАДА РИМСКОМУ КЛУБУ)

В современном мире экономической глобализации рынки охватывают мир целиком, в то время как моральные соглашения и правовые ограничения обычно присутствуют только на уровне определенной национальной культуры, что является одной из причин, усугубляющих характерное для мира в целом кризисное состояние нравственности.

В юбилейном 50-ом докладе Римскому клубу в 2018 году, сделанном Эрнстом фон Вайзайкером совместно с Андерсом Викманом, актуализирована необходимость тщательного анализа и осмысления симптомов и источников разнообразных и многочисленных кризисов: политических, экономических, социальных, технологических и экологических. «В жизни огромного количества людей присутствуют хаос, неопределенность и растерянность. Глубокое социальное неравенство, разрушенные государства, войны, в том числе гражданские, безработица и массовая миграция ввергают сотни миллионов в отчаяние и страх» [4, р.7; перевод наш. – М.З.].

Сегодня, когда преобладают гигантские мировые корпорации, учение Адама Смита о «невидимой руке рынка» уже принципиально не отражает реальности. В своей работе «Теория нравственных чувств», написанной в 1759 году, он использовал эту метафору (невидимой руки рынка) для описания механизма воздействия личных интересов на максимальное увеличение общественного богатства, то есть для достижения всеобщего блага, что имело положительный моральный смысл. В современном мире ситуация кардинально изменилась: вместо поддержания при помощи рыночной экономики здорового экономического и социального баланса, формирования обоснованных цен и инновационных возможностей, «рынки капитала заставляют законодателей корректировать закон, чтобы угодить инвесторам и акционерам... и политическая управляемость демократического капитализма в последние годы резко снизилась» [4, р.89; перевод наш. – М.З.].

В докладе Римскому клубу констатируется нацеленность капитализма на максимальное извлечение краткосрочной выгоды, определяющая движение человечества в целом «в неверном направлении – ко всё большей дестабилизации климата и деградации экосистем. Несмотря на всё современное знание, похоже, мы не способны сменить курс, буквально ведя планету Земля к разрушению» [4, р.8; перевод наш. – М.З.].

Подчёркнуто, насколько важно оценить степень влияния на людей различных проявлений беспорядка в мире, заставляющего людей чувствовать себя дезориентированными. Также важно признать, что «эти чувства и проявления беспорядка имеют моральное и даже религиозное измерение» [4, р.20; перевод наш. – М.З.].

В контексте моральных принципов основных религий в докладе упоминаются взгляды бывшего вице-президента Международного Суда Кристофера Грегори Вирамантри, который написал книгу, где кратко изложил основные обязанности человечества перед природой и всеми будущими поколениями [3]. Он опирался на предписания, содержащиеся в Священных Писаниях пяти основных мировых религий. Во вступительном слове он подчеркнул парадоксальность ситуации, когда современное поколение человечества, насчитывающего 150 тысяч лет, игнорирует мудрость всех тысячелетий, закрепленных в учениях великих религий мира. Вирамантри выразил обеспокоенность по поводу того, что судебная форма международного права сделала его полностью независимым «от этических учений, общих для всех величайших религий мира, слишком далеко увела современное общество от его основных моральных убеждений» [4, р.78; перевод наш. – М.З.]. Для того, чтобы надлежащим образом противостоять современным кризисам, с которыми сталкивается человечество, Вирамантри предлагает интегрировать моральные принципы основных религий в существующее международное право. «Приоритет пользы в качестве нравственного принципа необходимо модифицировать в принцип солидарности и взаимовыручки, который требует при успешной реализации личного интереса способствовать благу других» [1, с.59].

В докладе был сделан особый акцент на том, что решение современных проблем обязательно будет связано с духовными, в частности, с моральными измерениями. «Несомненно, та система ценностей, в которой основным ориентиром становится материальная выгода, с неизбежностью деформирует область взаимоотношений личности с окружающими людьми» [2, с.7]. Чтобы решить насущные проблемы, стоящие перед человечеством, совершенно неприемлемо, чтобы эгоизм и жадность продолжали считаться нормальными, необходимыми двигателями прогресса, т.е. обладали в определенном смысле положительной коннотацией. Общество может процветать и благоденствовать только «в цивилизации, которая способствует солидарности, смирению и уважению к Матери-Земле и будущим поколениям» людей [4, р.80; перевод наш. – М.З.].

Успешное решение глобальных мировых проблем требует создания по-настоящему нового мышления. Серьезное отношение к проблемам устойчивости рождает понимание того, что некоторые области экологического законодательства отдельных стран должны быть согласованы друг с другом настолько, что это приведёт к частичной (но необходимой!) утрате законодательного суверенитета. Очень показательными в этом отношении являются общемировые дискуссии по климату. «Становится всё более аморальным продолжение губительного воздействия на атмосферу парниковых газов. И всё же национальные парламенты и правительства, не говоря уже о национальных движениях граждан, часто считают недопустимым оказание давления на национальное законодательство со стороны международных учреждений или конференций» [4, р.104; перевод наш. – М.З.].

Также напоминает о почти забытой, как сказано в докладе, угрозе –

призраке ядерного оружия. Ядерное оружие, безусловно, является самым смертоносным оружием массового поражения, которое ставит цивилизацию, будущее человека и будущее всей жизни на планете в целом перед серьезной угрозой. «Это незаконные, аморальные и бесполезные ресурсы, которые в противном случае могли бы быть использованы для удовлетворения потребностей человека. Человечество должно найти способ уничтожить ядерное оружие, прежде чем это оружие уничтожит нас» [4, р.39; перевод наш. – М.З.]. Поиск этого способа должны заниматься социально ответственные ученые. Они обязаны предвидеть возможные угрозы для человека, те последствия, которые могут обнаружиться во время практической реализации научных открытий. Поскольку ученые являются профессионалами в своей области науки, они могут быстрее, чем непрофессионалы, увидеть потенциальные опасности. Моральные принципы этики науки говорят об обязанности учёных максимально популярным способом довести до сведения общества информацию о возможных отрицательных последствиях своих открытий, и о том, какими путями можно устранить эти последствия или хотя бы их минимизировать, а в лучшем случае – вовсе их избежать. Это касается и ядерной энергетики, и биологических исследований, например, в области генной инженерии, и фармацевтических изысканий, даже, на первый взгляд неспособных принести вред, и т.п. Действительно нравственно обоснованными являются только те научно-технические проекты, которые реализуются с опорой на максимально исчерпывающую информацию.

В мировом сообществе всё более осознаётся тот факт, что люди, использующие общественные ресурсы для решения возникающих перед ними проблем, всё более глобальных по своим масштабам, просто обязаны в свете значительно усиливающейся ответственности, становиться значительно более высокоморальными. Технический прогресс абсолютно бесполезен, а иногда и губителен, в отсутствие прогресса нравственного. Нужна обязательная этическая экспертиза любых проектов (и экономических, и политических, и научных).

Список использованной литературы:

1. Заладина М.В. Моральная составляющая утилитаристских концепций // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия "Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии". 2016. № 4. С. 55-59.
2. Заладина М.В. Проявления отчуждения морали в современном обществе / М.В. Заладина, Е.Д. Шетулова // Вестник Вятского государственного университета. – 2017. – № 5. – С. 6-9.
3. Weeramantry CG (2009) Tread lightly on the earth: religion, the environment and the human future. Stamford Lake, Pannipitiya
4. Weizsäcker, E., Wijkman, A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet / A Report to the Club of Rome by Ernst von Weizsäcker and Anders Wijkman, co-authors in cooperation with 34 more Members of the Club of Rome prepared for the Club of Rome's 50th Anniversary in

2018. – N.Y., Springer Science+Business Media LLC.2018//https://batrachos.com/sites/default/files/pictures/Books/Weizsacker_Wijkman_2018_Come%20on.pdf (дата обращения 05.03.2020).

ЗЕЛЕНЦОВА МАРИНА ГРИГОРЬЕВНА

Ивановский государственный химико-технологический университет, г.
Иваново, Российская Федерация

МОРАЛЬ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ

Устойчивость социальных систем зависит от многих факторов. Важнейшими из них являются механизмы социальной регуляции человеческой деятельности, в первую очередь, мораль.

Моральное (нравственное) сознание играет ведущую роль в жизни и развитии общества. Но исторически оно далеко не всегда действовало в полную силу, поскольку часто встречало и до сих пор встречает существенное противодействие со стороны различных частных интересов. В этом заключается одна из причин недооценки его статуса и влияния на другие формы духовной деятельности человека и на социальную практику в целом. Часто мораль рассматривают как сферу чисто субъективных отношений, не имеющую реальной почвы в «эмпирическом мире», в «фактах», в объективных законах и т.п. Так, И. Кант полагал, что мораль нельзя вывести из интересов, что она коренится в «чистом разуме» и является необъяснимой. Русский философ-неокантианец А. Введенский утверждал, что логика выше морали. Логические позитивисты рассматривали моральные «предложения» как не имеющие рационального смысла.

Однако очевидно, что мораль выражает объективные закономерности общественной (коллективной) жизни. Чтобы достаточно полно обосновать значимость морали, надо обратиться к понятию социальности, являющейся атрибутом общей природы человека. Социальность в широком смысле – это соединенность, она присуща всему живому, в развитой форме – животному миру. Особенность человеческой формы социальности состоит в ее гармоничности. Гармоничная социальность характеризуется тем, что в социуме нет непримиримых противоречий, антагонистической вражды между разными классами, ибо в нем нет деления на классы, все его члены социально равны, и отношения между ними – это отношения товарищеского сотрудничества и взаимопомощи. Такая форма социальности существовала многие тысячи лет – в первобытно-коммунистическом обществе. Затем она была разрушена. Но мораль как форма сознания не могла исчезнуть, хотя она была в значительной мере ослаблена и деформирована. Идеал гармоничной социальности и выражающие его принципы морали сохранялись в сознании широких слоев общества, а великими мыслителями разрабатывались и утверждались.

Мораль – специфическое духовное выражение гармоничного характера социальности. Наиболее содержательно ее смысл представлен в принципах солидарности (коллективизма), человечности (гуманности) и справедливости. Ее понятиями являются добро, долг, человеческое достоинство, честь, совесть, стыд и др. Моральный идеал – это закон единства интересов личности и социума. Он означает необходимость для личности относиться к благу общества как к исходной цели, а для общества – считать благо личности своей конечной целью. Впервые глубоко и полно это понимание морали было разработано И. Кантом в формуле «категорического императива» и в ряде других суждений – о благе личности как конечной цели, о высшем благе, означающем единство счастья и долга и др.

Будучи не только моральным, но и общесоциальным, закон гармонизации личного и общественного должен действовать во всех сферах общественной жизни. Неверно думать, что политика, например, не может в принципе быть нравственной. Поскольку же до сих пор она считалась «грязным делом», моральные законы реализовывались вопреки воле политиков, в ходе революций. К революциям вела и через них в той или иной мере осуществлялась одна из главных моральных идей – идея справедливости. Пока правящие группы не научатся строить свою политику таким образом, чтобы обеспечивать, в меру возможности при данных условиях, принцип справедливости, революции будут неизбежны.

Столь же неверным является убеждение, согласно которому экономика функционирует только по своим внутренним законам – законам рынка, конкуренции, максимальной свободы предпринимательства и т.п. и не должна считаться с моралью. Под влиянием этой архаичной либеральной идеологии наша экономика в 90-е годы XX века приобрела дикий, неуправляемый, полукриминальный и криминальный, антинародный характер. В действительности закон гармонизации личного и общественного имеет в сфере экономики значение экономического закона. Если он не учитывается экономической теорией, то это неверная теория. И практика, основанная на такой теории, не может быть здоровой и эффективной.

В современном обществе происходит вытеснение морали из сферы общественного сознания, в которой господствует утилитаристская установка. Согласно М. Веберу, утилитаризм является результатом процесса «рационализации» западной культуры, в ходе которого истинно разумный, «ценностно-рациональный» тип социального действия был заменен «целерациональным», т.е. формальным и прагматичным [см.: 2]. Формально-рассудочное начало вытесняет не только истинную разумность, но и эмоциональность, подвергает искажению человеческие эмоции. По мнению Я. Буркхарда, западная культура не создала языка, с помощью которого можно описать чувства человека, она закрыла доступ к пониманию людей с этой позиции. В этом мире в расчет принимается только информация, а чувственная жизнь отнесена к низшему уровню человеческого существования. Но без моральных чувств – долга, любви, сострадания – нет и морали как таковой [см.: 1].

Эти идеи развивает в одной из своих работ известный американский социолог А. Гоулднер, согласно которому прагматизм является ключевой идеологической установкой постмодернистской культуры. В эпоху буржуазных революций, - отмечает автор, - эта установка была прогрессивной, поскольку утверждалась в ходе протеста против феодального мироустройства, в котором ценность индивида определялась его сословным статусом, а не делами. Однако сегодня идея всеобщей полезности – вещей, знаний, человеческих отношений и самого человека – становится опасной, негативно влияет на науку, мораль и другие сферы духовной жизни общества. Согласно А. Гоулднеру, опасность утилитаризма состоит в том, что он ведет к игнорированию морали, требующей оценки поступка не по его результату, а по его мотиву, а также к обезличиванию человека. Индивид формируется социальной системой по критерию полезности, вследствие чего он оказывается отчужденным от своих жизненно важных интересов и потребностей [см.: 3]. Добавим, что, лишаясь внутренней ценности, человек перестает быть самоцелью и конечной целью для общества; он становится только средством, и его «цена» теперь зависит от меняющихся условий его использования. Так утилитаризм неизбежно приводит к релятивизму и субъективизму. Принцип утилитаризма, считает Гоулднер, характерен и для современной науки, является ее фундаментом. Автор критикует современную западную социологию, служащую оправданием и поддержанием культуры утилитаризма.

Ослабление морали, особенно в условиях ускоренного технологического развития, приводит к опасным последствиям и в сфере отношений человека с природой. Исторические исследования показывают, что на протяжении всей истории развития цивилизации именно мораль уравнивала агрессивность человеческого интеллекта, постоянно расширяя при этом сферу своего функционирования. Анализируя взаимодействие интеллекта и морали, А.П. Назаретян отмечает, что в истории существует устойчивая тенденция: общество, распоряжающееся более мощными технологиями, вырабатывает более обширную и прочную сферу несиловых компромиссных отношений между группами. Существо современного экологического кризиса автор видит в том, что технологический интеллект достиг такого уровня могущества, который не обеспечен адекватными механизмами сдерживания экологической агрессии [см.: 4]. Возникновение и развитие экологической этики дает надежду на возможность решения этой проблемы.

Таким образом, утверждение понимания морали как квинтэссенции человеческой социальности является насущно необходимым в условиях неустойчивости современного мира. Идеология утилитаризма, разрушающая окружающую природную среду и духовную культуру человечества, порождает ряд серьезных противоречий, которые могут быть разрешены только одним путем – постоянным совершенствованием механизмов социальной, прежде всего, моральной, регуляции человеческой деятельности.

Список использованной литературы:

1. Бурхард Я. Непонятая чувственность // Это человек. Антология. М.: Высшая школа, 1995. С. 124-155.
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 61-272.
3. Гоулднер А. Наступающий кризис западной социологии. СПб: Наука, 2003. 576 с.
4. Назаретян А.П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры. М.: Наследие, 1996. 184 с.

ЗУБКЕВИЧ ЛАДА АЛЬБЕРТОВНА

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г.
Нижний Новгород, Российская Федерация

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕНДЕНЦИЙ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ ПЕРЕХОДНОМ СОСТОЯНИИ

Слово «тенденция» употребляется в двух смыслах. Один — объективный, означает направленность развития какого-либо явления, второй — субъективный, имеет более широкое значение, сюда мы включаем предвзятую, одностороннюю мысль, разнообразные стремления и склонности людей, направления их идей и действий. В данной статье мы будем использовать это слово во втором, субъективном смысле.

Направленность развития человечества может быть реализована только посредством вариантов. Под вариантами мы понимаем рациональные, научно, идеологически обоснованные сценарии, которые даже могут быть определенным образом организованные, реализуемые. Это суть субъекты описываемого процесса, они могут объединяться, так стихийно складываются векторы развития, объективные по отношению к вариантам, но определяются они именно вариантами. Это объективация субъективного. Вектор указывает цель развития и его путь. Целеполагание людей, организованное в варианты и векторы развития, формирует основные тенденции развития.

Объективной основой развития человечества является предметно-практическая деятельность, а сутью современного переходного состояния стало расширение этнических связей до глобальных масштабов, что привело к изменению всей системы мирового этнокультурного многообразия. Сущность связей этноса с окружающей средой — приспособление окружающей среды к потребностям людей. Это эволюционный способ выживания человека как вида. Изначально инструментом приспособления среды к потребностям людей была искусственная среда. С развитием искусственная среда перестала быть только инструментом. Техника, технологии, человеческая деятельность настолько изменили естественную среду, что сама суть естественности — независимость от человека и самовозобновляемость — ушла в прошлое.

Каков современный характер связей «этнос - окружающая среда»? Тот

характер связи этноса и окружающей среды, от которого мы сегодня так старательно пытаемся уйти был заложен еще в XVII веке. Тогда возникшее новоевропейское мировоззрение, антропоцентрическое и рационалистичное по сути, ликвидировало не преодолимую пропасть между миром человека и природой, присущую Средним векам. Исчез страх перед природными силами, уступив место потребительскому отношению. Природа должна служить человеку и его обществу. Это мастерская, склад и пр. Человек — царь и хозяин природы. Всемогущий человеческий разум раскроет тайны природы и употребит их себе на благо. Человеческий эгоизм в отношениях с природой по мере развития капитализма усилился, стал приобретать и социальный оттенок.

Уровень развития этносов всегда был не одинаков. Сегодня есть этносы с присваивающим типом хозяйства (племена), смешанным, переходным и пр., но доминирующее положение в развитии занимают капиталистические страны. Они обладают указанным выше мировоззрением, это определяет современный характер связей этнос — окружающая среда. Его развитые страны навязывали другим этносам сначала в рамках своих колоний, и после падения колониальной системы посредством оставшегося там своего влияния. Это усугублялось тем, что интерес бывших метрополий к ресурсам бывших колоний не стал меньше. Доклад «Наше общее будущее» отмечает, что «в 70-е годы стали медленно проявляться настроения отчужденности и обособления, хотя состоявшийся в это время целый ряд конференций ООН вселял надежды на более широкое сотрудничество по решению крупных проблем» [1, р. 11]. Бывшие колонии и метрополии проводили политику, отвечающую своим интересам, а эти интересы антагонистичны. Данный доклад с помощью языка дипломатии это объясняет так: «политические лидеры, которые считают, что их страны достигли достаточно высокого уровня, к которому должны стремиться другие государства, должны рассматривать вопросы развития в качестве жизненно важных ... решения, которые принимают эти страны в области развития, будут оказывать, в силу их большой экономической и политической мощи, глубокое воздействие на возможности всех народов обеспечить устойчивый характер развития человечества в течении грядущих поколений» [1, р.12].

Сегодня связь этнос и окружающая среда можно охарактеризовать так: «До недавнего времени наша планета олицетворяла собой громадный мир, в котором человеческая деятельность и ее последствия четко разграничивались в рамках государств, отраслей (энергетика, сельское хозяйство, торговля) и более широких отраслей деятельности (окружающая среда, экономика, сфера социальных отношений). Затем существующие границы стали исчезать» [1, р.19].

Таким образом, в качестве «старого» характера связей этнос — окружающая среда мы будем рассматривать новоевропейское потребительское отношение и индивидуализм отдельного этноса. В основе индивидуализма этноса лежит его специфичность. Это — специфический образ действий, образ мыслей, специфическое поведение и психика. Применительно к рассматриваемой связи — это специфические связи с окружающей этнос

средой.

Потребительское отношение и индивидуализм отдельного этноса отражаются в капиталистических рыночных отношениях. Прежде всего надо определить, что такое рыночные отношения. Во-первых, это отношения обмена. Во-вторых, обмен совершается в условиях конкуренции (свободы выбора и принятия решений как для продавца так и для покупателя). В третьих, обмен совершается через посредника — деньги. Это рыночные отношения в чистом виде. Такие отношения сложились еще тогда, когда у людей появились излишки и разделение труда, было что менять и на что менять. С тех пор эти отношения эволюционировали и изменялись в зависимости от способа производства. Рыночные отношения — необходимый атрибут антагонистического общества. С помощью рынка осуществляется связь отчужденных функций и человека. Укрепление и сохранение рыночных отношений ведет к сохранению антагонистических отношений. При капитализме антагонизм усиливается потребительством. Здесь не только излишки становятся предметом товарно-денежных отношений, но также и все остальное существующее на планете Земля — природа и люди. Все продается, все покупается.

На данный момент человечество встало перед следующими противоречиями в сущности связей «этнос — окружающая среда»: 1. Изменение самой окружающей среды — потеря естественности. 2. Традиционные противоречия природы и потребности этноса к выживанию. 3. Противоречие этнического ядра (как некой статичной константы) и динамичности социальных потребностей в процессе выживания. Данный комплекс противоречий мы характеризуем как переходный, так как он вскрывает изменение в «старой» сущности связи «этнос — окружающая среда». В общественной мысли и в науке комплекс проблем, связанных с этим противоречием, называют экологическим. Уже 40 лет, как экологические проблемы осознаны человечеством. Весь этот период на практике и в теории люди пытаются их решить, в результате чего сложились нигилистическая, уравнивающая и возвратная тенденции в развитии.

Единство человечества рассматривают как цель развития, но это слишком абстрактная формулировка, нуждающаяся в конкретизации. Она говорит о том, что мы четко не знаем куда идем. Но мы знаем от чего уходим. На это указывает нигилистическая тенденция. Мы уходим от специфически этнических поведения, образа мысли, способа деятельности. Нигилизм отрицает этническую специфичность. Специфичность этноса — это связь, «мера», а не ядро этноса. Специфичная мера этноса является зоной изменений, ядро (территория, язык, происхождение, деятельность) меняться не может, так как изменения ядра приводят к уничтожению этноса. Конечным пунктом развития («новым») должна быть противоположностью этнической специфичности. Но эта противоположность мыслимая, не реальная. Это некий идеальный абсолют. «Новое» мыслится как общечеловеческое — общее поведение, образ мысли, способ деятельности. Уравнивающая тенденция — это поиск среднего пути в развитии. Некий компромисс между

нигилистическим отрицанием этнической специфичности, потребительских отношений и стремлением вернуться к старым отношениям в связях этно-окружающая среда (этническая специфичность и потребительство). Отрицание специфичности при уравнивающей тенденции не приводит к потере этничности. Возвратная тенденция — проявление этнического эгоизма, не только утверждение как нормы этнической специфичности, но и потребительского отношения к окружающей среде. Как правило, возвратная тенденция является спецификой деятельности одного типа этносов или вообще одного доминирующего этноса в рамках «старой» связи этнос - окружающая среда. Каждой тенденции соответствуют варианты путей развития. Путь глобализма соответствует возвратной тенденции. Поэтому путь глобализма приведет не к единству, а к единственности, он тупиковый в развитии. Следующие два пути ведут к «новому», но имеют различия между собой. Путь «сети» изменяет только внешние связи, внутренние связи не затрагивает, меняются «нити», которыми этносы «привязаны» друг к другу. Интеграция — взаимопроникновение не только в зоне внешних связей, но и в зоне внутренних связей. Поэтому путь «сети» в русле уравнивающей тенденции, а путь интеграции — нигилистической.

Список использованной литературы:

1. Наше общее будущее [Электронный ресурс] // Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций. Сорок вторая сессия. Пункт 83е предварительной повестки дня. Развитие и международное экономическое сотрудничество: проблемы окружающей среды. Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития. Приложение. — С.3-411. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (время обращения 27.03.2017).

ЗУБКЕВИЧ ЛАДА АЛЬБЕРТОВНА

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г.
Нижний Новгород, Российская Федерация

**ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НАПРАВЛЕННОСТИ
ПРОЦЕССА РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ
ПЕРЕХОДНОМ СОСТОЯНИИ (В АСПЕКТЕ ЦЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ)**

1. В аспекте вопроса о развитии человека в качестве аксиом принимаем следующие положения. Развитие человечества в целом и отдельных обществ имеет одну логику, одни законы, подобную или аналогичную цепочку причинно-следственных связей — единство исторического процесса. Исторический процесс объективен. Развитие человеческих обществ базируется на коллективной деятельности людей по производству и потреблению материальных благ. Эта деятельность — способ и условие существования

человека вообще. Материально-практическая деятельность совечна человеческому обществу, всегда определяла и будет определять его. Данные аксиомы являются парадигмальной основой исследования.

2. Направленность развития человечества субъективно определяется представлениями людей о будущем, воображаемыми идеалами общества. В них человечество мыслится единым, то есть не разобщенным, свободным от антагонизма, а человек — целостный во всей человеческой сущности и неисчерпаемости. Сегодняшний идеал не исключение. Однако, в современном переходном состоянии у людей есть возможность сознательной постановки цели развития.

3. Объективно человеческая природа детерминирует направленность развития. Предельными характеристиками человеческой природы являются целостность, неисчерпаемость и человечность, как высшая степень социальности и человеческих отношений. Это мерило развития. Человеческие отношения и человеческая деятельность тем более прогрессивны, чем более они соответствуют характеристикам: человеческая, целостная (всесторонняя), творческая, открывающая возможность безграничного совершенствования.

4. Сегодня новое мыслится как общечеловеческое: общее поведение, образ мысли, способ деятельности. Современный идеал нашел свое выражение в совокупности посвященных развитию документов ООН, из них следует, что человечность является единственным условием выживания человека вообще. Цель развития может осуществляться только при условии охраны здоровья и образования людей. Вопрос здоровья и образования — не частный вопрос, это вопрос об обеспечении потенциала развития человека как такового. Целью развития должна стать всесторонне развитая, целостная, творческая личность.

5. Цели развития человечества соответствует не антагонистический способ материально-практической деятельности. На планете Земля существует только два способа данной деятельности — антагонистический (разделяющий человека с его навыками, результатами труда) и не антагонистический (где человек целостен). При не антагонистическом способе результат деятельности зависит от применения всего комплекса навыков и способностей человека. Здесь человек не делится на навыки и способности, а общество не делится на группы относительно места человека в процессе производства материальных благ. Антагонистический способ является следствием разделения труда, в результате чего человек противопоставляется своим умениям и навыкам.

6. Однако в процессе развития человека разделение труда углубляется, дифференциация навыков и функций человека мельчают до определенных движений, а весь процесс начинает стремиться к дурной бесконечности. Постепенно возникает ситуация перехода от дифференциации и отчуждения к целостности и единству. Таким образом, в перспективе развития антагонизм преодолевается, труд становится творчеством. Это происходит через осознание личностью своей целостности, своего творческого начала. Приходит осознание того, что антагонистический способ перестал соответствовать главному назначению человеческой деятельности — сохранению и выживанию *homo sapiens*. Однако, антагонистический способ очень адаптивен, он вырабатывает

разные новые формы, но при этом не меняя своей сути и тем самым угрожая существованию человечества вообще.

7. Осуществление идеала развития человечества происходит в объективной тенденции развития к единству человечества, что обусловлено социальной природой человека. Эта тенденция реализуется через эволюцию человеческих обществ, эволюция развития человечества в аспекте достижения его единства включает в себя этногенез и глобализацию. В этих двух процессах сочетается интеграция и дифференциация.

ЗУБКЕВИЧ ЛАДА АЛЬБЕРТОВНА

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г.
Нижний Новгород, Российская Федерация

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НАПРАВЛЕННОСТИ ПРОЦЕССА РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ ПЕРЕХОДНОМ СОСТОЯНИИ (В АСПЕКТЕ ЭТНОГЕНЕЗА)

1. Этногенез противоречив. С одной стороны, это развитие этноса как биологического явления, где действуют соответствующие закономерности, результат этногенеза — смерть этноса. Это регрессивный процесс. С другой стороны — этнос социальная система, и этногенез — развитие этноса как системы, где особое значение имеет равновесность, которая продлевает жизнь этноса. Однако, процессуальность не предполагает неизменность. Поэтому равновесность этноса — идеальная модель, некий абсолют. Направленность этногенеза обуславливают два фактора. Первый — этнос как социальная система имеет прогрессивную направленность и предполагает усложнение социального устройства, культуры и укрупнение этноса по законам социальных систем. В качестве финала здесь также разрушение системы. Второй — этнос как способ существования человечества как биологического вида и как любое биологическое явление (явление жизни) имеет регрессивную направленность (к смерти). В равновесности этноса как идеальной модели эти факторы синтезируются. В реальности существование этих двух факторов обеспечивает процесс этногенеза, конкретный в своем проявлении в истории.

2. Биосоциальная природа этноса аналогична биосоциальной природе человека, этнос единственный способ существования человека как биологического вида. Направленность этногенеза в естественном стремлении к постоянному усложнению и укрупнению этноса. Человек как творческое существо постоянно расширяет свои связи с окружающей средой (природой, людьми). Эти связи заимообразные, субъектно-объектные. Поэтому результат этногенеза не однозначен и зависит не только от объективных факторов, но и от творческой предметно-практической деятельности людей и от выстраиваемых ими связей.

3. Устойчивость в развитии обеспечивает такой вид межэтнических связей, который в парадигме марксизма называется «социалистический

интернационализм», иные типы связей приводят к регрессивному финалу. Принцип «социалистического интернационализма» это суть интегративные связи, они коренятся в природе человека, как и тенденция к укрупнению обществ и расширению связей. В терминологии марксизма интернационализм обозначает отношение равноправия, взаимоуважения, дружбы, сотрудничества, взаимопомощи этносов, а социалистический, по сути — основанный на не антагонистических отношениях и связях.

4. Идеальная модель межэтнических связей — «социалистический интернационализм». На практике у нас есть исторический пример попыток воплощения его в жизнь, это опыт советского союза и социалистических стран. Из его обобщения в разнообразных исследованиях может быть сконструирована модель такого воплощения. Она строится с учетом необходимости сочетания национального и интернационального в условиях антагонистического общества (поскольку даже с точки зрения советской идеологии не антагонистическое общество — коммунизм — еще не построен):

Ее основа — интегративное расширение этнических связей, сближение этносов.

Это единство в многообразии разных этносов.

Равенство этносов и людей во всем.

Самоопределение этносов.

Формирование однотипной социальной структуры во всех этносах.

Формирование надэтнической или общей культуры.

Формирование общего самосознания и общей идентичности.

Общий язык для межэтнического общения.

Формирование однотипных и однородных социальных групп в этносах.

Формирование однотипной социальной структуры.

Выравнивание научно-технического, экономического и пр. уровней этносов, условий и уровней жизни людей в разных регионах.

Формирование общего мировоззрения.

Формирование общего правового поля.

Единое образование, воспитание, здравоохранение.

В результате формируется суперэтнос как единство во многообразии. Он имеет свою специфическую меру — коллективистский и интернационалистский образ мысли и действий, универсальность внешнего вида и поведения советского человека, особый склад психики. Он имеет единое ядро — территорию, языки, деятельность, этноним, единое происхождение. Но одновременно в основе этого единства лежит многообразие этносов. В модели учитываются внутринациональные процессы. Все общее воспринимается как универсальное, а этническое как специфическое.

5. Процесс этногенеза наряду с развитием суперэтноса предполагает и развитие этносов, входящих в его состав. Поэтому главная задача — уравновесить глобальные и локальные процессы этногенеза. Усиление локального приводит к национализму, усиление общего (глобального) — к национальному нигилизму. В случае возникновения противоречий между общим и этническим в отношениях предпочтение отдается этническому, так как

общее объективная тенденция в развитии этносов к их укрупнению и объединению обуславливает постоянный перекоc в балансе отношений в сторону общего.

6. В настоящее время в межэтнических связях обостряется противоречие этнического и глобального. Саморазвитие этносов достигла интенсивных изменений в зоне этнических связей, поэтому глобальная этносфера достигла высокой плотности. Интеграция вторглась в зону ядра этноса — язык, деятельность, территория, происходит его разрушение. Межэтнические связи фрагментировались, стали отчуждены от самого этноса (мыслятся бизнес-связями, информационными, социальными и пр.) и, следовательно, стали антагонистичные ему. То есть происходят процессы отчуждения, аналогичные отчуждению человека. Этнос под угрозой исчезновения, но это единственно возможная форма коллективной жизни людей, значит под угрозой и сам человек как таковой. Возникает антиномия: этнос — единственно возможная форма коллективной жизни людей, обусловленная природой человека, совечная человечеству, исчезает под напором интеграции — одной из сторон этногенеза, свойственной той же природе человека.

7. Эта антиномия разрешается только в случае рассмотрения ее в качестве диалектического противоречия. Это противоречие результат отношений двух противоположностей локального (этнического) и глобального, эти отношения находятся сегодня в переходном состоянии системы этнокультурного многообразия. В системе происходят переходные процессы, характерные для этого состояния. При переходном состоянии система теряет свою устойчивость из-за глобального развития связей системы, приведшего к разрушению доминирующей системообразующей связи и подсистем системы.

8. Реализация этой статистической закономерности не может быть однозначной, в развитии возникают различные варианты ее реализации. Речь идет о том, что происходит переход от старого качества системы к чему-то иному. Это может быть переход в небытие (разрушение, смерть) или в инобытие, существование сущности в ином, или к новой качественной определенности в рамках наличного бытия — нового этнокультурного многообразия.

9. На данный момент можно говорить о том, что сложились определенные тенденции разрешения переходного состояния: нигилистическая, возвратная, уравнивающая. Указанные тенденции — это отношения людей к перспективам развития, проявляющиеся в мыслях и поступках, они объективируются в условиях переходного процесса. Нигилизм отрицает этническую специфичность, уравнивающая ищет компромисс между этническим и глобальным, возвратная стремится назад к старому качеству системы. Эти тенденции спонтанны, процессы корректируются и направляются политической волей. Задача последней — создание условий для реализации направленности развития путем выявления наиболее конкурентоспособной переходной формы (наиболее равновесно сочетающую глобальное и локальное), корректировка ее развития с целью повышения результативности ее деятельности.

10. Сегодня мы имеем три сценария реализации развития, которые осуществляются тремя вариантами политической воли. Первое — сценарий глобализма, формирование глобального этноса. Это приведет к гибели всей мировой системы, так как подобного рода образования не устойчивы. Второй — путем экономической деградации и политики изоляционизма вернуться к прежней этнической системе. Это возможно, но не на долго. Так как те же силы, что привели развитие к сегодняшнему переходному состоянию, сработают и еще раз, тогда снова нужно будет разрушать и изолировать. И третий вариант — через координирование и корректирование интеграционных процессов, сочетать глобальные, локальные и этнические уровни во всех сферах деятельности и во всех подсистемах, и особенно в сегменте ядра этноса. Это позволит «поймать волну» стихии, выделить новую доминанту, способную сформировать новое устойчивое состояние.

ЗУБКЕВИЧ ЛАДА АЛЬБЕРТОВНА

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г.
Нижний Новгород, Российская Федерация

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НАПРАВЛЕННОСТИ ПРОЦЕССА РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ ПЕРЕХОДНОМ СОСТОЯНИИ (В АСПЕКТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ)

1. Направленность развития также определяет тенденция к глобализации. Это развитие межэтнических связей, которые постепенно превращаются в самостоятельные факторы. Глобализация объективна, универсальна, ее процесс направлен в сторону объединения или единства, целостности мира, но на принципиально новой основе, в нее тотально вовлечены все сферы человеческого бытия и все субъекты мирового развития. Если в процессе этногенеза происходит формирование глобального суперэтноса, то в процессе глобализации формируется глобальный субъект развития, который обладает глобальным сознанием и мировоззрением.

2. Совокупность действия глобализирующих факторов по сути является интеграционными потребностями, они обусловлены социальной природой человека, природно-биологическое начало этноса здесь угнетается более того, оно нарушается. В процессе глобализации ослабляются традиционные формы организации этноса экономически, политически, территориально, культурно, ценностно. Но люди продолжают жить на определенных территориях, и именно эти территории определяют поведение и привычки.

3. В процессе глобализации формируются мегаобщества на основе единого мирового рынка, единого информационного пространства как основы слияния культур. Это не этническое слияние (следуя учению Л. Гумилева [1], где этносы не имеют культурного измерения), это именно социальный процесс. Происходит уничтожение национальных государственных границ, национальных правительств. Создаются

глобальные сверхобщества, управляемые мировым правительством. Политическое измерение также не этническое. Постепенно вырабатывается понимание основных принципов жизнеустройства на Земле, что не мешает людям объединяться по стереотипу поведения и испытывать симпатии к таким как они. Глобализация — это интеграционный процесс, который проходит на протяжении многих веков (или с 15 века, или с момента образования человеческих сообществ в первобытности), каждый конкретный исторический период имеет свои особенности. Имеет эти особенности и современный этап, это глобальность процессов. По логике Гумилева Л., интеграция — это развитие контактов этносов, и развитие этих контактов само по себе, без этноса, не возможно. Поэтому мы понимаем глобализацию как глобальный процесс интеграции связей зоны этнических связей этносов.

4. Если опираться на Гумилевское понимание этноса и суть этногенеза, можно сделать вывод, что процесс глобализации никакого прямого отношения этногенезу и этносу не имеет. Глобализация — расширение этнических контактов до глобальных масштабов, складывание общностей в других «измерениях», не в этническом. До тех пор, пока у людей будут разные стереотипы поведения, пока люди будут жить на определенных участках земли (поведение зависит от ландшафта), и пока этих людей будет охватывать жажда деятельности по преобразованию действительности, этносы как таковые не исчезнут, этногенез будет возобновляться. А судьба конкретных этносов и суперэтносов современности зависит от их возраста и фазы этногенеза, которую они проходят.

5. Сущностная природа глобальных интеграционных процессов заключается в диалектической связи человечества как общего, суперэтносов как особенного и этносов как единичного. Конференция ООН по охране окружающей среды и устойчивому развитию 1992 года в Рио-де Жанейро зафиксировала появление глобального субъекта — человечество в целом, в дальнейших документах ООН посвященных развитию данная сущностная природа интеграции подтверждается и конкретизируется по разным аспектам развития. Именно появление глобального субъекта развития обуславливает современный этап интеграции — глобализацию, и делает ее не только объективным, но и сознательным процессом. Данный субъект является творческим началом, что может показаться похожим на гегелевский абсолютный дух, если бы не основа интеграционных процессов — предметно-практическая деятельность людей, которую отражает (следуя терминологии теории отражения марксизма) глобальное сознание и мировоззрение. Субъект мировоззрения абстрактен и конкретен одновременно, процессуален, динамичен, имеет сложную структуру и разные субъектные уровни. Появление этих субъектных уровней исторически обусловлено. Человечество в целом как глобальный субъект является носителем нового мировоззрения (некоторые его называют планетарным), субъектом нового устойчивого состояния процесса развития.

Направленность развития в современном переходном состоянии процесса развития определяется именно этим субъектом.

Список использованной литературы:

1. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Свод №3. Международный альманах / Сост. Н.В.Гумилева. — М.: Танаис ДИ-ДИК, 1994. 544 с.

**КОЖЕВНИКОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ,
ДАНИЛОВА ВЕРА СОФРОНОВНА**

Северо-Восточный Федеральный университет. г. Якутск, Республика Саха (Якутия)

НЕУСТОЙЧИВОСТЬ МИРА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЕГО СИСТЕМЫ КООРДИНАТ НА ОСНОВЕ ДЕТЕРМИНИСТИЧЕСКОГО ХАОСА

Общие представления

Окружающий нас мир обладает фундаментальным противоречием. С одной стороны он неустойчив. Ему присущи многочисленные процессы идущие через бифуркации, катастрофы, а описание мира сводится к нелинейным уравнениям и соотношениям. С другой стороны он устойчив на всех уровнях организации и имеет ярко выраженную тенденцию к саморазвитию. Это противоречие может быть снято, если рассматривать окружающий мир с точки зрения его системы координат основанной на динамических равновесиях детерминистического хаоса.

Система координат мира состоит из недостижимых пределов динамических равновесий конкретной вещи - I, C, K и ступеней динамических равновесий восходящих к этим пределам. Ячейка (I, C, K) объединяет пределы идентификации (I), коммуникации (C) и опорные ритмы вещи устремленные к устойчивым ритмам мира (K). Несмотря на их недостижимость они могут быть описаны текстами создаваемыми конкретной исследуемой вещью, которая взаимодействует с этими пределами. Промежуточная ячейка системы координат мира (F, H, G) характеризует предельные динамические равновесия конкретной вещи связанные с промежуточными сущностями. Здесь F - феномен, H - горизонт, G – опорный ритм определенной ступени установления динамического равновесия вещи связанный с соответствующим ему временем релаксации. Феномен характеризует идентификацию вещи в определенный момент времени, однако для придания ей устойчивости и оптимальности необходимо иметь оптимальный горизонт и опорный ритм. Однако, чтобы такая идентификация произошла необходимо иметь оптимальный горизонт, в пределах которого она может закрепиться благодаря коммуникации и ритму соответствующих этому горизонту. Любая вещь мира может быть рассмотрена с точки зрения предельных динамических равновесий. Подобные

представления развиваются в предыдущих наших работах [1,2].

Предлагаемая система координат позволяет избавиться от многих заблуждений современной философии основанных на линейности, исходных пунктах, сингулярных точках. Особое значение здесь имеют необоснованное преувеличения какого-либо одного понятия (Сознания, Мышления, Движения, Энергии, Пространства и т.п.) Есть уровни организации мира, например атомный, ядерный, где процессы не направляются сознанием, мышлением, а организуются непосредственно вещами этого уровня (электронами, нуклонами, нейтрино и т.п.). Протекание этих процессов обеспечивается слабыми и сильными взаимодействиями. Иногда в микромире бывают сбои, но они тут же нейтрализуются последующими процессами.

То же самое можно сказать о процессах протекающих в звездно-планетарных системах, галактиках, метagalaktike. Здесь также могут случаться катастрофы, но в целом мегамир демонстрирует устойчивость, самоорганизацию, ярким свидетельством которой является эволюция оболочек Земли, прежде всего биосферы, человека и окружающего его социума. Между тем уровень сознания, который по эволюционным меркам появился совсем недавно, еще очень нестабилен. Его можно сравнить с начальным периодом образования солнечной системы, когда существовало не менее тридцати планет с неуравновешенными орбитами, что приводило к их столкновениям, возникновению многочисленных осколков бомбардирующих другие планеты и т.п. И только спустя сотни миллионов лет солнечная система обрела устойчиво-оптимальное состояние. Аналогично начальный период существования сознания характеризуется его неравновесными состояниями используемыми для обоснования лжи, оправдания несправедливых путей развития человека, общества и т.п. Со временем сознание обретет свои квазиравновесные рамки и будет направлено на самые высокие и благородные цели развития человечества. Поэтому следует внимательно относиться к философским системам распространяющим деятельность сознания, мышления, человека, трансцендентного Бога, абсолютной идеи и других подобных понятий на весь мир, приписывая им обязательное воздействие на него.

Осмысление мира с точки зрения его системы координат

Система координат мира меняет представление о его познании, сводя эпистемологию к онтологии. Все уровни мира с точки зрения этой системы координат оказываются равноправными и характеризуются сущим вещей присущих им. Взаимодействие этих вещей и обеспечивает процесс познания, позволяя сформировать естественные представления о его природе.

В частности выдающиеся философы, мыслители неоднократно высказывали мысли о том, что образование – это то, что остается когда забыто все выученное. Среди них можно отметить Джорджа Галифакса (XVIII в.), Эдуарда Эррио (XX в.), Б.Ф. Скинера (XX в.). Эти идеи можно считать исходными в процессе формирования знания, поскольку поднимают вопросы о том, какие эпистемологические структуры могут обеспечить устойчивое формирование и сохранение знания. Есть также много высказываний на тему,

что образование достигается самостоятельным трудом, а то чему могут научить в школах и университетах - только способ его получить.

Наиболее разработанным научным подходом к исследованию этой проблемы является феноменология сознания Э. Гуссерля и, прежде всего такие её понятия как «ноэма» и «ноэзис». Когда необходимо освоить новый блок знания включающий в себя, например двадцать новых элементов или вопросов необходимо организовать процесс этого усвоения таким образом, чтобы пять-шесть вопросов остались в сознании на всю жизнь, еще столько же послужили бы им «строительными лесами», которые существовали бы пока они окончательно не найдут свое место в коммуникационных системах сознания. Остальные могут быть отброшены сразу после процесса усвоения этого знания.

Развиваемый подход позволяет углубить представления об онтологизации теории познания. Процесс познания начинается с того, что индивид в процессе самоорганизации стремится «зацепиться» за какое-либо равновесие, идентифицироваться посредством его, поскольку любая вещь мира включая человека стремится к самоидентификации. Это равновесие может быть случайным, неправильным, ему еще далеко до предельного динамического равновесного состояния, так что случившаяся идентификация будет скорее всего промежуточной. Однако постепенно, в результате самоорганизации обусловленной направляющим действием текстов бытия идентификация становится все более устойчивой и оптимальной. Это обеспечивается стремлением к двум другим предельным равновесиям: коммуникационному и опорному ритму индивида ориентированному на мировую гармонию. Все эти три предельных равновесия (идентификационное, коммуникационное и опорных ритмов) обеспечивают устойчивость друг друга равновесно взаимодействуя между собой. Все устойчивые творения человеческого духа опираются на эти динамические равновесия. Человек связан более чем ста циркадианными ритмами с окружающей его средой, определяемых периодами вращения Земли, Солнца, ритмами галактики, метagalaktiki и т.п. Все выдающиеся религиозные тексты, произведения литературы, искусства имеют устойчивые внутренние ритмы, соотнесенные с ритмами мировой гармонии.

Усвоенное знание со временем может перекомпоновываться, оптимизируя свои элементы, системы, в которые они включены, а также направляя ритмы индивида обеспечивающие его существование к ритмам сущего. Связь с системой координат мира направит существование человека к мировой гармонии, позволит сохранить биосферу, человечество и максимально раскрыться каждому индивиду.

Список использованной литературы:

1. Кожевников Н. Н. Метафизический, онтологический, феноменологический, герменевтический аспекты системы координат мира на основе предельных динамических и сетевых равновесий. Монография – Якутск: Изд. Дом СВФУ, 2018 – 171 с.

2. Nikolay Kozhevnikov and Vera Danilova. Human Development in the

ЛОЙКО АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философских учений, Белорусский национальный технический университет, Республика Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО НА ГРАНИ УСТОЙЧИВОСТИ И НЕУСТОЙЧИВОСТИ: ДИАЛЕКТИКА И СИНЕРГЕТИКА

В XXI в. техногенная деятельность человечества характеризуется ростом рисков, ставящих под сомнение теорию линейного развития природы и общества. Эта теория была актуализирована в период античности Гераклитом, Сократом, Платоном, Аристотелем. Для ее лаконичного названия подобрали слово «диалектика». Гегель оформил концептуальную структуру диалектики в виде законов развития бытия, к которому относил область мышления и культуры. К. Марк и Ф. Энгельс распространили влияние теории линейного развития на природу и общество [1]. Они исходили из достижений естествознания, собственных исследований в области экономической истории.

В рамках теории линейного развития природы и общества К. Марк и Ф. Энгельс осуществили конвергенцию концептуальных представлений о развитии и эволюции общества и природы. В пространстве общества приоритетную роль они отводили концепту линейного развития. Его конкретизацией стала концепция формаций, смена которых сопровождается революционными преобразованиями с элементами преемственности, кумулятивной деятельности социальных сил. В динамике линейной эволюции находится и природа. В ней также имеют место процессы преемственности, кумулятивной селекции.

На основании тезиса о линейной динамике процессов в природе и обществе К. Марк и Ф. Энгельс создали методологию социального прогнозирования формационной и цивилизационной динамики. Формационный контекст линейности общества связывается ими с построением коммунизма. В цивилизационной динамике общества спрогнозирована тенденция глобализации общественных процессов в рамках строительства коммунизма. С этой целью предполагалось выравнивание социально-экономических уровней развития государств.

Россия стала после 1917 г. одним из первых государств, прилагавших усилия для выравнивания социально-экономического развития бывших национальных окраин Российской империи. Помощь оказывалась Монгольской Народной Республике и Туве. С 1922 г. эту миссию взял на себя СССР. Выравнивание социально-экономических условий жизни населения государств осуществлялось на основе программ электрификации, индустриализации,

культурной революции, модернизации сельского хозяйства.

В вопросах глобализации выдерживался идеологический критерий строительства коммунизма. Идеологическая основа капитализма отвергалась, поскольку за объединением национальных государств в единое пространство виделись угрозы коммунистическому движению. Так, В.И. Ленин видел в лозунге Соединенных Штатов Европы технологию объединения империалистических сил для борьбы с международным рабочим движением.

Этот исторический прогноз в рамках теории линейного развития человечества оказался реализованным событиями XX столетия, когда оба идеологических лагеря дифференцировались блоковым противостоянием в виде холодной войны [2]. Сам факт ядерного противостояния сигнализировал о возросших рисках в содержании глобальной социальной динамики. Множились сценарии ядерной зимы. Все актуальней становилась экологическая проблематика.

Техногенная катастрофа на Чернобыльской АЭС показала, что у этих сценариев есть основания [3]. В свете подобных тенденций интересы ученых все больше склонялись к необходимости возврата к теории нелинейной социальной динамики. Эта теория была актуализирована в работах О. Шпенглера и К. Ясперса. Она допускает гибель локальных цивилизаций, что и подтвердили археологические открытия на Ближнем Востоке и на территории Америки. Аргументы для данной теории были найдены во второй половине XX столетия и в области естественнонаучных исследований. Экспериментальные исследования в предметном поле химии провел И. Пригожин. Они были отмечены Нобелевской премией. В области лазерной физики исследования провел Г. Хакен. Он же актуализировал термин «синергетика».

Этапной стала разработка теории катастроф, после чего начались активные поиски ее подтверждения. Они были открыты в космосе. Предметом изучения стали взрывы звезд и галактик. Были обнаружены свидетельства подобных событий, в том числе в китайских хрониках. Эти хроники описали взрыв звезды в 1043 г. В результате в теорию эволюции звезд и галактик был введен компонент катастрофического сценария. Подобный компонент формирует начало эволюции Вселенной в виде Большого Взрыва.

Взрывы означают не только завершение стадии эволюции природных объектов, но и начало этой эволюции через стадию динамического хаоса. В последующем в силу вступают законы самоорганизации, которые формируют структуры порядка и динамического равновесия открытого типа. В социальных системах человечеству нежелательны экстремальные последствия нелинейной динамики. Первыми к этой проблеме обратились экономисты. Они разработали теорию рисков, аналитическую методологию и программу минимизации ситуаций динамического хаоса на биржах, рынке труда, в мировой торговле. Используются практики страхования рисков. Создана методология поддержки товаропроводящих сетей с целью обеспечения непрерывного производственного процесса.

Если до второй промышленной революции экономическое сообщество полагалось на естественный ход процессов технологического развития, то

начиная со второй промышленной революции, акцент делается на планирование социальной динамики с учетом растущих внешних угроз. Пример подобного планирования дал СССР. За короткое историческое время индустриализации был создан промышленный потенциал, который в условиях Великой Отечественной войны был трансформирован в военно-промышленный комплекс, обеспечивший паритет сил с коалицией фашистских государств Европы. К 1943 г. военно-промышленный комплекс СССР продемонстрировал преимущества, что повлияло на перелом военных действий в пользу Красной Армии. К этому обстоятельству добавился возросший опыт командующих армиями, а также героизм советских солдат и офицеров.

В ФРГ инициирована программа очередной четвертой промышленной революции под названием «индустрия 4.0». Специалистами уже просчитаны риски реализации этой программы для рынка труда. Авансируются значительные перемены в приоритетах занятости. Индустрия 4.0 стала примером диалектического использования теорий линейного и нелинейного развития природы и общества. О результатах пока не приходится говорить, поскольку общество находится на стадии модельного анализа социальных и экологических рисков [4].

Таким образом, в социальной практике человечества продолжают использоваться теории линейного и нелинейного развития и эволюции систем деятельности и биосферы. Тенденция роста неустойчивости техногенных структур побуждает специалистов в области управления искать новые методологические подходы к процессам конвергенции технологий и окружающей среды в условиях сохраняющейся актуальности темы коэволюции биосферы и ноосферы.

Список использованной литературы:

1. Glosikova O, Lojko A.I. Charakteristika filozofie 19 a 20 storocia // Sociokulturna realita a priroda: zbornik recenzovanych vedeckych prac s medzinarodnou ucastiou. Presov: Fakulta vyrobnych technologii TU Kosice so sidlom v Presove, Bayerova 1, 2007. С. 5-19.

2. Лойко А.И. Устойчивость социальных систем в условиях модернизации структур техногенной цивилизации // Вестник БНТУ, 2010. № 6. С. 70-75.

3. Лойко А.И. Парадоксальная каузальная сущность природной и социокультурной реальности (к вопросу о детерминизме) // Философия. Методология. Познание: сборник научных трудов к 85-летию академика Д.И. Широканова. Минск: Право и экономика, 2014. С. 177-189.

4. Лойко А.И. Динамическое разнообразие, конвергентная эволюция и динамическое равновесие / Философские традиции и современность ежегодник: ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2017. № 2. С. 33-36

ЛОЙКО ЛАРИСА ЕГОРОВНА

Кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и идеологической работы, Учреждение образования «Академия МВД Республики Беларусь», г. Минск, Республика Беларусь,

СОВРЕМЕННЫЕ ИДЕОЛОГИИ В УСЛОВИЯХ НЕУСТОЙЧИВОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ

В начале XXI в. традиционный либерализм подвергся серьёзной модификации в соответствии с духом времени: обосновывается необходимость вмешательства государства в экономическую жизнь для создания благоприятных условий свободному предпринимательству и конкуренции [1]. Расширяются социальные функции государства. Его главная задача – предупреждение социальных конфликтов путем поддержки обездоленных социально незащищённых слоёв общества на основе активной регуляции экономической жизни через налоги, государственную собственность, бюджет, планирование.

Неолибералы отстаивают принципы плюралистической демократии, призванные обеспечить учёт интересов всех социальных групп общества в области политической власти. Плюралистическая демократия включает в себя принцип разделения властей, открытость принятия решений на уровне представительных органов. Истинная демократия – это свободная конкуренция между потенциальными политическими и государственными лидерами за голоса избирателей.

Новые либералы ввели в практику общественной жизни западного общества понятие о справедливости. Они считают, что общественная система, не основывающаяся на справедливости, не имеет будущего [2]. Справедливость трактуется, прежде всего, как «политическая справедливость» – равные политические права. Положение человека в обществе зависит от его личностных качеств – таланта, способностей, трудолюбия. Из социальных прав либералы признают лишь права на образование, труд, пенсию, пособие по безработице, социальное страхование. В подходе же к другим проблемам общественно-политической жизни каких-либо кардинальных расхождений между классическим и новым либерализмом нет.

Неолиберальная концепция государства всеобщего благосостояния подвергается критике. Практика перераспределения привела к подрыву стимулов к эффективному труду; бюрократизации государственных структур; росту коррупции в государственном аппарате.

Консерватизм претерпел трансформацию в 70-80-е гг. XX в. Это был ответ на экономический кризис 1973-1974 гг. Его наиболее видными представителями в теории являются Д. Белл, М. Новак, Р. Арон; в политике – Р. Рейган, М. Тэтчер, Ж. Ширак [3].

В качестве мер, способных преодолеть кризисные явления неоконсерваторы предложили:

ограничение государственного вмешательства в рыночную экономику, развитие свободного предпринимательства;

сокращение социальных программ и сферы государственного социального обеспечения;

повышение авторитета законности и силы государства;

утверждение в политике принципов элитарной демократии;

повышение прямой ответственности граждан за собственное благополучие;

укрепление морали, семьи, религии.

Неоконсерватизм отразил глубинные общественные процессы. Возникла потребность экономики в ослаблении государственного регулирования и поощрении предпринимательской инициативы, в расширении действия рыночных начал. Он сумел органически соединить инновации с традиционными ценностями религии, семьи, закона, порядка. Тем самым неоконсерватизм обеспечил себе устойчивые позиции в современном обществе.

Политически неоконсерватизм представлен в виде трёх основных разновидностей политических партий. Наиболее влиятельные из них – партии либерально-консервативного толка (республиканцы в США, консерваторы в Великобритании). Эти партии выступают за тесное сочетание пропаганды и практики максимально консервативного общественно-политического уклада с приоритетами индивидуальной свободы и максимально независимой рыночной экономики.

Влиятельной разновидностью современных неоконсерваторов являются христианские демократы. Они придают особое значение сочетанию классических буржуазных принципов, прав и свобод с ценностями христианской морали и нравственности. Многочисленные партии современной христианской демократии объединены в рамках Христианско-демократического интернационала.

В связи с возрастанием в современном обществе роли знаний и информации, неоконсерватизм ориентируется главным образом на проблемы образования, культуры и качества жизни. Культура и духовность рассматриваются как базовые ценности для освоения новых технологий, сохранения природы. В обозримом будущем неоконсерватизм останется влиятельным идейно-политическим течением в странах Запада, возможно, в сочетании с либерально-социалистическими ценностями (права и свободы человека, демократия, социальная защита).

Влиятельным остается социал-демократическое движение. В настоящее время в мире насчитывается более 80 социал-демократических партий с количеством членов свыше 17 миллионов человек. Международной формой их организации является Социалистический интернационал. В него входят на правах полноправных или консультативных членов 68 партий, представляющих все континенты. 27 из них являются правящими или входят в коалиции.

Важную роль продолжают играть идеологические течения свойственные эпохе модерна. Дадим краткие определения некоторым из них:

национализм как идеология формулирует требования суверенитета

конкретного этноса, его право на самоопределение, защиту культурной самобытности вплоть до стремления к национальной замкнутости, недоверия к другим нациям, часто перерастающего в национальную вражду;

эколого–политические идеологии выступают в защиту среды обитания человека, улучшения экологии через воздействие на свои правительства и законодательные органы для принятия соответствующих законов и правительственных решений;

религиозные идеологии (христианско-демократические, католические, православные) – строят свои требования на основе религиозных постулатов и ценностей, содержащихся в священных писаниях;

правый экстремизм – объединяет различные идеологические течения и движения, нацеленные на замену парламентских демократий авторитарным фашистским или полуфашистским государственным порядком;

антиглобализм – политическое течение, направленное против определённых аспектов процесса глобализации в её современной форме, в частности против доминирования глобальных транснациональных корпораций и торгово-правительственных организаций, таких как Всемирная торговая организация (ВТО).

Таким образом, социальная динамика выработала модель трансформации традиционных для XXI в. идеологий. Цель этой трансформации заключается в сохранении влияния политических структур, сформировавших устойчивость послевоенной Европы. Эта трансформация актуальна для европейских государств [4]. Особенно она заметна на фоне растущей активности идеологий неонацизма. Благодаря традиционным политическим идеологиям сохраняется память о двух мировых войнах. Обновление политических элит в государствах Восточной Европы после распада СССР показало, что растут риски утери исторической памяти о событиях второй мировой войны.

Список использованной литературы:

1. Мельник В.А. Политические идеологии. – Минск: Вышэйшая школа, 2009. – 339 с.

2. Лойко, А.И. Концепт справедливости в структуре социальной этики: институциональный подход // Проблемы социальной справедливости и современный мир: Материалы VI Всероссийской (с междунар. участием) науч.-практ. конференции. – Череповец: ЧГУ, 2016. С. 40-44.

3. Современные идеологические концепции и доктрины / Л.Е. Земляков [и др.]; под ред. В.И. Малиновского. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2006. – 346 с.

4. Лойко Л.Е. Институты государственной идеологии и технологии воздействия на общественное сознание // Современные глобальные вызовы и Беларусь: институты, идеологии и стратегии социально-политического взаимодействия. Белорусская политология: многообразие в единстве: материалы VII междунар. науч.-практ. конф. (Гродно, 5-6 мая 2016 г.). В 2 ч. Ч. 2 / Ин-т филос. Нац. акад. Наук Беларуси, Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы; редкол.: В.Н. Ватыль (гл. ред.) [и др.]. – Гродно: ГрГУ, 2016. – 260 с. – С. 45-49.

МАСЛОВ ВАДИМ МИХАЙЛОВИЧ

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

СВОБОДА КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОСТИ/НЕУСТОЙЧИВОСТИ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Одной из характерных черт современной философской, мировоззренческой мысли является представление о перманентности изменений, развитие мира, отражающихся в форме количественных переходов в новое качество и неожиданных бифуркационных образованиях. Изменения и развитие всегда связаны с той или иной степенью неустойчивости и соответствующей неопределенностью. Своеобразие нашего времени в том, что неустойчивость и неопределенность указывается характерной чертой современной общественной жизни, открытой к значительным, даже катастрофическим изменениям. Последнее отражает теория глобальных проблем человечества, включающая как давно разрабатываемые проблемы (например, экологическая), так и сравнительно недавно поставленные (например, постчеловеческая [7]). Соответственно, проблему «неустойчивости современного мира» нужно видеть местом сборки самых актуальных, философских, жизненных проблем современности.

Серьезность, масштабность проблемы «неустойчивости современного мира» требует обращения ко всей истории развития человечества (в конечном счете, уже сам факт появления людей может закономерно вести к формированию ситуации «неустойчивости современного мира»). Но главное внимание следует уделить развитию западноевропейской культуры XV-XVIII вв., которое привело к появлению современного, модернистского общества, техногенной цивилизации, дальнейшие изменения которой напрямую ведут к проблеме «неустойчивости современного мира». Появление качественно новой формы социальной жизни предполагает качественное преобразование предшествующих материальных и духовных достижений и формирование новых, соответствующих феноменов, известным примером чего является создание новой, приносящей практическую пользу науки (Ф. Бэкон). Обоснованно считать, что глубина проникновения в проблематику «неустойчивости современного мира» во многом связана с глубиной проникновения в исходную проблематику основных проблем современного общества, техногенной цивилизации. Обозначенное этим направление анализа, несомненно, будет состоять из множества конкретных исследований. Предполагаем, что одним из важнейших среди них будет анализ феномена свободы, его роли в системе новоевропейской культуры и дальнейшей «неустойчивости современного мира».

Свобода – классическая философская тема и проблема [8]. Одним из известных аспектов свободы видится расширение поля возможностей для ее

реализации. В этом плане поступательная история развития человечества соотносится с историей развития свободы человека [3, с. 33-65]. Проблематика свободы качественно обновляется в ходе становления современного модернистского общества, техногенной цивилизации. Точкой отсчета для выведения обновленного и нового понимания свободы служит новоевропейская концепция общественного договора (на новом уровне осмысляющая встречающиеся в истории мысли родственные представления), согласно которой в начале человеческой истории было естественное состояние – где все были свободны и независимы друг от друга – и лишь потом люди объединились в государство на основе добровольно согласованного общественного договора. (Уточним, что для новоевропейских мыслителей теория естественного состояния и общественного договора выступали формой рационалистической абстракции, позволяющей исследовать проблемную ситуацию в чистом виде [см., 10, с. 48; 1, с. 129]).

Понятие/ситуация «естественного состояния» позволяет выйти на самое общее, широкое представление о «свободе»: каждый человек/личность может иметь свое представление о свободе. На уровне обыденной/народной культуры этот подход к свободе подтверждает В.И. Даль: «свобода – понятие относительное: она может относиться до простого, частного ограниченного, к известному делу относящемуся, или к известным степеням этого простора, и, наконец, к полному необузданному произволу или самодовольству» [5, с. 151]. На теоретическом уровне это утверждает, например, М. Штирнер: «Кто должен стать свободным? Ты, я, мы. От чего свободным? От всего, что не есть ты, я, мы. Я – то зерно, которое должно быть освобождено ото всех оболочек» [12, с. 152]. Именно, такое представление о свободе лежит в основе современного, модернистского общества, техногенной цивилизации.

Как известно, естественное состояние должно остаться в прошлом необходимостью перехода к жизни в гражданском состоянии, суть которого то или иное ограничение свободы в пользу возникающего государства. И здесь формируется основная проблема свободы в новом обществе – проблема согласования признаваемой абсолютности индивидуальной свободы с необходимостью ее ограничения со стороны такой же абсолютности всех других индивидуальных свобод. Ориентируясь на позитивное решение, индивидуальная свобода должна признать доказанную меру коллективных ограничений свободы. Другое дело, можно ли убедительно определить эту меру или степень и формы государственного, общественного ограничения свободы? Ситуация усложняется тем, что рассмотрение и разрешение данной проблемы основывается на диаметрально противоположных подходах. В одном случае, точкой отсчета остается индивидуальная свобода и определяемая этим максимизация «минимума государства» [2]. В другом случае, точкой отсчета является свободно принимаемое доказательное утверждение о том, что необходимо целенаправленное общественное, государственное воздействие на поддержание и расширение области индивидуальной свободы [9]. Указанное противопоставление между современным либертарианством и социальным либерализмом – суть одно из важнейших направлений влияния свободы на

ситуацию устойчивости/неустойчивости современного мира.

Острота указанной полемики между либертарианством и социальным либерализмом может значительно сглаживаться, когда речь заходит о сравнении западных, «открытых обществ» со всеми другими «закрытыми обществами». Примером этого можно взять известную работу Ф. Фукуямы «Конец истории» [11]. Говоря о всемирно-исторической победе западной культуры, Ф. Фукуяма не входит в детали тех или иных её внутренних различий/разногласий, но фиксирует главное – это победа западного либерализма как такового. Абсолютизация западного либерализма, отрицание самой возможности свободного индивидуального выбора национальных форм демократической жизни ведет к известным агрессивным следствиям («арабская весна»). Вполне можно считать, что подобные действия «представляют для стабильности в мире ... не меньшую опасность, чем исламские террористические движения» [4, с. 47]. Как бы то ни было, указанная разность оценок свободы – суть следующее направление влияния свободы на ситуацию устойчивости/неустойчивости современного мира.

Абсолютность новоевропейской свободы не в последнюю очередь связана с «проектом Бэкона», с представлением о том, что научно-техническое развитие сможет удовлетворить индивидуальную свободу. Вряд ли это возможно в реальной реальности. Но, в принципе, все это реализуемо в виртуальной реальности. С виртуальной реальностью связаны многие опасности [6]. Но если виртуальная реальность дает шанс реализации полной свободы без ущерба для других свобод, то это перспектива развития будет реализовываться, ставя соответствующие проблемы и вызывая известную критику, даже отторжение. Соответственно, здесь имеем следующее новейшее направление влияния свободы на ситуацию устойчивости/неустойчивости современного мира.

Список используемой литературы:

1. Алексеева Т.А. Современные политические теории. М.: РОССПЭН, 2000. 307 с.
2. Боуз Д. Либертарианство: История, принципы, политика. Челябинск: Cato Institute; Социум, 2004. 391 с.
3. Волохова Е.В., Несмеянов Е.Е., Руденко А.М. Философия свободы человека в современной культуре: монография. Новочеркасск: Лик, 2019. 272 с.
4. Гаджиев К.С. О переоценке идей и ценностей политической демократии // Власть. 2018. № 8. С. 42-53.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. IV. М.: Русский язык, 1982. 610 с.
6. Маслов В.М. Виртуальная реальность: основы, постчеловеческие перспективы и критика: монография. Нижний Новгород: НГТУ, 2009. 180 с.
7. Маслов В.М. Высокие технологии и феномен постчеловеческого в современном обществе: монография. Нижний Новгород: НГТУ, 2014. 130 с.
8. Межуев В.М. Философия как самосознание свободы // Научные труды

Московского гуманитарного университета. 2018. № 2. С. 5-20.

9. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: НГУ, 1995. 532 с.

10. Соколов В.В. Бытие, познание, человек и общество в философской доктрине Томаса Гоббса // Гоббс Т. Соч. в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 3-65.

11. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134-148.

12. Штирнер М. Единственный и его собственность. Харьков: Основа, 1994. 560 с.

НАГОРНОВ ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Балахнинский филиал, г. Балахна, Российская федерация

АКТИВИСТСКИЙ ИСТОЧНИК РЕЛИГИИ КАК ФАКТОР НЕУСТОЙЧИВОЙ КАРТИНЫ МИРА

В последнее время во время праздничных обращений высшие иерархи церкви все чаще призывают к любви, миру, прекращению военных конфликтов, *примирению сторон*, к созданию устойчивого будущего мира, как на Украине, так и в других регионах. Обличаются радикальные фундаменталистские и еретические учения. В своем ежегодном рождественском обращении патриарх Кирилл заявил: «Принадлежа Церкви, мы призваны к преодолению нестроений, противостояний и конфликтов, к уврачеванию расколов, к помощи тем, кто переживает ужасы войны, страдает от притеснений и несправедливости» [5]. Но всегда ли христианство было такой кроткой миролюбивой религией? Не было ли в его истории темных пятен, которые активно критикуются им в других религиозных течениях? Не было ли и христианство религиозной *сектой*, активно заявляющей о себе в рамках старой сложившейся культуры?

Обратимся к первым векам христианства: к мнению христианских апологетов, к христианским практикам и к первым критикам христианства. Это время демонстрирует подлинную сущность новоявленной религии. Уже первые христианские апологеты отнюдь не исходят из идеи умиротворенности и незыблемого покоя современной официальной позиции церкви, но – из идеи силового доминирования и неприятия другой точки зрения, из идеи мирового переустройства. Так Арнобий (III-IV в.) проводит четкое различие между христианским богом «высших сил» и языческими «ложными богами»: «...вы язычники – Е.Н.) распространяете пустые и ложные сведения о ваших богах; ибо не бог какой-либо, спустившийся с неба, написал собственными руками ваши писания» [1, с. 159]. Обращаясь к язычникам, Арнобий негодует: «Вы чтите изображения людей как божественные силы, и вам не стыдно придавать им вид земного существа...» [1, с. 230]. По мнению Арнобия, языческие боги – всего лишь идолы, сделанные ремесленниками из «презренной материи». Они «были обожжены в гончарных печах, получившись посредством наковален и молотов» [1, с. 322]. Поэтому: «Не безумие ли – признавать богом то, что ты сам сделал, с трепетом молиться перед своим произведением» [1, с. 322]. У Арнобия мы видим пока только моральное негодование по поводу нежелания язычников принимать христианского бога. Но вскоре христиане перейдут и к чисто силовому решению вопроса, к физическому устранению своих идейных оппонентов. Зерна этого отношения мы находим и у Арнобия, приравнивавшего всех нехристиан к животным, т.е. – к *нелюдям*. Современный философ техники Ж. Симондон отмечает: «Чтобы умалить роль разума, этой способности, воспетой древними мыслителями, апологеты заявляли, что от животных отличается лишь христианин, остальные же люди от них не

отличаются» [6, с. 95]. Такова этическая доктрина христианства. Отсюда уже шаг до силового устранения иной точки зрения. Так начинается «суровая и жестокая борьба христиан» со всем миром, о которой говорят античные критики христианства. Согласно критику Цельсу (II в.), эта борьба у христиан иногда идет не только с миром, но и между собой: «Вначале их (т.е. христиан) было немного, и у них было одномыслие. А размножившись, они распадаются тот час же и раскалываются, каждый хочет иметь свою собственную фракцию... Снова расходясь между собою, они изобличают, опровергают друг друга. Единственное, так сказать общее, что у них еще есть, если оно вообще есть, это – название. Это единственное они стесняются отбросить; а все остальное у них по-разному» [4, с. 187]. Об этой стороне христианства официальная церковь не любит вспоминать.

Отдельного внимания заслуживают церковные ереси. Церковник Опат (IV в.) описывает районы империи, где действовали циркумцеллионы, бродячие монахи-донатисты: «А когда такого рода люди до объединения бродили по отдельным местам, когда сами безумцы провозгласили «вождями святых» Аксидона и Фазира, никто не мог чувствовать себя в безопасности в своих владениях... Всех терроризировали письма тех, кто себя гордо называл «вождями святых», а если кто медлил исполнить их приказание, внезапно налетала безумная толпа и надвигающийся террор окружал кредиторов опасностями. В результате те, которых следовало просить о снисхождении, в смертельном страхе сами должны были униженно просить» [4, с. 221]. «Также и дороги не могли быть вполне безопасны, так как господ выбрасывали из экипажей и они должны были бежать впереди своих рабов, усевшихся на места господ. По их решению и приказу рабы и господа менялись положениями» [4, с. 221]. Как это далеко от современных взглядов церковных властителей, ратующих за мир и прекращение военных конфликтов. Эта насильственная сторона христианства полностью замалчивается.

В плане непримиримости раннехристианской идеологии, ее четкого различия с другими мировоззрениями интересны замечания Цельса: «Христиане подобны червям, которые стали бы говорить, что, мол, есть бог, а затем следуем мы, рожденные богом, подобные во всем богу, нам все подчинено – земля, вода, воздух и звезды, все существует ради нас, все поставлено на службу нам» [4, с. 364]. Все говорит о становлении христианства в качестве «деспотической машины» (Делез). Цельс констатирует: «Христиане до смерти готовы защищать свое учение и грозят небесными карами своим противникам» [4, с. 327]. И пускай они кажутся другому христианскому критику II в. – Цецилию «жалкой, запрещенной, отчаянной сектой» [4, с. 341]. Их время еще придет. А пока что «они презирают древние храмы, плюют на богов, смеются над святынями» [4, с. 341]. Скоро эти «жалкие» люди, эти *браконьеры* античного мира радикально изменят всю его культуру, которая отказывала им в будущем. Именно они будут разрушать великолепные античные храмы, разбивать драгоценные статуи античных богов. Именно они зверски убьют женщину-философа Ипатию. Это пусть «последний римлянин», защитник язычества Симмах утверждает: «Ведь у каждого свой обычай, свои

обряды. Божественная мысль дала различным городам различных богов-покровителей» [4, с. 454]. У христиан – один обычай, и один всемогущий совершенный бог, и горе тому, кто этого не разделяет. Как отмечал апологет христианства Руфин Аквилейский, воспевая разрушение христианами в 391 г. Серапейона: «Кирпич за кирпичом, здание разбирается праведниками так во имя Господа нашего Бога: колонны разбиты, стены повалены. Золото, ткани и драгоценный мрамор удаляются из нечестивых камней, пропитанных дьяволом... Храм, его жрецы и нечестивые грешники теперь побеждены и низвергнуты в адское пламя, так как тщеславное суеверие (язычество) и древний демон Серапис окончательно уничтожены» [3]. Разве не такой логикой руководствовались в XX в. талибы, взрывая статуи Будды в провинции Бамиан, входящие во всемирное наследие ЮНЕСКО? Так ли уж разнятся мелкие боевые группы бродячих парабаланов и отряды современных радикальных фундаменталистов? И там и там – активистская идея переделки мира, тотального неприятия диалога, жажда полного искоренения любого инакомыслия. Говоря о роли народных масс в Октябрьской революции, российский социолог А.С. Ахиезер утверждал: «В борьбе за уравнительность силы синкретизма могут использовать косу манихейства, чтобы срезать все, что лежит выше приемлемого уровня разнообразия» [2, с. 364]. Это вполне относится и к раннему христианству. Итогом такого «миролюбивого» христианского отношения к миру стал императорский указ 423 г.: «Мы специально повелеваем, чтобы лица, которые являются настоящими христианами, или те, кто заявляет, что является таковым, чтобы они не оскорбляли авторитет религии и не смели налагать руки насильственным образом на иудеев и язычников, которые живут спокойно и не пытаются ничего привести в беспорядок или сделать беззаконие» [3].

Принимая официальный взгляд на христианскую религию, мы упускаем изначальный активистский исток христианства, как новой «совершенной религии», стремящейся к доминированию, к чисто технологическому превосходству. Факты противоречат идиллической пасторальной миролюбивой картине высших клерикалов. Здесь затушевывается, субстанциализируется неустойчивая сущность совершенной религии.

Список использованной литературы:

1. Арнобий. Против язычников. Спб., 2008.
2. Ахиезер А.С. Россия: Критика исторического опыта: В 2 т. Т. 1. Новосибирск: «Сибирский хронограф», 1997.
3. Гипатия [Электронный ресурс]. – URL: <http://ru.m.wikipedia.org.ru> (дата обращения: 28.02.20).
4. Ранович А.Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. М., 1990.
5. Рождественское послание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла [Электронный ресурс]. – URL: <http://patriarchia.ru> (дата обращения: 28.02.20).

6. Симондон Ж. Два урока о животном и человеке. М., 2016.

ПЕТЕВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ

Владимирский государственный университет «имени А. Г. и Н. Г. Столетовых», г. Владимир, Российская Федерация

ЭФФЕКТ «ПРИЕМЛЕМОГО УРОВНЯ ПРОТЕСТА» КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО БАЛАНСА

Протест как борьба против чего-либо или за что-либо становится особенно острым в критической ситуации, в которой оказывается, как отдельный индивид, так и социум в целом. Он предполагает тенденцию динамики и изменения состояния к наилучшему, или, по крайней мере, таковым мыслится. Стоит указать, что борьба, инициированная желанием позитивных изменений, предполагает свою реализацию не только в сфере материального, но и духовного, нравственного, культурного и т.д. Например, Бердяев Н.А. указывал, что когда свобода не встречает сопротивления, то она начинает разлагаться [2, с. 70]. Ницше Ф. видел сильного индивида лишь в рамках постоянной борьбы и сопротивления [4, с. 100-101]. Подобные идеи мы наблюдаем и в экзистенциализме, например, у Сартра Ж.-П. или Камю А. Стоит отличать бунт от протеста. Последнее есть скорее рационализированная и социально допустимая в большинстве случаев форма волеизъявления. Если бунт может быть иррациональным, бессмысленным и бессодержательным, то протест, как правило, является конкретной манифестацией. Протест – это окультуренный и цивилизованный бунт, допустимый для того или иного общества и политического строя. Хотя существуют и деструктивные формы протеста.

Эффект «приемлемого уровня протеста» – это феномен современного общества, который представляет собой особый инструментальный или механизм, необходимый для того, чтобы регулировать уровень протестных настроений. Данный эффект предполагает освещение проблемной темы, но не с целью её разрешения, а для сокрытия истинного положения вещей. Интенсивное популяризаторство вопроса создаёт видимость его решения. Можно выделить три основные черты эффекта «приемлемого уровня протеста». Первая выражается в особой яркости репрезентации, которая скрадывает внутреннее содержание проблемы. Вторая – резонанс протестов должен быть таким, дабы не повредить структуру и целостность социума, то есть исключить практически любую динамику, в том числе и позитивную. Третья – излишняя активность, цель которой вызвать интенсивное «перегорание» и уйти от острой темы без конструктивных результатов. Таким образом, инициируется статус-кво проблемы, драпируемый в оболочку разрешённого вопроса, так как для современного социума существует представление тождественности всестороннего обсуждения и решения сложных ситуаций.

Парадокс протеста как явления заключается в том, что он может быть полезен, если безопасен. Устойчивость социальной структуры можно достичь методом занятости особенно социально активных индивидов. Для инициирования необходимо либо искусственно создать объект, против которого они будут протестовать, тем самым отвлекая их от действительно острых вопросов, либо придать какой-либо второстепенной и незначительной проблеме гиперболическую форму, дабы приковать внимание активных индивидов. Оба этих явления могут быть объединены в единое в какой-либо конкретной форме протеста.

Существует тип личностей, имеющих протестный характер, который проявляется в борьбе за социальные блага и успех. Современные условия выдвигают определённые требования к индивиду, в частности связанные с понятием социального успеха, но не обеспечивают возможностями его достижения [3, с. 32]. В таких случаях этим типом личности легитимные средства достижения благ отвергаются как не эффективные, и принимаются незаконные, но более эффективные [3, с. 36-37]. Подобный тип очень опасен для устойчивости системы, потому что его целью является новый порядок, которым может являться хаос. Подобный мятежный характер не обязательно подавлять, ибо это может быть опасным. Его достаточно перенаправить. Необходимо предоставить то, против чего эти мятежные тенденции будут направлены. Например, интегрировать искусственные ценности и сформировать высокую степень их важности, хотя в действительности их потеря будет не существенной, либо она вообще не возможна априори (невозможно потерять то, чего нет в действительности).

Стоит указать, что современное общество и каждый индивид в нём воспитаны бунтарями как индивидуальными, изначально особенными единицами. Они воспитаны без какой-либо цели. Главное, чтобы было желание протестовать, а против чего именно – будет указано системой, организующей протест. Не каждый может найти то, ради чего он может действительно захотеть изменить настоящий порядок вещей. Ортега-и-Гассет Х. указывал, что если индивид не находит некое высшее начало (к чему он предназначен), то он получает его из чужих рук [5, с. 123]. Юнг К.Г. отмечал, что психология больших масс трансформируется в психологию толпы, а в ней человек имеет сильную степень внушаемости при отсутствии ответственности и страха [6, с. 265]. Подавление особо протестных и мятежных личностей силой не всегда является эффективным, так как может вызвать неконтролируемую реакцию, поэтому необходимы иные, более «мягкие» способы и «тонкие» инструменты. Искусственно сформулированные цели могут быть созданы, например, для того, чтобы снять ответственность с одного и перенести её на другого, или вызвать чувство resentment и направить ненависть на определенный объект, или создать заикленность динамичной энергии на чём-то, возможно даже на эфемерном и бессодержательном, с целью истощения протестных сил. Возможно также замкнуть протестную динамику на самом протесте, чтобы началось её вырождение, и тем самым обескровить и истощить протест.

Современный протест, отличающийся яркостью объекта, на который он

направлен, не анализируется современным индивидом. Барт Р. анализируя фото-шоки, фотографии, содержащие ужасные кадры, указывал, что они сделаны так, что не задевают нас, лишают возможности суждения, оставляя лишь умственное согласие [1, с. 171]. Часто объекты протеста, которые подробно освещены и даны индивиду, обретают подобный же ясный характер, не давая возможности критического анализа. Это вызывает пассивность индивида, так как лишает его мнения, оставляя лишь согласие или несогласие, а потому протест обезличивается, то есть перестаёт носить индивидуальный характер, а, следовательно, и личностную важность, и актуальность. Сам этот акт теряет цель и подвергается векторной дисперсии. Ортега-и-Гассет Х. отмечал, что, когда общество распадается на враждебные группировки, их мнения взаимно парализуются, что ведёт к негативным социальным тенденциям [5, с. 137]. Для феномена безопасной формы протеста подобная разобщённость играет положительную роль, так как, несмотря на то, что существует множество разобщённых групп, они остаются едины в массе по причине пассивности. Подобное положение вещей, в современном мире массового сознания и гипертрофированного пустого индивидуализма, пресекает революционные тенденции, делая протест лишь процессом социальной разрядки, гашением динамических импульсов.

Многие формы современного протеста являются средством камуфляжа, скрывающие действительные проблемы и острые стороны социальной жизни, таким образом, не подвергая порядок вещей изменению. Барт Р. указывал на особенный феномен, называемый «прививка от правды», целью которого является: явить свету малое зло, дабы скрыть большее [1, с. 131]. Для современных форм протестов характерна подобная методология скрадывания сути, зачастую заменяющая её иллюзорными образами. Интересно, что понятие порядка часто настолько деформируется, становясь костным и пустым, что беспорядок приобретает статус нормальности. Но в рамках «приемлемого уровня протеста» подобный хаос становится лишь утверждением имеющегося порядка. Многие протестуют только ради того, чтобы протестовать, но это не динамика, а лишь топтание на месте. Вызываемый хаос в действительности контролируем.

У современного индивида слишком много «правды», переизбыток разнородной и противоречивой информации. Иногда не нужно информационного «голодания», дабы погасить динамику протеста. Эффективней создать какофонию из массы информации, чтобы дезориентировать человека, а затем направить его по необходимому вектору. Стоит указать, что современное противостояние стереотипам приобретает реверсивный утверждающий характер. Со временем протест против них становится таким же навязанным стереотипом, цель которого утвердить то, против чего протестуют. Если остро протестуют против чего-то, то оно есть норма, истинно и необходимо. Такая логика интегрируется в сознание масс. Для «приемлемого уровня протеста» является полезным количественный аспект острых проблем. Множество проблем и протестов создаёт видимость динамического развития от проблемы к решению, от принятия её к дальнейшим

действиям, то есть, как бы утверждается тенденция изменения положения вещей. Однако, как протестов, так и проблем так много, что они утопают в собственном количестве и теряют свою энергию. Это одновременно характеризуется снижением эскалационных сил протеста и создаёт иллюзию динамики, таким образом, сохраняя баланс устоявшейся системы. Одним из типов безопасного протеста является «импортированный протест», который имеет две формы. Первая, направленная не внутрь собственного общества, а на другие, служащая спекулятивным и пропагандистским целям. Суть её показать особую свободу иного общества. Вторая – направлена на формирование представления о том, что положение вещей в ином месте плачевнее и деструктивнее, чем в том, где находится тот, на кого действуют положения этого протеста. В частности, последнее необходимо дабы продемонстрировать бесплодность протестов и их бесосновательность. Обе эти формы не имеют эволюционной динамики и используются для корректировки внутреннего баланса сообщества.

В заключение стоит указать, что в современном мире протест часто носит лишь характер PR-акции в борьбе популяризаторов за место в топ тренде и т.д., не имея ничего общего с действительными намерениями изменить положение вещей. В целом, цивилизационная глобальная педагогика использует протест, подобно многим другим средствам, как для того, чтобы воспитать соответственного ей индивида, так и для утверждения социальной и политической устойчивости, так как неустойчивость – это всё, что вне этого воспитания.

Список используемой литературы:

1. Барт Р. Мифологии / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. М.: Академический проект, 2014. 351 с.
2. Бердяев Н.А. Истина и откровение. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1996. URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1947_043_00.html (дата обращения – 05.03.2020)
3. Мертон Р. Вызов демона антисоциального поведения // Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». М.: Алгоритм, 2009. С. 23-40
4. Ницше Ф. Падение кумиров: Избранное. СПб.: Лениздат, 2014. 224 с.
5. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / пер. с исп. А. Гелескула. М.: АСТ, 2018. 256 с.
6. Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов / пер. с англ. А.А. Юдиной. М.: Port-Royal, 1997. 384 с.

ПЕТРОВ ВАДИМ ПЕТРОВИЧ

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

СФЕРНО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ЗАКОНОМЕРНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Всем материальным системам свойственно движение: от элементарных частиц до макрокосмических объектов, от молекул до планетарного социума. Мир постоянно обновляется, представляя единство в разнообразии. Все объекты в нём находятся в развитии, взаимодействии, изменении. Порядок связи в них объективен и соответствует абио-, био- и социосущности материальных образований. Социальный уровень материи характеризуется целесообразным порядком связи, обусловленной человеческой деятельностью. Деятельность – способ существования, целесообразное взаимодействие людей с окружающим миром. Энергия деятельности направлена на достижение результатов, удовлетворяющих потребности человека. Люди взаимодействуют по двум каналам – социальному и общественному. Социальный канал служит персонифицированному взаимодействию индивидов, социальных групп. Общественный канал служит институциональному взаимодействию людей по сферам общественной жизни, т.е. её системообразующим институтам.

Анализ устойчивости и неустойчивости процессов и явлений социального мира предполагает диалектический подход, выявление причинно-следственных связей присущих ему. Показательна в этом плане сферная концепция общественной жизни, которая характеризует характер и специфику присущих ей связей. На её основе происходит становление науки сферологии, которая возьмёт на себя теоретико-методологическое обновление парадигмы общественной жизни, доктринальную разработку программ и механизмов её совершенствования на принципе функциональной взаимосвязи и гармоничного развития сфер (институтов) общественной жизни, нарушение которого приводит не только к коллапсу системы жизни общества, так и к коллапсу общественной системы. В новейшей истории этому есть пример – Советский Союз, коллапс которого был предрежён не столько внешними факторами, сколько внутренними, важнейшим из которых было пренебрежение к функциональной взаимосвязи сфер – институтов общественной жизни, их гармоничного развития. Отдельные институты (сферы) были политическим руководством недооценены, а другие переоценены, что способствовало нарушению системы функциональных связей общественной жизни. Опыт российской новейшей истории показателен, его стоит учитывать другим государствам и объединениям, имеющим как глобальное значение (США, Евросоюз), так и региональное (Украина, Грузия, Молдавия).

Сферы общественной жизни – объективно (исторически) сложившиеся институты, детерминированные базовой, то есть основополагающей для жизни общества деятельностью: экономической, управленческой, научной, педагогической, художественной (искусство), медицинской, физкультурной,

экологической, оборонной, общественной безопасности, которая отвечает его потребностям и потенциалу. На основе этих видов базовой деятельности возникла система отношений, обусловивших становление институтов/сфер жизни общества.

Проблема сферного построения общественной жизни не нова, но предметно не решалась научными школами. Стоит вспомнить труды Римского клуба, Института системных исследований в Вене, которые занимались важными практическими вопросами жизни общества, но фундаментальных работ отмеченного плана не было, а сферная теория общественной жизни относится именно к таким разработкам. В структуру сфер общественной жизни входят десять системообразующих институтов жизни общества – институты экономики, экологии, управления, науки, педагогики, искусства, медицины, физической культуры, обороны, общественной безопасности.

Само понятие «сфера» имеет естественнонаучное происхождение. Одним из первых теоретиков, кто применил термин *сфера* в других областях знания, был французский мыслитель Э. Леруа. В научный оборот им было введено понятие *ноосфера*, который впоследствии использовал его соотечественник Т. де Шарден. Использовал его российский учёный В. И. Вернадский, а также немецкий мыслитель П. Слотердаик. В общественных науках термин *сфера* закрепился в XX в. В советский период это относится ко второй его половине. В это время в теоретическом обороте применялось понятие сфер общества, которое базировалось на марксистских суждениях об экономических, политических, социальных и духовных доминантах бытия. В Предисловии к «Критике политической экономии» К. Маркс отмечал, что «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» [2, с. 7]. Это положение явилось идейной основой советской трактовки четырёх сфер общества – экономической, социальной, политической и духовной. Теоретические разработки сфер общественной жизни осуществлены нижегородским философом Л. А. Зеленовым и питерским учёным А.И. Субетто. Зеленов сферы жизни общества обосновывает родовой деятельностью [1, с.169-170]. У Субетто в построении общественной жизни главенствует ноосферный подход [4, 644 с.].

Сфера, в том числе сфера общественной жизни, должна предполагать некую завершённость предмета оценки, целостность его компонентов, при этом компоненты сферы должны быть идентичны самой сфере, уподоблены ей. Становление сфер/институтов жизни общества обусловлено пространственно-временными факторами, детерминировано базовой деятельностью, необходимой для жизни всего общества, то есть основополагающей. Посредством этой деятельности сложилась система отношений, отражающих специфику каждого института/сферы общественной жизни. *Экономической сфере/институту общественной жизни* свойственны отношения, обусловленные деятельностью по производству, распределению, обмену и потреблению товаров и оказанию услуг; для *управленческой сферы/института общественной жизни* характерны отношения субординации и координации субъектов взаимодействия, принимающих и исполняющих решения;

сфере/институту экологической жизни общества присущи отношения сложившиеся в результате деятельности по сохранению природной среды, её восстановлению, воспроизводству животных и растительных форм жизни, осуществлению селекционной деятельности, препятствию проявлениям стихийных природных факторов; в *педагогической сфере/институте общественной жизни* сложились отношения отражающие специфику педагогической деятельности по формированию знаний, умений, установок (образование, обучение, воспитание); *научной сфере/институту жизни общества* свойственны отношения обусловленные деятельностью по осуществлению научных исследований в различных областях естество-, техно-, общество- и гуманитарного знания; *сфере/институту искусства* свойственны отношения эстетического уровня, отражающие в художественной форме взгляды творцов на суть вещей и оценку художественных творений обществом; в *медицинской сфере/институте общественной жизни* развиваются отношения обусловленные медицинской деятельностью, включающей диагностику, профилактику, лечение и реабилитацию людей; *сфере/институту физической культуры жизни общества* присущи отношения обусловленные деятельностью по формированию физически совершенного человека; в *сфере/институте обороны* развиваются отношения обусловленные выполнением специфических задач Вооружёнными Силами и структурами оборонно-промышленного комплекса; в *сфере/институте общественной безопасности* в результате деятельности по защите прав и свобод человека, обеспечению правопорядка, предотвращению и ликвидации террористических угроз, криминальных проявлений сложилась система правозащитных и правоприменительных отношений [3, с. 319-322, 358-359]. Функциональная связь между компонентами системы сфер общественной жизни, их гармоничное развитие являются условием её устойчивости, целостности и способности к саморазвитию. Сферная система общественной жизни – пространственно-временное явление, соответствующее условиям бытия, потенциалу общества, развитие которого связано с новыми видами и отраслями деятельности. Это относится к космонавтике, которая является профессиональным видом деятельности и должна стать базовой для его жизни. Общество уже не может довольствоваться решением только внутренних (земных) проблем существования, ему необходим космос. Первый этап этого движения охватывает ближний космос, второй акцентирован на дальний. Становление новой сферы космической жизни общества закономерно и механизм этого процесса работает. Нарушение взаимосвязи, гармоничного развития сфер/институтов общественной жизни приводит к её неустойчивости и трансформации системы жизни общества.

Список использованной литературы:

1. Зеленов Л.А. Собрание сочинений в 4 т. Философия. Т. 1. Н. Новгород: Гладких О.В., 2006. Т. 1.
2. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие / Маркс К.,

Энгельс Ф. Соч. Т.13.

3. Петров В.П. Философия. Курс лекций : учеб для вузов. 2-е изд. испр. и доп. М.: Издательство ВЛАДОС, 2018.

4. Субетто А.И. Сочинения. Ноосферизм. Том первый. Введение в ноосферизм. Ноосферизм: движение или новая научно-мировоззренческая система? Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006.

ПИЛЯК СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Департамент культуры Костромской области, г. Кострома, Российская Федерация

СПЕЦИФИКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАК ФИЛОСОФСКОЙ КАТЕГОРИИ

Интерпретация культурных ценностей и культурного наследия является одной из наиболее распространенных видов их освоения и творческого осмысления. Базовый для сферы отечественной культуры Федеральный закон [1], используя термин «интерпретация», тем не менее, не дает его толкования. Согласно закону, творческий работник - физическое лицо, которое создает или интерпретирует культурные ценности, при этом понятие «культурная деятельность» излагается как деятельность по сохранению, созданию, распространению и освоению культурных ценностей. Таким образом, понятие «интерпретация» остается размытым среди смежных процессов, не получая особого упоминания. В сфере сохранения культурного наследия интерпретация коренным образом отличается от освоения и создания прямой связью с публикацией, которая без интерпретации практически неосуществима. Вопросы интерпретации традиционно являются одним из центральных в системе философского познания. В некоторых источниках даже возможно встретить упоминания о том, что проблемы восприятия считаются ключевыми, поскольку играют роль средства решения всего круга философских проблем [3, с. 3]. Познание как совокупность процессов, процедур и методов приобретения знаний о явлениях и закономерностях объективного мира, свойственно всем людям. Познание осуществляется в последовательном получении, обработке, оформлении информации, в том числе в виде понятий, суждений и умозаключений. С учетом этого влияния и человеческой психологии, на протяжении веков регулярно предпринимаются попытки корректировки понимания сущности вещей. Управление интерпретацией, а, следовательно, и ее изучение, обладает вполне понятным практическим смыслом и ценностью. В этом случае понимание можно заключить в уразумении объективного для конкретного социума смысла. Человек как высокоразвитое существо «столь уверен в своих возможностях познания, что может позволить себе, широко пользуясь воображением, далеко отойти от действительности и даже специально «исказить» ее, применяя различного рода фикции, с тем чтобы в

конечном счете получить новый достоверный результат» [4, с. 16].

В настоящее время, с учетом массового расширения источников и объема информации, интерпретация любой информации становится не только инструментом расширения наполнения информационного поля, но и инструментом управления огромной аудиторией людей, подключенных к всемирному информационному полю. «На наших глазах меняется значение слов, их смысл, выражая стремительный бег времени» [5, с. 31]. В данном контексте особое значение приобретает и тезис П. Рикёра о правоте по-своему каждого философа, поскольку однозначно не прав никто. Авторский смысл способен утратить собственное значение. Взамен авторского мнения продуцируется множество новых смыслов, связанных лишь с интерпретаторами. Текст становится лишь «спусковым крючком» для активизации собственного духовного мира лица, воспринимающего текст [2].

Восприятие представляет особое, чувственное познание предметов окружающего мира. Восприятие, таким образом, является значительной философской категорией, и, вместе с тем, существует в качестве одного из этапов познания. Особую роль процессы восприятия играют именно в гуманитарном знании. Отражение действительности является одним из множества инструментов познания, использование иных средств, способных дать кардинально иные результаты, становится все более распространенной практикой. Наиболее распространенными среди них являются репрезентация, конвенция, и, собственно, интерпретация.

Понятие интерпретации как истолкования произведения с целью понимания его смысла, в свою очередь, является составной частью восприятия, при этом именно интерпретация формирует восприятие человека, и, в конечном счете, играет определенную роль в познании. Именно определяющая роль интерпретации, зависимость от нее крупных философских категорий, делает интерпретацию столь важным объектом исследования. На современном этапе очевидно сложение новой проблематики восприятия и познания.

Восприятие - процесс, требующий человеческого сознания. Как отмечает Л. Микешина, «все более осознается, что там, где человек присутствует, он всегда значим и не может быть выведен на скобки без последствий для видения и понимания самого процесса или события» [4, с. 12]. При изучении восприятия исследуются тонкие материи человеческого сознания, и, анализируя восприятие, мы с каждым шагом приближаемся к пониманию самого человека. Именно поэтому вопросам восприятия уделяется столь значительное внимание.

Различие между современностями автора и истолкователя – историческая дистанция, по мнению Гадамера, приобретает существенное значение для интерпретации. Философ определяет уровни понимания – горизонты автора и интерпретатора, обусловленные их предрассудками и «предсуждениями», сформированными традицией. Ведущим он заявляет принцип слияния горизонтов [2], при котором понимание достигает максимума. Для полноценной интерпретации различных произведений интерпретатор должен обладать известной гибкостью горизонта, позволяющей понять разных авторов. Принцип герменевтической автономии Гадамера заключается в объективной

самостоятельности текста в отношении любого субъекта.

Важнейшей категорией, меняющей познание культурного наследия, является время. Как отмечает Л. Микешина, «в традиционной гносеологии, следующей образцам и критериям классического естествознания, рассмотрение феноменов познания и создание соответствующих абстракций осуществлялись без учета времени» [4, с. 23]. При этом «изменение познания во времени – историчность – рассматривали за пределами собственно теории познания, преимущественно в истории науки, истории философии или в антропологических исследованиях» [4, с. 88-89]. В герменевтической методике мы встречаемся с различным пониманием времени: как дистанции между творцом и интерпретатором, как компонента традиции, и т.д.

Как известно, специфическим предметом гуманитарного познания являются смыслы, выраженные через семиотические системы – тексты. Тексты содержат как собственно слагаемые в них смыслы, так и субъективное авторское отражение этих смыслов. Культурные ценности, равно как и культурное наследие, также вкладывается в семиотические системы, но, при этом имеют ряд системных особенностей.

Во-первых, объекты культурного наследия подлежат анализу через несколько семиотических систем одновременно. Например, здание предлагает нам рассмотреть технологию строительства, особенности планировки, декора, историю реконструкций. Каждый из упомянутых факторов должен рассматриваться отдельно, с учетом собственной символики и контекста. Лишь полноценное исследование всех факторов позволит рассмотреть объект со всех сторон и глубоко интерпретировать его ценность.

Во-вторых, культурное наследие, как правило, создано в иную эпоху и отстоит от зрителя и интерпретатора на определенной временной дистанции. Обрастая «патиной времени», несущей собственное смысловое содержание, культурное наследие практически невозможно оценить исключительно с точки зрения нашего современника. Наслоение уровней формирования информации создает условия для внедрения особых инструментов интерпретации, характерных лишь для культурного наследия.

Следовательно, мы можем сделать очевидный вывод о наличии специфики интерпретации культурного наследия как философской категории, выраженной в свойстве темпоральности и семиотической полисистемности.

Список использованной литературы:

1. Закон от 9 октября 1992 года N 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре».

2. Гадамер, Г. Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Г. Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.

3. Герменевтика: история и современность (Критические очерки)/ коллектив авторов. – М. «Мысль», 1985. - 302 с.

4. Микешина, Л.А. Философия познания. Полемические главы. – М.: прогресс-Традиция, 2002 – 624 с.

5. Фогелер, Я. Г. История возникновения и этапы эволюции философской герменевтики // Герменевтика: история и современность (Критические очерки)/ коллектив авторов. – М. «Мысль», 1985. С. 11-38.

ПОДОЛЬ РУДОЛЬФ ЯНОВИЧ

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, г. Рязань,
Российская Федерация

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КАК ФАКТОР НЕУСТОЙЧИВОСТИ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Проблема изменчивости социальной реальности всегда была предметом философской рефлексии, но в наше время глобальные социокультурные трансформации все более определяют степень неустойчивости развития современного мира. Отсюда вытекает необходимость системного анализа этих процессов, что представляется возможным осуществить лишь в когнитивной парадигме социальной философии. При этом следует учитывать, что различные социальные теории всегда выражавшие те или иные мировоззренческие ориентации, всегда приносили определенный накал в научные дискуссии.

Уместно предположить, что не явится исключением и данная конференция, поставившая своей целью осмысление динамических процессов неустойчивости современного мира в мировоззренческой парадигме философии. Данный когнитивный ракурс предполагает необходимость уточнения этимологического содержания узлового понятия, вокруг которого может развернуться плодотворная дискуссия. И таким узловым понятием является категория «современный мир».

Важно подчеркнуть, прежде чем приступить к анализу социокультурных трансформаций, определяющих кардинальные изменения современного мира, следует определить его характерные признаки. Надо признать, что этимологические границы этой категории весьма неопределенны. Так, в ее широком понимании в мировоззренческой парадигме философии космизма границы современного мира соотносятся с параметрами Вселенной.

С учетом этимологической широты данного понятия вполне уместно сосредоточить свое внимание на более конкретном его восприятии в ракурсе предмета «социальной реальности». Такой горизонт философского дискурса определяется тем, что радикальные социокультурные трансформации, охватившие современный глобальный мир, детерминируют неустойчивость развития социальной реальности, которая, в свою очередь, кардинально воздействует на все сферы общественной жизни.

В своей совокупности общественная жизнь воплощается в жизнедеятельности людей, связанных воедино в социальном пространстве и времени. Реальности современного социального мира таковы, что эти

жизнедеятельные связи людей становятся все более транспарантными и динамичными. Это может быть первой отправной точкой для анализа доминирующих факторов его неустойчивого развития. Анализ современной социальной реальности с учетом глобальных транспарантных общественных связей со всей очевидностью обнаруживает общую причину глобального кризиса в экономической, финансовой, экологической, демографической, культурологической и других сферах общественной жизни.

Нынешняя социальная реальность такова, что при всем этнокультурном многообразии глобальный мир в своем неустойчивом развитии обнаруживает единство точек бифуркации. Отсюда в русле социальной философии возникают многообразные альтернативные футурологические прогнозы в их оптимистических и алармистских проявлениях. Экстраполяция этих прогностических подходов на глобальную общественную жизнь в частности показывают, в какой мере безудержный, односторонний прорыв в технико-технологической сфере, оторванный от гуманистических ценностей, стал модератором потребительской культуры т.н. массового общества.

Односторонний технико-технологический прогресс, оторванный от традиционных гуманистических ценностей, стал модератором культуры т.н. «массового общества», глубоко исследованной в западноевропейской философии. Прогностическое название нашедшей работы О. Шпенглера «Закат Европы» является очевидной аллегорией, но в ее содержании присутствовал аксиологический прогноз о грядущем крушении традиционных моральных универсалий культуры. Потребительские запросы «массовой культуры» своим креативным источником имеет рецептивную (потребительскую) активность людей, в основном ориентированную на достижение индивидуальных жизненных благ.

Культура традиционного общества несла в себе все признаки национальной идентичности, благодаря чему формировались особые ментальные установки человеческого сознания. Глобальное кросскультурное пространство, выйдя за рамки национальных особенностей, последовательно нивелирует уникальную национальную многогранность единого глобального сообщества. Его техническим порождением стали соответствующие глобальные информационные сети- эти современные ловцы человеческих душ. В прежние исторические эпохи духовный мир человека формировали классические формы просвещения: религия, искусство, литература, образование, которые в своей совокупности формировали у человека устремленность к общественному Благу как социальному идеалу.

Сегодня именно глобальные информационные сети доминируют в сфере духовного воздействия на личность и общество, за относительно короткий исторический период они стали эффективным инструментом виртуализации человеческого сознания. Таким образом, эскапизм как «бегство» глобального сообщества от универсалий классической культуры предопределило социологический тренд безудержного погружения современного человека в иной, а именно виртуальный мир. В свою очередь, нарастание процесса виртуализации сознания по-новому высвечивает прогностическую значимость

социально-философского знания.

При этом следует учитывать, что безудержный научно-технический прогресс оборачивается культивированием новой антропологической природы человека, именуемой в некоторых социальных исследованиях как «*Homo technogenus*». Думается, что это не просто игра слов, негативные последствия глобальных техногенных катаклизмов активизируют разного рода алармистские социологические концепции будущего человека и человечества. Нет надобности ссылаться на нашумевшие идеи «постчеловека» и «конца истории». Подтверждается давнее утверждение антропологов, что человек не является венцом природной эволюции, но он всегда остается её незавершенным интеллектуальным проектом. Биологическая пластичность человека давно уже досконально изучена и учитывается традиционной педагогикой, воспринимающей человека как объект образовательного воздействия. Но в наше время для человека открывается совершенно новая заманчивая реальность – виртуальный мир, активно воздействующий на его сознание и психику. И этот мир пока ещё для антропологической науки является «*terra incognita*».

Виртуализация сознания своим деструктивным следствием имеет утрату личностью адекватного восприятия реального мира и социокультурных императивов общественной жизни. Точнее этот процесс можно назвать *геймеризацией* сознания, когда на смену «*Homo faber*» как активно действующему в объективном мире субъекту приходит «*Homo gamer*», человек всецело погруженный в виртуальную реальность. Эта реальность открывается для человека огромным массивом чувственных соблазнов, настолько заманчивым, что реальный мир утрачивает свою прежнюю аксиологическую значимость. Как противостоять нарастающему процессу геймеризации сознания, вопрос для социальной науки пока остается открытым.

Следует обратить внимание и еще на одну тенденцию, которая кардинально меняет традиционный экономический уклад общественной жизни. Здесь имеется ввиду безудержная роботофилия, предопределяющая, по свидетельству многих социологов, наступление т.н. «шестого уклада» в экономической сфере. Вся эволюция рода человеческого неразрывно связана с развитием его производительных сил и процесс избыточной роботизации общественно жизни грозит вытеснить человека из сферы общественного производства, всецело ограничив его производительный потенциал потребительскими интересами.

В завершении следует обозначить два вывода. Во-первых, научная продуктивность системного анализа современной социальной реальности во многом определяется необходимостью преодоления избыточной внутрипредметной демаркации гуманитарных наук и как следствия, их обособления от идеалов классической научной рациональности в парадигме философской рефлексии. Во-вторых, на нынешнем уровне самых заманчивых технико-технологических достижений, их прогностическая функция явно уступает учету грядущих гуманитарных последствий. Это объективно сказывается на динамическом процессе неустойчивости развития нынешней цивилизации.

**СОРОКИН РОМАН ВЛАДИМИРОВИЧ,
МАСЛОВ ВАДИМ МИХАЙЛОВИЧ**

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

**ПРОБЛЕМА ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОГО ЭТОСА НАУКИ
И УСТОЙЧИВОСТИ СОВРЕМЕННОГО МИРА**

Представления о том, что современное общество находится в ситуации нестабильности и неопределенности, весьма распространены. Неустойчивость современного мира прямо связана с развитием научного знания, ростом научно-технического влияния на общественную жизнь. Нельзя отрицать огромных благ, даруемых людям научно-техническим развитием. Но все более весомо проявляет себя и отрицательная сторона дальнейшего интенсивного развития науки и техники, позволяющая идентифицировать современное общество, как «общество риска» [1]. Анализ негативного вклада науки в ситуацию неустойчивости современного мира, и осмысление возможности ее участия в стабилизации будущего универсума, является актуальной философской задачей.

Необходимое в данной ситуации серьезное осмысление феномена науки должно происходить в русле всеобъемлющей и глубокой теории, потенциально содержащей весь необходимый теоретико-методологический материал для предстоящего исследования. Таковой является концепция развития форм научной рациональности [6; 5]. В контексте этой теории проблема соотношения науки с неустойчивостью современного мира и желаемой устойчивостью в будущем может определяться через ряд вопросов. Что в классической и неклассической научной рациональности прямо вело к современной неустойчивости мира, и что должно характеризовать постнеклассическую научную рациональность, чтобы она способствовала стабилизации? Уточняя данные вопросы, выходим на главное, на ценностную проблематику научной рациональности.

Активное обсуждение ценностной проблематики науки начинается с работ одного из родоначальников социологии науки, американского ученого Р. Мертона [4, с. 770-782]. В начале своих исследований Р. Мертон выделял четыре нормативных регулятива научной деятельности, рассматриваемых в органическом единстве. Так, исходя из императива *communism* (коммунизм, коллективизм), научный результат рассматривается как общий, коллективный результат, который сообщается всем другим ученым свободно и без предпочтений. *Universalism* (универсализм) предписывает ученому руководствоваться не личностными симпатиями и антипатиями, но общими внеличностными, объективными критериями, доказательствами. Требование *disinterestedness* (незаинтересованность, бескорыстие) означает, что главное в научной деятельности – достижение истины без изначальных предубеждений.

Organized skepticism (организованный скептицизм) подразумевает установку на максимальную самокритичность в оценке собственных результатов и общее исключение принятия результатов без критики. В последствии эти ценности стали отражаться акронимом CUDOS. В дальнейшем Р. Мертон уточнял и развивал свою теорию этоса науки. В частности, он открыл/ввел еще две универсальные нормы: humility (скромность) и originality (оригинальность) (CUDOS+HO). Очень значимой считается разработка американским социологом динамической концепции этоса науки. Предельной целью ученого является оригинальное открытие, которое оставляет ученого в памяти благодарных последователей и потомков. Стремление к этому, объективно помещает ученого в целую систему амбивалентных требований (например, узнавать как можно больше в своей области знаний, но помнить, что эрудиция вполне может тормозить творчество), которые во многом определяют профессиональную траекторию индивидуальной научной деятельности [8, с. 32-51]. Вряд ли можно отрицать историческую значимость концепции этоса науки Р. Мертона. Однако дальнейшее развитие мысли демонстрирует достаточно много открытых к критике положений в данной теории, что может привести к более точному определению этоса науки.

Весьма продуктивной оказывается позиция, согласно которой реальный этос науки характеризуется через прямое противопоставление нормам Р. Мертона. Согласно И. Митрофу, деятельность ученого диктуется не коллективизмом, а скупостью/мизеризмом (правом собственности на научные открытия), не универсализмом, а партикуляризмом (приоритетным вниманием к собственным или субъективно выбранным ученым и открытиям), не незаинтересованностью, а заинтересованностью, не организованным скептицизмом, а организованным догматизмом. С. Фуллер указывает на то, что реальная современная научная деятельность зависима и ориентируется не на коллективизм, а на мафиозизм/mafiosism (необходимость поддерживать хорошие отношения с влиятельными людьми в науке, контролирующими публикации и распространение научных результатов), не на универсализм, а на культурный империализм (доминирование англо-американских журналов), не на незаинтересованность, а на оппортунизм (отсутствие интереса к тому, как будут использованы результаты исследования), не на организованный скептицизм, а на коллективную безответственность (проведение научных исследований и публикация их результатов без учета возможных потрясений в обществе, религиозных и культурных традиций людей) [3, с. 35]. Определенное влияние на мертоновский вариант этоса науки могут оказывать новые реалии научно-технического развития [2]. В этих условиях этос науки Р. Мертона выглядит излишне идеалистическим.

Мы предлагаем соотнести проблематику этоса науки с формами развития научной рациональности в концепции В.С. Степина. Исходные универсальные ценности этоса науки Р. Мертона (CUDOS) – это сущностное выражение специфики классической и неклассической научной рациональности. Согласно этим ценностям, науку/ученых интересует только научная деятельность. Проблематика влияния, необходимости, опасности научного знания для

общества здесь никак не отражена. Явно или неявно, этим предполагается, что наука всегда несет людям благо (в крайнем случае, негативные следствия, связанные с применением научного знания, провоцируются независимыми от науки инстанциями, и соответственно, не нуждаются в специальном упоминании в этосе науки). Критическое исследование проблематики этоса науки начинает соотносить обуславливающие деятельность ученых ценности с реальной научной практикой в определенных социальных условиях общественного развития. Но делается это, как правило, в довольно узкой сфере очевидно коммерческой деятельности ученых. Соответственно, отражающие эту ситуацию теории, в целом, остаются в рамках классического и неклассического видения науки, хотя и делают шаги в направлении необходимости определить подобное положение дел источником нестабильности современного мира и ставить вопрос о новой, постнеклассической форме научной рациональности, ведущей к стабилизации современного мира.

Адекватная современному историческому вызову новая, постнеклассическая форма научной рациональности должна утвердить определяющей ценностью/целью своей деятельности благо общества. Данная ценность должна утверждаться со следующими разъяснениями. Появившаяся в XVII в. новая наука обещала человечеству счастье. Шаткость и неустойчивость современного мира говорит о том, что это обещание не выполнено. Возможно современная наука, ученые должны извиниться (а возможно и публично покаяться) за это. И, конечно, помнить (учитывая неустранимую колоссальную мощь науки), что главной целью науки является не истина, а истина, гарантированно ведущая к благу.

Неразрывная связь науки с благом – это первый, и, конечно, только первый шаг к желаемой стабильности современного мира. Предполагаем, что дальнейшая конкретная практика обретения устойчивости современного мира может происходить в контексте проведения гуманитарной экспертизы, совместного обсуждения сложных проблем учеными и широкой общественностью [7].

Список используемой литературы:

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. Москва: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
2. Войтов В.А., Мирский Э.М. Неожиданные социологические проблемы современного этапа научно-технического прогресса // *Общественные науки и современность*. 2012. № 2. С. 144-154.
3. Демина Н.В. Концепция этоса науки: Мертон и другие в поисках социальной геометрии норм // *Социологический журнал*. 2005. № 4. С. 5-47.
4. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. 873 с.
5. Сорокин Р.В. Постнеклассическая определенность и основы структурной организации «знания» // *Философская мысль*. 2019. № 6. С. 1-12.

DOI: 10.25136/2409-8728.2019.6.30310

URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30310.

6. Степин В.С. Философия и методология науки. М.: Академический Проект, 2015. 716 с.

7. Maslov V.M., Sosnina E.N., Erdili N.I., Khorunzhii V.P. Professional Activities in the Context of Educational Humanitarian Expertise // 18th PCSF - Professional Culture of the Specialist of the Future. 03-04 December 2018. Vol. XLX, pp. 398-406 // doi: <https://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2018.12.02.43>.

8. Merton R.K. Sociological ambivalence and other essays. N.Y.: Free Press, 1976. 287 p.

СТЕКЛОВА ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА

Саратовский государственный технический университет имени
Гагарина Ю.А., г. Саратов, Российская Федерация

КОММУНИКАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ КОНФЛИКТА

Современный мир расширяет и формирует коммуникационное пространство, характеризующееся ситуациями риска и постоянными процессами трансформации. Необходимость философского исследования коммуникации объясняется тем, что применение и использование коммуникационных моделей предоставляют возможность создавать в условиях неустойчивости современного мира механизмы взаимодействия различных социальных групп с учетом национальных интересов. Коммуникация – это процесс, в информационном пространстве которого возникает особая общность, которая показывает взаимопроникновение людей в мировоззренческий мир друг друга, когда человек получает возможность не только показать свой потенциал, но также и создать конфликтные ситуации.

Важнейшим свойством коммуникации в неустойчивом современном глобализирующемся мире оказывается создание особо структурированного коммуникационными полями сложного смыслового коммуникационного пространства, необходимого как раз для устойчивого сосуществования социальных групп. Его отличает деятельностная природа, так как возникает оно в результате деятельности субъектов или субъекта. Кроме этого, оно обладает признаками становления и состоит из автономных, но при этом сообщающихся коммуникационных структур. Коммуникационный конфликт возникает при отсутствии принципа диалогичности. С точки зрения, Н.А. Стекловой, «коммуникационный конфликт – это предельный случай обострения социально–коммуникативных противоречий, выражающийся в многообразных формах борьбы между субъектами коммуникации, направленной на достижение социальных, духовных, экономических и политических интересов и целей, на подавление действительного или мнимого соперника, когда сознанию не удастся устанавливать различные каналы связи для

интегративного потока информации» [3, с.68]. Возможно выделение нескольких типов и видов проявления коммуникационной конфликтности: конфликты интерпретаций сообщения, конфликты кризиса идентичности, конфликты коммуникационного восприятия сообщения, коммуникационно-лингвистические конфликты, конфликты коммуникационных элит, а также аксиологические конфликты.

Конфликт интерпретаций сообщения демонстрирует столкновение разных позиций отдельных субъектов коммуникации из-за трактовки смысла сообщения. Рефлексируя по-разному по поводу одного и того же сообщения, человек понимает его по-своему и вырабатывает собственный смысл. По мнению, П. Рикера, во-первых, «неслиянно–нераздельное», взаимодополняющее взаимодействие интерпретаций выступает истоком множественности их смыслов, а во-вторых, конфликтно–взаимодополняющее взаимодействие становится основанием порождения иных смыслов и нового бытия [2, с.102].

Коммуникационные конфликты кризиса идентичности появляются тогда, когда человек оказывается в необычной среде. По мнению Э. Эриксона, кризис идентичности – это такой период конфликтной ситуации, который складывается между уже сложившейся конфигурацией отдельных элементов идентичности и способом вписывания человека в окружающую действительность [6, с. 58]. Таким образом, идентичность – это процесс отождествления индивида с общественными образцами поведения. Например, изменению ценностных установок, с точки зрения С.М. Фроловой, способствуют глобальные коммуникационные процессы, возросшие возможности человека перемещаться по миру, в результате которых, с одной стороны, происходит культурный обмен, который создает основу для взаимообогащения культур, а с другой стороны, приводит к нарастанию напряжения и выведения человека из психического состояния [5, с.34]. Стремление совместить культурную идентичность и культурную адаптацию, которая навязывает правила иных цивилизационных систем, которые не совместимы с прежними традициями, приводит к отрицанию новых устоев. Более того, Э. Тоффлер отмечал, что в период всеобщей компьютеризации настало время «модульного человека». В виртуальном пространстве происходит замена своего Я, своей индивидуальности изменчивым «мозаичным набором» идентичностей, которые сегодня предлагают современные медиа [4, с.110].

Конфликты коммуникационных восприятий сообщения показывают, что на коммуникационное отношение большое влияние оказывают правила поведения; национальные и культурные традиции; религиозные, эстетические взгляды; толерантность.

Коммуникационно–лингвистические конфликты заключаются в том, что язык коммуникационных конфликтов выполняет особую роль в функционировании социальных институтов. Язык конфликта становится средством коммуникации, воплощения более предпочтительной модели конфликтного поведения, потому что отражает обычаи, ценности,

выступающие в качестве детерминант. По Д.С. Лихачеву, «искусство слова – самое сложное, требующее от человека наибольшей внутренней культуры, филологических знаний и филологического опыта» [1, с.147].

На конфликты коммуникационных элит особое влияние оказывает обладание информацией, знаниями и технологиями. На конкуренцию коммуникационных элит влияет тотальная информатизация и глобализация мира.

Данная типологизация коммуникационных конфликтов допускает наличия других типов и видов конфликтов. Кроме этого, на особенности коммуникационных конфликтов могут оказывать влияние факторы, которые невозможно контролировать.

Контролируемые факторы существуют в рамках правил, устанавливаемых субъектом коммуникации, поэтому необходимо отметить процедуры прогнозирования и стимулирования объекта, планирования и распределения ресурсов. А неконтролируемые факторы находятся вне зависимости от субъекта. Например, возможны риски различной природы, неожиданные помехи, необычные случайности.

На вершину пирамиды данной модели можно поставить аксиологический конфликт, поскольку ценности можно понимать как отношение. Каждая эпоха характеризуется своим набором и иерархией ценностей. Ценностная система конфликта формируются, а также трансформируются в культурно-историческом развитии социума. Формирование ценностей конфликта как элемента культуры базируется на всечеловеческих ценностях. В свою очередь, они тоже непрерывно изменяются, корректируются и уточняются в ходе коммуникации. На основе анализа отношений связи и обособленности можно исследовать отдельные типы коммуникационных конфликтов.

Таким образом, можно выделить как локальные, так и глобальные коммуникационные конфликты, и рассматривать их как отношение. Локальные конфликты коммуникации - это конфликты между малыми социальными группами, к которым можно отнести социально-психологические, конфессионально-религиозные, социально-политические, культурно-лингвистические, социально-географические конфликты. Каждая такая группа при определенных условиях может занять позицию детерминанты общественного развития. Характерной особенностью современного неустойчивого мира является то, что на первый план выходит то одна группа коммуникационного конфликта, то другая, а иногда и несколько групп, поскольку конфликт выполняет как отрицательные функции, так и положительные.

Список использованной литературы:

1. Лихачев Д.С. Поисыма о добром. Санкт-Петербург: Logos, 2013. 267 с.
2. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Медиум, 1995. 416 с.

3. Стеклова Н.А. Конфликтные поля в рискогенном обществе // Интеграция образования. 2011. №2(63). С. 67-71.
4. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2005. 560 с.
5. Фролова С.М. Цивилизационные столкновения: от повседневности к глобализации //Ценности, риски, коммуникации в изменяющемся мире. Саратов: Издательство «КУБиК», 2012. С. 31-35.
6. Erikson E. Identity. Youth and Crisis. New York: publishing house Norton , 1968. 331 p.

СТЕРЛЕДЕВ РОМАН КОНСТАНТИНОВИЧ

Пермский государственный медицинский университет,
г. Пермь, Российская Федерация

СТЕРЛЕДЕВА ТАМАРА ДМИТРИЕВНА

Пермский национальный исследовательский политехнический
университет, г. Пермь, Российская Федерация

ПРОБЛЕМА ГИПЕРФОРМАЛИЗАЦИИ В СОЦИАЛЬНО-МЕНТАЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ XXI В.

К концу XX-началу XXI в. человеческая жизнь и деятельность качественно и количественно усложнились. А как известно, накопление количественных изменений приводит к появлению нового качества. Новое качество возникает в результате скачков двух типов. Скачки первого типа связаны с процессами, граница меры в которых точно определена. Но существуют процессы, границы меры в которых размыты, то есть точки перехода в новое качество в них неизвестны или мало изучены. В ряде случаев именно эти точки могут вызвать явления, называемые в математике катастрофами. А таких процессов на данный момент существует в обществе много. Некоторые из них связаны с политикой. Процессы, протекающие в ней, могут привести к ядерным конфликтам, а те, в свою очередь, к третьей мировой войне. Существуют такие процессы и в научной деятельности. Например, никто не знает, к чему могут привести работы на Большом адронном коллайдере. Существует мнение, что некоторые процессы, инициируемые в нем, могут привести к масштабным геофизическим последствиям. Экология планеты также находится в критическом состоянии, что может привести к глобальному экологическому кризису. И это далеко не все процессы, могущие привести к катаклизмам различной мощности.

Мы рассмотрим процессы, которые, на первый взгляд, не представляют большой угрозы человечеству. И, тем не менее, они могут подтолкнуть другие вышеназванные процессы к появлению в них катастроф, которые, в свою очередь, могут привести к катаклизмам. Примером таких процессов являются ментальные процессы в различных социальных сферах, особенно в аспекте управления.

Данные процессы содержат два противоположных аспекта. Первый аспект связан с анализом поступающей информации, принятием соответствующих решений и организацией их исполнения. Второй аспект связан с формой их организации. Главное противоречие в данном случае связано со столкновением этих двух аспектов. Производственно-творческая деятельность и директивно-контролирующая деятельность в большинстве случаев находятся в противоречии. И руководство, и подчиненные очень часто понимают содержание этих видов ментальной деятельности различно.

В современном обществе наблюдается явная тенденция к деформации оптимального соотношения этих двух компонентов в социально-ментальных процессах, особенно в процессах управления. Причиной такого состояния выступают особенности информационной среды в современном обществе, что проявляется в следующих тенденциях. Во-первых, переизбыток информации практически во всех сферах жизни и деятельности. Во-вторых, уменьшение времени, необходимого на переработку информации, принятие и поиск нужных решений. В-третьих, современная жизнь предъявляет высокие требования к интеллектуальному уровню управленцев. В-четвертых, увеличивается и усиливается количество мешающих факторов как внешних, начиная с политических и экономических потрясений в мире и заканчивая нестабильностью и непредсказуемостью климатических условий, так и внутренних, начиная от состояния здоровья и настроения работников до фактора начальства.

Одним из следствий всего вышеперечисленного выступает явление, которое мы называем «гиперформализацией». Гиперформализация – это такая высокая степень формализации знания в самых разнообразных формах в различных звеньях процессов управления, возникающая в результате неконтролируемого или мало контролируемого роста и дифференциации разного рода ментальных усложнений.

Гиперформализация, с одной стороны, по замыслу должна поднимать уровень надежности и оптимальности управления различными социальными процессами. Но с другой стороны, именно она порождает неконтролируемый поток формализации, ведущий к росту бюрократии, ошибок и некомпетентности, так как ведет к увеличению не только количества информации, во многих случаях излишней, но и увеличивает количество людей, задействованных в управленческих и контролирующих структурах. Все это приводит к снижению эффективности и оптимальности процессов руководства на всех его этапах и влияет на качество труда и его результатов в различных сферах социальной жизни общества.

За период второй половины XX в. рядом исследователей был сделан вывод о том, что формализовать можно все, что угодно. Но, формализуя какие-то процессы, явления или ситуации, получая при этом более высокий уровень абстрактности, мы теряем содержание. В некоторых ситуациях это дает безусловную пользу. Но в большинстве случаев это создает огромное количество ненужных теоретических схем, требований, показателей и т.п., которые только затрудняют работу исполнителей.

Накопление достаточного количества неконтролируемой или мало контролируемой формализации может привести при определенных условиях к новому качеству, которое может проявляться в «точке» входа какой-либо системы, которая на выходе может неожиданно вызвать «катастрофу». А поскольку в современном обществе большинство процессов переплетены между собой, это может привести к глобальному катаклизму.

Явление гиперформализации становится более понятным, если посмотреть на него исторически, то есть проанализировать его с точки зрения закона отрицания отрицания. Как известно, этот закон предполагает, что большая часть явлений протекает по схеме: тезис – антитезис – синтез, где антитезис отрицает тезис, а синтез отрицает антитезис. Развитие идет по спирали. Рассмотрим это конкретно применительно к развитию процессов формализации знания на протяжении всей истории человечества.

Стадия тезиса. На начальных этапах развития общества содержание знания превалировало над формой. Процессом получения и производства различного рода знания занимались отдельные, как правило, талантливые деятели. Конечно, были и различного рода шарлатаны, авантюристы и графоманы. Появление какого-то нового произведения в религиозной сфере или в научной привлекало внимание специалистов. Однако в процессе управления процесс формализации проявлялся в нарастании ритуальности, которая строго регламентировалась в зависимости от уровня управляющей инстанции: ритуал простого дворянина, ритуал герцога и ритуал короля, имея что-то общее, тем не менее сильно различались в деталях.

Стадия антитезиса. Начиная со средневековья и по настоящее время процесс формализации непрерывно нарастает. Причем этот процесс захватывает все возможные сферы. Приведем несколько примеров. Когда христианство появилось в I в. н.э., содержание христианства превалировало над его формой. Тогда еще не было деления на католиков и православных. Церковная иерархия еще только начинала складываться, хотя элементы бюрократии уже прослеживались. В настоящий момент церковь – это уже мощная организация, обслуживаемая профессиональными служителями, имеющая обширную документацию, целый свод правил и инструкций, свою отчетность.

Еще один пример: история КПСС. Если первоначально большевики выступали как относительно небольшой сплоченный отряд, то по мере победы и «триумфального шествия» советской власти сам партийный аппарат все более и более разрастался, усложнялся ритуальный аспект различных видов партийной деятельности (например, прием в члены партии и т.д.), формы отчетности, а также инструкции и директивы. Одной из причин распада Советского Союза, с точки зрения ряда исследователей, являлась широкомасштабная формализация и бюрократизация партийной жизни. Причем это делалось с целью улучшения партийной работы.

В качестве еще одного примера приведем отрывок из «библии русской интеллигенции» – романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Когда Коровьев и Бегемот вошли в ресторан при МАССОЛИТе, чтобы пообедать, на

входе привратница спросила их, писатели ли они и попросила их предъявить соответствующие удостоверения, на что Коровьев ответил, что ей, для того, чтобы убедиться в том, что Достоевский – писатель, совсем не нужно спрашивать у него удостоверение, а достаточно взять любых пять страниц из любого его романа, и тогда она без всякого удостоверения убедится в том, что имеет дело с писателем. И добавил «историческую» фразу о том, что у Достоевского и удостоверения-то никакого не было.

Анализируя процесс гиперформализации, который захватил практически все виды человеческой деятельности, необходимо отметить, что мы еще не достигли его пика. И именно формализация в сочетании с бюрократизацией и может привести к тем катастрофическим точкам, которые могут вызвать серию катаклизмов, которые в дальнейшем могут перейти в один большой катаклизм. Возникает любимый вопрос русской интеллигенции: что делать? Но это уже другая история и тема для другой статьи.

СТЕРЛЕДЕВА ТАМАРА ДМИТРИЕВНА

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, г. Пермь, Российская Федерация

ЭЛЕКТРОННАЯ ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР НЕУСТОЙЧИВОСТИ СОВРЕМЕННОГО МИРА

В конце XX в. была изобретена электронная виртуальная реальность (ЭВР), которая в начале XXI в. получила большое развитие. ЭВР представляет собой огромный шаг в развитии человечества, значение которого во многом еще не понято. Об этом свидетельствует огромное множество научных работ, отличающихся крайним разнообразием подходов к изучению данного феномена и нередко взаимоотрицающими определениями сущности этой новой реальности

Можно, на наш взгляд, выделить среди ряда причин неудовлетворительного понимания сущности и перспектив ЭВР две основные. Во-первых, у ряда исследователей отсутствует, как ни странно, стратегическое мышление, предполагающее изучение ЭВР в ее перспективе на достаточно длительный срок. Во-вторых, ЭВР является принципиально новым феноменом в развитии человечества, не имеющим аналога в прошлом и поэтому требующим для своего исследования введения нового типа методологического инструментария.

Мы предлагаем свой вариант видения ЭВР, способствующий преодолению вышеизложенных препятствий в понимании ЭВР. Вряд ли кто-то будет возражать, что проблема прогнозирования и возможностей влияния человечества на свое будущее вышла сегодня на одно из первых, если не на первое место по актуальности[1,2,3]. Мы полагаем, что правомерны самые

разнообразные принципы и методики исследования будущего человечества, если они отражают какую-то его сторону, грань, аспект. В то же время, на наш взгляд, все прогнозы относительно развития ЭВР следует подразделить на три группы на основании принципиального различия подходов к прогнозу: догоризонтальный, горизонтальный и загоризонтальный.

Догоризонтальный подход к пониманию ЭВР опирается на наличный конкретный уровень развития, достигнутый ЭВР сегодня. Изучение ЭВР происходит в пределах имеющихся на сегодня возможностей, т.е. того, что представляет собой ЭВР сегодня и какой она может стать через максимум десять - двадцать лет.

Отличительные особенности «горизонтального» подхода основываются на представлении о том, какой ЭВР может стать на пределе возможностей развития ее современного состояния, иначе говоря, «горизонта», т.е. в рамках тридцати-пятидесяти лет.

Чтобы понять сущность ЭВР, ее потенциал для развития человечества, ее видимые и пока еще скрытые плюсы и минусы, эту реальность надо исследовать с позиций загоризонтального подхода, т.е. на пике такого возможного будущего развития ЭВР, когда ее сущность, основные, а не второстепенные свойства, проявятся наиболее явно и четко, когда будет наиболее понятна ее внутренняя структура.

Загоризонтальный подход к ЭВР как к принципиально новому в истории человечества феномену невозможен без введения новых понятий и обогащения содержания некоторых классических понятий, к которым относятся «свобода» и «мечта». К новым понятиям, вводимым нами, относятся: «жесткий» мир (реальность), «мягкий» мир (реальность). Эти понятия конкретизируют философскую онтологическую категорию «субстрат». «Жесткость» и «мягкость» конкретизируют субстрат человеческого мира, в котором живет человек с точки зрения количества свободы человека.

«Жесткий» мир – это часть человеческого мира, которая противостоит человеку и имеет высокую степень сопротивления человеческим усилиям по его преобразованию. «Жесткий» мир - это мир, сопротивляющийся стремлению человека существовать в режиме свободы. Это определение относится и к природе, и к обществу, и к самому человеку, включая как его тело, так и большую часть его внутреннего мира. В «жестком» мире человек не может быть свободен в полной мере, ибо природа человека такова, что для счастья ему нужен весь мир, причем мир, все время меняющийся в соответствии с желаниями данного человека.

«Мягкий» мир – это мир, который мгновенно откликается на желания человека и мгновенно их осуществляет. Человек чувствует себя в этом мире максимально свободным, поскольку является его демиургом и может в этом мире все. Для человека таким «мягким» миром является та часть его внутреннего мира, которая называется миром мечты.

ЭВР – это небывалая ранее «мягкая» реальность, это такой мир, которую человек создает сам для себя. ЭВР создается человеком как зависящая от него реальность, в которой он является хозяином. Это удивительное достижение

человека. Однако, именно это делает ЭВР предметом повышенной опасности, «точкой» нестабильности цивилизации, идущей по технологическому пути развития. В чем суть такой экзистенциальной парадоксальности, неустойчивости и нестабильности ЭВР? Суть заключается в том, что ЭВР является «зеркалом» внутреннего мира человека.

В ЭВР путем моделирования различных процессов человек получает колоссальные возможности для творчества, для реализации своей свободы, своей мечты. Это с одной стороны. Но с другой стороны, человек получает возможность реализовать и развивать также и отрицательные стороны, негативные черты своей личности. Дальнейшее совершенствование ЭВР позволит человеку моделировать в этой виртуальной реальности любые, самые отвратительные ситуации, поскольку он в ней хозяин.

Уже сейчас, на начальной стадии развития ЭВР, существуют в социальной сети различного рода преступные группы, «группы смерти», ситуации харассмента и т.п. Многие фильмы и игры, создаваемые на базе ЭВР в значительной мере построены на негативном материале: внедрении в сознание пользователя допустимости убийств, предательств, скотоподобного образа жизни и т.п. В сознание пользователей внедряются установки типа: прав тот, у кого лучше физическая реакция, кто хитрее и наглее, кто бьет первым и т.п. Таким образом подрастающее поколение уже с младшего возраста приучается решать проблемы насильственным путем.

Именно ЭВР может оказаться такой точкой неустойчивости, которая может подтолкнуть человечество к деградации. Благо, примеры в истории, связанные с падением нравственности как толчком для деградации общества, уже были (Древний Рим). Как известно, одной из важнейших причин падения этого античного общества была ориентация на потребительство и биологоподобные удовольствия в неконтролируемых размерах. ЭВР с этой точки зрения может выступить как супернаркотик, который откроет человечеству путь к падению в бездну ужасного, безобразного и низменного.

Сейчас у человечества еще есть какой-то запас времени, чтобы обдумать возможные варианты развития общества, исходя из понимания ЭВР как «зеркала» внутреннего мира человека. Оптимистическая или пессимистическая оценка будущего человечества, в котором ЭВР неизбежно будет занимать все большее значение, связана с решением актуальнейшей и сложнейшей задачи по совершенствованию в первую очередь внутреннего мира человека в духовно-нравственном плане. Разрабатывая перспективные планы развития этой новейшей технологии, ни в коей мере нельзя забывать о колоссальном и противоречивом по своему воздействию на человеческое сознание потенциале ЭВР.

Надо понимать, что до тех пор пока развитие духовности будет не выгодно конкретному человеку, не будет давать ему возможности для его личного творчества, реально улучшить состояние морали в обществе чрезвычайно трудно. Об этом свидетельствует вся история человечества. Поэтому необходимо, на наш взгляд, разработать с помощью специалистов (философов, педагогов, психологов, социологов, конструкторов ЭВР и т.д.)

гибкую систему своеобразного наблюдения и контроля деятельности человека в ЭВР, которая поощряла бы позитивные стремления человека в каких-то желаемых самим человеком формах и ограничивала бы возможности его самостоятельной деятельности в ЭВР из-за отклонений в сторону негативного поведения таким образом, чтобы человек сам был заинтересован в своем духовном развитии.

Список использованной литературы:

1. Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости: XIX Международные Лихачевские научные чтения, 22–24 мая 2019 г. СПб. : СПбГУП, 2019. 632 с.
2. Контуры будущего в контексте мирового культурного развития. XVIII Международные Лихачевские научные чтения, 17-19 мая 2018 г., СПб.: СПбГУП, 2018. 628 с.
3. Контуры будущего: технологии и инновации в культурном контексте. Коллективная монография / Под ред. Д.И. Кузнецова, В.В. Сергеева, Н.И. Алмазовой, Н.В. Никифоровой. СПб.: Астерион, 2017. 550 с.

ФАРМАКОВСКИЙ ВЛАДИСЛАВ ВАСИЛЬЕВИЧ

НИИ ПМК Нижегородского государственного университета (ННГУ) им.
Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация

МАНИФЕСТ ИНГЕНИУМА.

ЖИЗНЬ И СУДЬБА В ТРАНСПАРАДИГМАЛЬНОМ СТАНДАРТЕ

Иван Прыжов в своём очерке «26 московских лжепророков, лженородивых, дур и дураков» рассказывает как к одному из прорицателей обратилась женщина с вопросом, выходить ли замуж за купца, сделавшего ей предложение. Ответ был предельно краток: «доски», что поставило в тупик всех, кто его слышал. И только через два месяца, когда этот купец внезапно скончался, все *поняли*, что «доски» означали – «гроб», и все дивились чудесному ясновидению пророка.

При всей анекдотичности описанного случая, он даёт повод для обсуждения философских оснований, причин, форм, иных факторов изменчивости мира в системе *концептогенеза*, - философии *транспарадигмального стандарта*. (ТПС).

Структура *ТПС* включает два уровня понимания вещей: всеобщий уровень *предопределений* (*гипертеория*), и уровень *доопределений*, действительных только в условиях *конъюнктуры* (контекста, ситуации, парадигмы, и т.п.)

В слове «*предопределение*» звучат два мотива: *предварительность*, предполагающая возможность уточнения или *доопределения*, и мелодия судьбы и её предсказания. *Гипертеория* – всеобщая книга судеб, которые, как выясняется, в чем-то самом существенном, весьма схожи. В *конъюнктуре* все подробности «...и жизнь, и слёзы, и любовь...»

Есть один Большой Мир и очень много маленьких. Большой Мир – целостное образование, он не состоит из предметов, но каждая часть этого Мира имеет свой взгляд на вещи и опредмечивает его по-своему. Бесконечное концептуальное разнообразие вещей обслуживается в *концептогенезе гиперкатегориями* предельного уровня обобщения, когда при переходе от *гипертеории* к *конъюнктуре* значением данной категории может оказаться унитарный или множественный предмет любого концептуального статуса. (См. двухтомную монографию автора "Концептогенез (2005, 2015)")

Представленность (*манифестация*) одних предметов другими является общим местом для любых событий, включая природные явления и философские осмысления.

Возможность существования *транспарадигмального стандарта* обеспечивает универсальный и вездесущий *Закон*, согласно которому все события в Мире, и, следовательно, все законы природы и общества сводятся к уподоблению. независимо от их концептуального статуса, т.е. от того являются ли они множественными или унитарными объектами, их свойствами, или процессами; результатами физических взаимодействий, или продуктами интеллектуальной или духовной деятельности и т.п.

Всё сказанное касается и *критериев подобия*, без которых разговор о подобии становится беспредметным. Наличие такого *Закона* ведёт к обновлению и нарастающему многообразию вещей и событий, которые, действуя под управлением единого Закона, господствующего над всеми ними, манифестируют и мистифицируют друг друга. Представители биологического вида *homo sapiens*, опредмечивают Мир под флагом своей главной мистификации - *гомо-эго-центризма*, т.е. приписываемого себе безусловного превосходства над всеми прочими сущностями, что даёт им право не только на использование этих сущностей, но и на само их существование, действуя по принципу *might is right*.

Гуманитарная проблематизация, исключительно основанная на исключительности вида *homo sapiens*, имеет полное право на жизнь, но её претензии на роль *гипертеории* ни на чем не основаны.

Каждое *событие*, является актом познания, и представляет собой некоторого *ингениума*, *существующего в парадигме субъекта*. Человек – мера всех вещей без исключения. Мир познаёт себя в лице каждой своей сущности.

Концепция *ингениума* в корне меняет мировоззренческую установку:

1. Устраняется традиционное смешение концептов:

Человеческое или *Человек*, как множество специфических качеств, и *человек* - представитель биологического вида, который этими качествами в той или иной степени обладает.

2. Снимается противоречие между религиозной трактовкой наличия

Человека от сотворения Мира, и научной теорией происхождения *человека* и других биологических видов.

3. В свете п.1. введённый Протагором титул *меры всех вещей* переходит от *человека* к *Человеку*, имеющему своего представителя в лице каждой вещи.

4. В плоскости экологии проблема взаимосвязи *человека* и *окружающей среды* расширяется и усиливается за счет уравнивания в правах *человека* и тех существей, которые его окружают, что уже сегодня является основным трендом развития экологического сознания.

5. Фундирующее антропный принцип противопоставление *человека* и *Универсума* замещается на вселенскую гармонию *Человека*, представляющего Мир во всех своих воплощениях.

Генеральная направленность мироизменяемости – воссоединение существей на пути их сопричастности к событиям, в которых они участвуют.

Либертарианская стихия постмодерна разметала традиционные ценности и внесла смятение в ряды их сторонников, внушая им апокалиптические настроения и представление о деградации человека и конце человеческой истории.

Осознание этого обстоятельства и воссоединение существей - генеральная линия мироизменяемости в целом, смысл жизни каждой отдельной сущности и её судьба.

У Господа все существи равны перед Законом и друг другом, но в развитии земной цивилизации потребовались столетия для преодоления непризнания людьми человеческого статуса даже друг в друге по всевозможным основаниям, включая цвет кожи, пол, происхождение и т.д.

Любовь к *Ближнему* лежит в основе традиционных ценностей. В *концептогенезе* - философии транспарадигмального стандарта понятие *Ближнего* расширяется до любой сущности, а *Любовь* к *Ближнему* означает отношения с миром в духе *нагорной проповеди*.

Блаженны нищие духом, ибо их царствие небесное... Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят...

Неустраняемая открытость любого события обеспечивает непрерывную изменяемость Мира как одно из проявлений его постоянства. Актуализация события определяется неопределяемыми обстоятельствами и, в конечном счете, совестью, как высшим проявлением действительно антропного принципа *ингениума*.

Категория подобия и духовное воссоединение существей широко представлены в Священном Писании образом *Царствия Небесного*.

С чем сравню царствие небесное, чему уподоблю его - горчичному зерну, меньшему из всех семян, которое посадил человек в саду своём, и выросло большое дерево, и прилетали птицы небесные, и укрывались в ветвях его. (Мф.13:32, Мк.4:30).

Думай о Царствии Небесном, остальное приложится.

ФЕДОРОВА ЖАННА ВИКТОРОВНА

Казанский государственный энергетический университет, г.Казань,
Российская Федерация

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Информационная революция, по словам М. Кастельса – одного из ее теоретиков, есть «перелом» не только в материальной и духовной сферах жизни общества, *при этом она* обладает потенциалом тотального преобразования бытия. Ядром данной трансформации является *коммуникация и ее каналы [см: 1]*. Более того, информационная революция уже может восприниматься как определяющий фактор жизни современного общества, который обусловил особенности общественного воспроизводства материальных благ, а именно – их производство, распределение, обмен и потребление. В контексте данной реальности восприятие информации как продукта, который проходит все стадии общественного воспроизводства, становится образом мышления современного человека.

Обозначилась амбивалентная природа информационного продукта: являясь социальным транслятором общественно необходимой информации, он приобрел новое качество – стал товаром, существующим по законам предпринимательской деятельности. Информация стала рычагом, средством обеспечения необходимых условий для реализации субъектных интересов. Ее стало возможно продать и купить. Она приобрела ценность-цену, вошла в товарно-денежные отношения.

На данном этапе развития власть информации становится решающим фактором в управлении обществом, информационное поле приобретает стилистику немедийных отношений: кардинальные изменения в системе общественных отношений связаны с постепенным превращением информации в товар, в экономически обусловленный симулякр.

При этом продаваться-покупаться начали идеи и смыслы, создающие идентичность, в свою очередь структурирующую социум. Под идентичностью понимается процесс отождествления индивида с социальными образцами поведения и ожиданиями его социальной среды, необходимость согласования «Я» и «Мы». В этом контексте уместно привести мнение культуролога А. Гениса о том, что «идентичность нации в России сегодня в первую очередь создается <...> рекламой» [2], являющейся не просто видом маркетинговых коммуникаций или сферой экономики медиасреды, а своеобразной идеологемой, которая трансформирует сущность человека, меняя его социальность и рациональность.

Содержание информационной деятельности начинает определяться не соображениями «общего блага», «общего дела» или «общественного интереса», а триггерами коммерческого характера: ориентацией на интересы бизнеса, рекламодателей; насколько же они далеки от удовлетворения интересов

населения в получении объективной и всесторонней информации, говорить не приходится.

Одним из последствий информационной революции стало новое восприятие аксиологического среза общественного бытия. В первую очередь трансформируются ценности и смыслы, обращаются в собственную противоположность – в онтологически негативное. Как отмечает С.К. Шайхитдинова, «в результате то, что еще вчера представляло ценность для большинства, списывается «за ненадобностью» без оглядки на тех, кто не способен, «смеясь», расставаться со своим прошлым, в котором, возможно, и заключается весь смысл их жизни» [3, с.4]. Девальвация аксиологически значимого становится привычной процедурой. В результате его исходное – ценностное – значение утрачивается.

Свержение традиционных ценностных императивов, аннигиляция устойчивых и привычных форм бытия обусловили динамическое единство неопределенности и новой модели мира, подмену коммуникации ее имитацией, отчуждение и самоотчуждение человека.

Информационная революция, как, собственно, и любой другой скачок, есть отклонение от «нормального» хода вещей, и событийность ее – максимальна. Более того, максимальна и ее социальная составляющая: именно субъекты (участники, акторы) как обобщенное единство, вовлекаясь в любую революцию (политическую, научную, эстетическую, информационную), способствуют тому, чтобы событие и приобрело характер скачкообразной перемены. При этом сам субъект в это событие вовлекается эмоционально: становясь воодушевленным, разочарованным, переосмысливающим знаки и символы произошедшей трансформации, он превращает общественный перелом в часть личного опыта.

В информационную революцию вовлечены участники, сознательно конструирующие ее событийность и значимость, идейные противники и те, кто вынужден приспособливаться к последствиям.

Одним из последствий информационной революции является невозможность противостоять информационным и коммуникативным технологиям, человек XXI века ими «узурпирован». И если традиционные СМИ, как писал Г. Маркузе, поглощают лишь «индивидуальные мысли» [4, с.21], то современная медиасреда претендуют уже на человека в целом, захватывая его сознание и организм в оковы виртуальной реальности и превращая в биологический вид «человек кликающий», а окружающий мир – в реальность «кнопочной культуры» [5, с.43-46]. Современные медиа отразили парадигму особой социальности онтологических связей, они несут колоссальный заряд воздействия на массы, более того, их аудитория сейчас фактически не имеет границ.

В конце XX века современный французский философ Ален Бадью сформулировал метафору «подшивание философией», имея в виду состояние связанности философии с той или иной культурной формой, запараллеленность философии и других типов мировоззрения. Эту же метафору можно применить к современному информационному обществу, ибо подключение индивида к

публичной коммуникации, его «подшивание» к ней и ею можно рассматривать как срез социальности.

Реальный, противоречивый, сложный мир заменяется схемой, не вызывающей вопросов и сомнений. Мышление заменяется алгоритмом, где представлены готовые способы решения и стереотипы восприятия. Возникает условная (а часто и анонимная) идентичность, которая создает культ пассивной созерцательности по отношению к окружающему миру и самому себе: так осуществляется вытеснение индивидуальности из социального пространства – в нем не остается места субъекту, ответственному за слова и поступки. Мир коммуникаций вступает в противоречие с миром человеческой сущности. Индивидуальное / социальное («Я – Мы») оказываются в разных мирах, основанных на разной логике и аксиологии («Я – Они»).

Список использованной литературы:

1. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
2. Новая газета. 2014. №75. С.5.
3. Шайхитдинова С.К. Информационное общество и ситуация человека: Эволюция феномена отчуждения. Казань: Изд-во Казан.ун-та, 2004. 308 с.
4. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: АСТ, 2003. 331 с.
5. Тарасенко В.В. Человек кликающий: фрактальные метаморфозы // Информационное общество. 1999. №1. С.43-46.

ХОЗЕРОВА ТАТЬЯНА ПЕТРОВНА

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

СПИРАЛЕВИДНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ КАК ОСНОВНОЙ ФАКТОР ДИАЛЕКТИКИ

Образ спирали мы встречаем впервые в гегелевской, а затем в марксистской схеме постижения истории. Обратимся к анализу трех законов диалектики, начиная с Гегеля.

Закон единства и борьбы противоположностей вскрывает источник и движущую силу, т.е. конечную причину развития. Закон перехода количественных изменений в качественные и наоборот выявляет механизм процесса развития. Закон отрицания отрицания фиксирует направление, форму и определенный результат развития. Спираль в целом представляет картину развития. В свете законов диалектики процесс развития структурно распадается на отдельные, относительно самостоятельные стадии, этапы. При этом каждая последующая фаза связана с предыдущей отрицанием – необходимым, сущностным элементом развития.

Для Гегеля движущие историей противоречия существуют, прежде всего,

в сфере человеческого сознания, т.е. на уровне идей. Все человеческое поведение в материальном мире, вся человеческая история укоренены в предшествующем состоянии сознания общества. Взяв за исходный критерий постижения истории осознание человеком самого себя, своей свободы, Гегель рассматривал историю как целенаправленный и закономерный процесс осознания человеком свободы и выделил в нем три этапа:

- восточный (Китай, Египет и др.), где осознает себя и свободен только один правитель, а все остальные – его рабы;
- античный (Греция, Рим, Средневековье) – здесь осознает себя и свободна лишь одна группа, прослойка людей – «верхушка»; все остальные служат ей и зависят от нее;
- новое время, где осознает себя и свободны все.

Гегель нашел удачный термин для описания диалектического отрицания – снятие. В нем органически слились три смысловых плана: упразднение, сохранение и подъём.

Во-первых, диалектическое отрицание есть устранение, уничтожение, отбрасывание старого, отжившего, того, что не отвечает изменившимся условиям, препятствует дальнейшему развитию.

Во-вторых, это отрицание вбирает, удерживает и сохраняет всё жизнеспособное, перспективное, ценное в отрицаемом состоянии, в предшествующем развитии.

Наконец, в-третьих, диалектическое отрицание даёт жизнь новому качественному состоянию, новой стадии развития. А это равнозначно обогащению, тому или иному совершенствованию содержательных, структурных, функциональных и иных характеристик всех относящихся сюда явлений. Иначе говоря, в общем плане диалектическое отрицание утверждает момент более высокого уровня в процессе развития.

Полное отрицание – это переход явления (события, ситуации, процесса) в свою противоположность, в «своё другое», как выражался Гегель [1, с.46]. При неполном, частичном отрицании в свою противоположность переходят отдельные свойства, стороны, фрагменты данного явления. Его глубинные, основополагающие характеристики и связи остаются по сути нетронутыми или задетыми лишь косвенно, опосредованно, частично. Неполное отрицание – частичный переход в свою противоположность.

В законе отрицания отрицания четко выделяются три важнейших признака: преемственность, поступательность и цикличность. Преемственность есть органическое смыкание последовательных стадий развития, непрерывное накопление, собирание и наследование всех его жизнеспособных элементов. Поступательность раскрывается как последовательное и постепенное продвижение вперед, вверх, т.е. от простого к сложному, от низшего к высшему.

При спиральной форме развития точка исхода и точка возврата не совпадают, повторяемость не абсолютна, а относительна, частична и, естественно, нет никакой предопределенности или возвращения в прошлое. Любая позиция на данном витке спирали находится над соответствующей

позицией предшествующего витка. Возврат якобы к старому играет важную роль в переводе последовательности процесса развития в его субстанциональное и историческое единство.

По закону отрицания отрицания спиралевидно выстраиваются и соответствующие теоретические представления, в которых, естественно, отражается сама действительность, историческая реальность.

Для нас наибольший интерес представляет идея Гегеля о том, что хотя в целом история рациональна (ее движущая сила – стремление ко все большей полноте осознания и реализации свободы), непосредственно ее осуществляет «хитрый дух истории», как бы Дьявол, на каждом шагу обманывающий людей и использующий их как средство. История, таким образом, предстает как процесс последовательного утверждения рационального через посредство иррационального.

Список использованной литературы:

1. Гегель, Г. В. Ф. *Философия духа* [Текст] / Г. В. Ф. Гегель // *Энциклопедия философских наук*: в 3 т. - М.: 1976.- Т.3, С. 46.
2. Панфилов, О.М. Панфилова, Н.Г. *Мистический дух переходных эпох* [Текст]/ О. М. Панфилов, Н. Г. Панфилова//*Ступени*. -1992 -№2. С.42-57.
3. *Тайные общества как социально-исторический феномен: Монография*. Нижний Новгород: ВГИПУ, 2009, 161 с.

ЧУМАКОВ ВАЛЕРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Философский клуб ННГАСУ, г. Дзержинск, Российская Федерация

К ПРИРОДЕ УСТОЙЧИВОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВУЮЩИХ ЭЛЕМЕНТОВ МАТЕРИИ

Совокупность материальных элементов может состоять в двух отношениях: *безразличном*, тогда их поведение будет хаотически – независимым; и в некоторой *взаимосвязи, взаимозависимости, взаимодействии*, вызывая *нестационарные* изменения элементов динамической системы. Каждая система характеризуется положительным - нарастающим, *устойчивым*; либо отрицательным – убывающим, *неустойчивым* качественным или количественным характером изменения во времени. Первая называется *развивающейся*, вторая – *деградирующей* системой. Законы изменения элементов динамической системы являются *регулирующими причинами* развития, обусловленные свойствами самих элементов, результаты – *следствием*, что формально является проявлением «*субъективной воли*» элемента.

К причинам развития материальных элементов, появившихся в Большом взрыве, добавляются внешние сопутствующие регулирующие условия, как,

например, структурирование материи в звёздных объектах, а позднее в процессе взрыва Сверхновых звёзд. Законы развития носят *кусочно-непрерывный* характер, когда действие одной причины, по мере её исчерпания заменяется другим законом развития, до тех пор, пока окончательно не исчерпаются возможные причины изменения. Для косной, неживой материи таким тупиком развития являются нейтронные звёзды и чёрные дыры. Для живой и социальной материи тупики развития пока не обозначены и могут быть связаны с судьбой самого Земного шара, или, в крайнем случае, с третьей мировой войной.

Вопросы *устойчивости* динамических систем впервые появились в математической *теории управления*, как отыскание оптимальных условий работы технических *систем автоматического регулирования* (САР) некоторого технологического устройства, для сохранения заданного количественного, в частности, стабильного значения некоей материальной величины на его выходе при переменном значении на входе устройства.

Для элементов неживой материи *развивающейся* Вселенной устойчивость развития связана с сохранением *структурного усложнения* на всех участках их *кусочно – непрерывного* развития. Такое положение связано с *объективностью* и *однозначностью* законов последовательного изменения косной материи, так как свойства её элементов не меняется со временем.

Микрочастицы вещества, рождённые в Большом взрыве, прошли продолжительный путь устойчивого развития. Причинами изменений являлись *фундаментальные* законы, свойственные самим элементам развития: электромагнитные, сильные, слабые и гравитационные физические взаимодействия. В результате их проявления произошли последовательные структурные усложнения элементарных частиц, приведшие к образованию из первоначальной хаотичной кварк - глюонной плазмы Большого взрыва более сложных частиц вещества: нейтронов и протонов, которые, при соединении с электронами, образовали первоначальные химические элементы – водород, гелий и немного лития.

Дальнейшая наработка более тяжёлых химических элементов происходила в недрах звёзд, уже при других условиях, в результате *диалектического* взаимодействия сил тяготения и противодействия внутреннего давления звезды, в циклическом последовательном развитии, предположительно до выработки атомов железа. Остальные химические элементы периодической таблицы Менделеева были получены Природой в результате взрыва *Сверхновых* звёздных объектов – на третьем этапе закономерного развития материи. Из газо-пылевой туманности – последствия взрыва Сверхновой, происходило формирование *вторичной* звезды и планет, которые могли содержать все необходимые химические элементы для появления первых признаков жизни.

Образование жизни явилось следующим этапом *объективного* и *устойчивого* развития материи. Причиной изменения живой материи являлись *случайные генетические мутации*, проявление которых описано в первых двух принципах *триады* Дарвина – Уоллеса: *изменчивости* и *наследственности*.

Проверкой и выделением видов с положительным и устойчивым развитием служил третий принцип триады – *естественный отбор*, отсеивающий виды с деградирующей во времени биологией существования.

Имевшиеся случаи вмешательства негативных внешних сил, например, падение гигантского астероида или извержение громадного вулкана, приводило не только к *деградации* существовавшей жизни, но и служило развитием тех видов живых организмов, которые находились до этого в угнетаемом положении, сказавшееся на появлении гоминидов, предшественников человека.

Появление у некоторого вида гоминид *мутаций*, связанных с образованием аппарата членораздельного голосообразования, а также с усложнением головного мозга, в совокупности привело к появлению *сознания*, возможности анализа окружающего бытия и планирования действий посредством словесно-логического мышления, что характеризует свойства человека разумного [2, с. 247-257].

Существование человека стало возможным только в *коллективе*, обеспечивающим его развитие, обусловленное многими социально-экономическими особенностями бытия. К ним можно отнести: пищевую и наследственную необходимость, материальную и властную заинтересованность, гендерную зависимость, взаимодействие с иными этническими группами, защиту своего местожительства и свободу от иноплеменного владычества, исключения зависимости и рабства и других т. п. *субъективных желаний*, связанных с изменением бытия.

Желания становятся главными в развитии человека и общества, что не всегда связано с положительным, устойчивым развитием. Наличие в истории тёмных периодов говорит о временной победе негативных решений властных сил, *определявших* пути общественного развития. К ним можно отнести многочисленные войны, различные периоды религиозного фанатизма, времена инквизиции; фашизм, межнациональные противоречия, в частности религиозного характера, аморальное влияние на общество существующего капиталистического способа производства.

Даже в жизни социалистического общества имелись периоды негативных изменений, ведущих к неустойчивости общественной жизни, связанных с Гражданской войной, репрессиями тридцатых годов, неудач начала Отечественной войны и неспособности партийного руководства к позитивному развитию социалистического общества, что привело к развалу советского государства. Приход повторного капитализма в РФ принёс катастрофическое падение экономики, обнищание трудящихся, имущественное разделение общества и безработицу, свидетельствующие о *неустойчивости* и *деградации* социально-экономической жизни, основанной на либерально-буржуазном субъективном мышлении.

Автор согласен с мыслью К. Маркса, о том, что: «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» [1, с. 6]. Однако сам способ производства не обеспечивает необходимого развития ни индивидуальных элементов, ни различных общественных слоёв и групп населения. Он всего лишь указывает

на возможные *границы* этих изменений, объективно тормозя общественное развитие.

Известна мысль Ф. Энгельса о развитии, как *равнодействующей* столкновений отдельных волей и векторов общественной жизни, которые отображают сознательные субъективные *желания* отдельных людей и общественных групп, противоречащая утверждению К. Маркса. Её необходимо дополнить положением, что субъективный вектор желания власти во много раз *превышает* все остальные общественные составляющие и, в конечном итоге, *определяет* социально-экономические изменения, их устойчивый или неустойчивый характер.

Эти особенности общественного развития привели автора к созданию концепции *регулятивно-диалектического материализма* (РДМ), описывающей процессы *эволюционного существования* личности и общественных групп, в которых сознание определяет изменение бытия на основании информации, получа-емой от него, а также процесса *революционного* преобразования общества, основанного на антагонизме трудящихся и буржуазии [3, с. 31-38].

Использование РДМ позволяет исследовать процесс развития социума и выбора человеком своей деятельности в ответ на изменение бытия, в частности, на проблему устойчивого, так и неустойчивого общественного изменения.

Список использованной литературы:

1. Маркс К. К критике политической экономии. К. Маркс, Ф. Энгельс, соч. т. 13, 1959, 770 с.
2. Чумаков В.А. Некоторые вопросы происхождения человека //Науки о человеке в современном мире. Альманах «Философский век» выпуск 23, часть 3, С-Пб.: Центр истории идей, 2002 – 427с.
3. Чумаков В. А. Регулятивное развитие социальной материи //Вестник пермского университета. Философия. Психология. Социология. Научный журнал. 2014, № 2, 143 с.

ШАМИН ИГОРЬ ВАЛЕРЬЕВИЧ

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

**«УПРАВЛЯЕМЫЙ ХАОС» КАК ИНСТРУМЕНТ ВЕДЕНИЯ
США ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В РЕАЛИЯХ
«ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ 2»**

Весной 2014 г. правительство США во главе с президентом Б. Обамой

развязало «холодную войну 2», направленную против РФ. После прихода к власти в 2017 г. президента Д. Трампа Вашингтон стал практически осуществлять на международной арене уже сразу несколько «холодных геополитических и геоэкономических войн» одновременно. Как следует констатировать, к началу 2020 г. США вели «холодную войну» стратегического измерения первую очередь в отношении России, КНР и Ирана, а также фактически и против ЕС, Турции, Бразилии, Японии и Индии.

В условиях «холодной войны 2» правящие круги США, также, как и в период «холодной войны 1», продолжают использовать на международной арене для уничтожения своих геополитических противников в лице других стран, и прежде всего России, так называемую «непрямую стратегию» организации и ведения геополитической борьбы, которая ориентирована на разрушение «враждебных» государств фактически «изнутри». При этом в конце 2010-х г. руководство США начало активно практически использовать на международной арене в целях сокрушения «враждебных» для американской правящей элиты стран в первую очередь концептуальную модель реализации геополитического противоборства на межгосударственном «непрямом» уровне, которая в американском варианте обозначения носит название **«сила принуждения» («The Power to Coerce»)** или **«принуждающая сила»**. Данная категория была введена в оборот экспертами американского аналитического центра РЭНД («RAND Corporation»). Само это понятие было впервые констатировано в специальном докладе РЭНД «Сила принуждения (P2C). Подготовлено для армии США», который был обнародован в начале 2016 г. [3].

Вместе с тем само сущностное содержание данной технологии осуществления «непрямой» геополитической борьбы на межгосударственном уровне была разработана американскими специалистами на основе использования особого рода методологической концепции. Причем эта «боевая» теория познания был создан в США еще период «холодной войны 1». Базовую основу такого рода методологии по ведению «непрямого» геополитического противоборства, как можно сделать вывод, сформировали прежде всего определенные теоретические положения такой науки, как *синергетика*.

Следует отметить, что становление синергетики как науки началось практически одновременно в США, странах Западной Европы и СССР приблизительно в 1950-е – 1960-е гг. И данная отрасль знаний изначально стала специализироваться главным образом на изучении феномена хаоса [1, с. 10 – 13]. Однако только в США фактически с самого начала зарождения этой науки о хаосе самое активное участие в исследовании подобной тематики приняли те государственные учреждения, которые в условиях жесткого геополитического и геоэкономического противоборства Соединенных Штатов с Советским Союзом фактически находились на самом «острие», на передовой этой «холодной войны 1». Так, американский историк науки Д. Глейк в своей работе «Хаос: Создание новой науки» обратил внимание на следующий интересный факт, связанный с особенностью развития синергетики в Соединенных Штатах в 1960-е – 1980-е гг.: «Ведомства, отвечающие за государственные программы

военных исследований (включая, следовательно, и Пентагон – И.Ш.), ЦРУ, министерство энергетики выделяют крупные суммы на изучение хаоса» [1, с. 12].

В результате подобных исследований американские эксперты по геополитической борьбе смогли сформулировать к началу 1970-х гг. основополагающую теоретическую модель выстраивания процессов «непрямого» межгосударственного противоборства, которая затем была взята «на вооружение» правящими кругами США и «успешно» использована для достижения «геополитической победы» над Советским Союзом в конце 1980-х гг.

Согласно этой основополагающей концептуальной модели «непрямой» геополитической борьбы, суть которой можно определить как «теория управляемого хаоса», *и люди, и окружающий их мир в целом по своему физическому определению – есть нелинейные динамические системы.* Главной особенностью подобных систем является то, что сущность их динамического состояния по своему характеру представляет собой *хаос*. В то же время именно хаотическое движение, или если быть более точным, состояние относительного хаоса есть главное условие, которое обеспечивает в конечном итоге «жизнь» для нелинейной системы, само ее существование. И наоборот, достижение полной «упорядоченности», «застоя», «неразвития» в структуре такого рода системы и, тем самым, «абсолютное» преодоление хаоса – это для нее практически означает «смерть», т. е. полное разрушение в конечном итоге любой динамической системы. Вместе с тем предпосылку и содержание самого хаоса составляют так называемые «*процессы с обострением*». Для обозначения данного системного явления в синергетике также используется категория «*экспонента*». Поэтому в случае если данные процессы начнут абсолютно доминировать в рамках динамической системы и состояние хаоса, таким образом, достигнет высшей (т. е. «абсолютной») точки своего развития, или, как определяют подобное положение специалисты, «*точки сингулярности*», то это может привести к двум альтернативным результатам. Либо к полному распаду и гибели всей системы. Либо к глубокой качественной трансформации такой системы. Если динамика системы под воздействием «стихии хаоса» станет протекать по второму сценарию, то, как правило, в точке сингулярности предварительно будут также складываться необходимые условия для «зарождения» сразу нескольких, «независимых» и, одновременно, «потенциально-равноправных» вариантов самого хода развития этой «коренной трансформации» системы. Причем как по направленности, так и по конечным результатам данных вероятных процессов. И данными явлениями в принципе можно «управлять» [2, с. 119 – 179].

Отсюда следует, что сам процесс осуществления государством-«агрессором» геополитического воздействия на страну-«жертву» в целях ее полного подчинения должен проходить ***в четыре основных этапа.***

На первом этапе геополитической борьбы основополагающее значение для государства-«агрессора» будет иметь «хаотизация» «вражеской» государственно-геополитической системы. Подобный эффект будет

достигаться в первую очередь путем лишения «вражеского» государства всяческих возможностей для поступательного развития. И кроме того, за счет создания одновременно внутри «вражеской» государственной системы с помощью различных «подрывных» методов системного воздействия состояния «детерминированного хаоса» прежде всего в управленческой, экономической, социальной и политической сферах.

Основное содержание **второго** этапа геополитического давления государства-«агрессора» на атакуемую страну будет представлять собой обеспечение контроля над процессами системного кризиса в рамках «вражеской» государственной системы при помощи заранее созданных «управленческих структур». Другими словами, это «овладение» вектором «системного хаоса» при помощи «искусственно» образованного специально для этих целей, и вместе с тем эффективно управляемого со стороны «агрессора», так называемого «подконтрольного аттрактора».

На третьем этапе своего «геополитического» наступления «агрессор», в случае успешной реализации программ двух предыдущих периодов, свои главные усилия должен уже направить на создание из полученного «управляемого системного хаоса» уже «упорядоченной» стратегической модели «нового искусственного будущего» для государства-«жертвы», полностью отвечающей при этом интересам страны-«агрессора».

Наконец, **на четвертом заключительном** этапе геополитического противоборства для государства-агрессора» характер приоритетных задач будет представлять собой «закрепление» и поддержание «прочности» самой конструкции такого рода «новой» системной государственной модели «подконтрольной» страны, а также «сохранение» и «совершенствование» ее подобного организационного устройства в дальнейшем.

В заключение следует констатировать, что использование США в условиях «холодной войны 2» технологии «принуждающая сила», которая тоже базируется на «теории управляемого хаоса», является одной из главных геополитических и геоэкономических угроз для национальной безопасности РФ в настоящее время.

Список литературы

1. Глейк Д. Хаос: Создание новой науки. – СПб.: Амфора, 2001. – 400 с.
2. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М.: КомКнига, 2005. – 296 с.
3. Сила принуждения (P2C). Подготовлено для армии США // Егорченков Д. Необъявленная война. Россия в огненном кольце. – СПб: Питер, 2018. С. 296 – 301.

ШАМИН ИГОРЬ ВАЛЕРЬЕВИЧ

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г.
Нижний Новгород, Российская Федерация

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ США ТЕХНОЛОГИИ «СТРАТЕГИЯ УПРАВЛЯЕМОГО ХАОСА» ПРОТИВ ГОСУДАРСТВ БОЛЬШОГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В НАЧАЛЕ 2010-х гг.

Администрация президента США Б. Обамы в начале 2010-х гг. предприняла активные действия, направленные на установление тотального американского господства над ключевыми районами Большого Ближнего Востока. Следует также отметить, что руководство США в данный период разработало и применило на практике для реализации своей экспансионистской программы в указанном регионе принципиально новую технологию ведения «непрямой» геополитической борьбы на межгосударственном уровне. Данная концептуальная модель осуществления геополитического противоборства получила обозначение **«умная сила» (smart power)**. Это понятие было сформулировано американским политологом Д. Наем. Вместе с тем Д. Най дал следующее определение данного «непрямого» способа выстраивания межгосударственной геополитической борьбы: «Умная сила – это сочетание твердой силы (т. е. силы военной – И.Ш.) для понуждения и возмездия с мягкой силой в виде убеждения и притяжения» [2, с. 18].

Как следует констатировать, американские эксперты, которые занимались разработкой конкретных планов «боевого» применения технологии «умная сила» в целях установления геополитического и геоэкономического контроля США над Большим Ближним Востоком, в качестве методологической основы использовали прежде всего некоторые теоретические положения такой науки, как *синергетика*, которая специализируется, в свою очередь, главным образом на изучении феномена хаоса [3, с. 119 – 179]. Во многом вследствие этой «познавательной особенности» тот вариант организационно-функциональной модели выстраивания «непрямой» геополитической борьбы «умная сила», которую администрация президента Б. Обамы стала использовать в начале 2010-х гг. для обеспечения господства США практически над всеми государствами Большого Ближнего Востока. И главным «боевым» приоритетом которой, следовательно, являлось уже не «сокрушение» здесь какой-то отдельной страны, а достижение абсолютного американского доминирования в рамках данного региона в целом, получил в итоге новое определение-синоним. А именно – *«стратегия управляемого хаоса»* или *«стратегия управляемого регионального хаоса»*. Главная функциональная особенность данной «боевой» технологии заключалась в том, что установление тотального американского геополитического и геоэкономического контроля над Большим Ближним Востоком должно было обеспечиваться не за счет «прямого захвата» США этих территорий, а достигаться так называемым «косвенным путем» на основе

осуществления «хаотизации» в первую очередь политической, социально-экономической и военной ситуации в государствах данного региона, а также «эффективного управления» такого рода процессами в возникших региональных «очагах нестабильности» в американских интересах.

Американские стратеги, как можно сделать вывод, планировали реализовать на Большом Ближнем Востоке такого рода экспансионистский геополитический и геоэкономический проект, базовой основой которого являлась «непрямая» технология «стратегия управляемого хаоса», **в три основных этапа.**

На первом этапе основные усилия Вашингтона были направлены на обеспечение «глубокой искусственной дестабилизации» внутреннего положения в первую очередь в тех арабских государствах данного региона, в которых находились у власти светские политические режимы так называемого «арабского национал-социалистического типа». И затем осуществление в этих странах государственных переворотов.

Вместе с тем можно также утверждать, что у правящих кругов США в начале 2010-х гг. определился также «очень важный» союзник в рамках Большого Ближнего Востока, возможности которого администрация Б. Обамы достаточно активно, но при этом «опосредовано», начала использовать для реализации своих геополитических и геоэкономических планов. Это – разного рода международные исламистские террористические организации ваххабитского толка, и прежде всего «Аль-Каида» и «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), которая затем была переименована и стала называться «Исламское государство» (ИГ). При этом американское руководство активно использовало для ведения подобной региональной «геополитической игры» разведывательно-диверсионный потенциал, политическое и религиозное влияние и связи, финансовые ресурсы арабских стран Аравийского полуострова. Причем главным образом Саудовской Аравии и Катара, которые являются главными союзниками США в Арабском мире, и спецслужбы которых в значительной степени контролируют подрывную деятельность такого рода ваххабитских террористических организаций в рамках Большого Ближнего Востока, а также в других районах Евразии и Африки [5].

На втором этапе главным стратегическим приоритетом США в рамках Большого Ближнего Востока являлась фактически «полная зачистка» существовавшего здесь политического поля, причем таким образом, чтобы рычаги управления в странах данного региона в итоге полностью взяли бы в свои руки именно представители исламистских экстремистских объединений ваххабитского толка. Иначе говоря, реализация администрацией Б. Обамы такого рода программы «тотального политического переустройства» Большого Ближнего Востока должна была привести в итоге к кардинальной трансформации самого геополитического и геоэкономического статуса государств этого региона в рамках Евразийского и Африканского континентов.

На третьем этапе, как следует констатировать, геополитические цели и соответствующие усилия Вашингтона фактически были бы направлены на то,

чтобы на данной региональной политической основе ваххабитского толка «искусственно» создать в первую очередь на евразийском и североафриканском пространстве принципиально новое и масштабное государственное образование, новый континентальный «центр силы» в форме так называемого «Всемирного Исламистского халифата» (или «Всемирной Исламистской империи»), который при этом стал бы опосредованно контролироваться и управляться именно из Белого Дома. Организационно по своему устройству этот «Халифат» должен был бы объединять в своих рамках все без исключения государства Большого Ближнего Востока (кроме, естественно, Израиля) в единую государственно-политическую, идеологическую, экономическую и военную структуру, включая и страны так называемого «шиитского четырехугольника» – Иран, Ирак, Сирия и Ливан. При этом в качестве главного системообразующего и управляющего центра подобной геополитической и геоэкономической «конструкции» выступали бы прежде всего Саудовская Аравия, а также Катар.

В свою очередь, правящие круги США при «успешной» реализации подобных планов по созданию этой «Всемирной исламистской империи» как одного из ведущих «центров силы» прежде всего на Евразийском континенте (при этом полностью подконтрольного Соединенным Штатам и его главному союзнику в регионе Саудовской Аравии) смогли бы обеспечить для себя на евразийском пространстве важнейшие геополитические и геоэкономические преимущества.

Администрация президента Б. Обамы, практически воплощая в жизнь технологию «стратегия управляемого хаоса» на Большом Ближнем Востоке, в 2010 – 2015 гг. сумела организовать государственные перевороты и отстранить от власти светские политические режимы в Тунисе и Египте, а также спровоцировать начало гражданских войн в Сирии, Йемене и Ливии. Данные события в регионе получили название «Арабская весна» [4, с. 13 – 174]. В результате этих подрывных действий Вашингтона к концу 2016 г. Ливия, Сирия и Йемен превратились в масштабные «зоны хаоса» в рамках данного региона [1, с. 68 – 175].

В 2015 г. руководство РФ по просьбе правительства Сирии приняло решение об оказании широкомасштабной военной помощи этой стране в борьбе с международным терроризмом. Осенью 2015 г. в Сирию была направлена группировка ВКС, а также военные советники, подразделения спецназа и отряд боевых кораблей. Эта группировка российских войск совместно с армией Сирии с осени 2015 г. приступили к реализации масштабной контртеррористической операции.

Как следует в заключение констатировать, благодаря этим решительным действиям правящих кругов России во главе с президентом В.В. Путиным в Сирии к концу 2016 г. все стратегические замыслы подрывной геополитической и геоэкономической программы США в данном регионе, ориентированные на дальнейшую «хаотизацию» Большого Ближнего Востока и создание «Всемирного Исламистского халифата», в итоге оказалась полностью сорванными.

Список литературы

1. Мусин М., Эль Мюрид. Сирия, Ливия. Далее везде! Что будет завтра с нами. – М.: Книжный мир, 2013. – 240 с.
2. Най Д. Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век. – М.: АСТ, 2014. – 448 с.
3. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М.: КомКнига, 2005. – 296 с.
4. ПРОТИВ: протестная книга № 1 в России / Под ред. В.Ю. Дорофеева. – М.: Коммерсантъ: Рид Групп, 2012. – 416 с.
5. Эль Мюрид. ИГИЛ. «Исламское государство» и Россия. Столкновение неизбежно? – М.: Книжный мир, 2016. – 256 с.

ШЕТУЛОВА ЕЛЕНА ДМИТРИЕВНА

Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ РАЗВИТИЯ И ДВИЖЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ: СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Советская философия как этап развития отечественной философии, едва ли не до самого последнего времени, выступала своеобразной «неизвестной землёй». Советская философия либо не рассматривалась, либо интерпретация её содержания была сугубо нигилистической. Лишь с середины нулевых годов XXI века ситуация начала меняться, ввиду появления ряда работ, раскрывающих сущность, идейное наполнение советской философии [2; 6; 7; 8]. Разумеется, история отечественной философии советского периода не представляется завершённой, в том числе, в плане сравнения советского и постсоветского подходов к анализу ряда философских проблем. Предлагаемый материал касается анализа одного из аспектов истории отечественной философии, именно на базе сравнения двух её этапов в решении проблемы соотношения развития и движения.

Советская философия базировалась на диалектико-материалистической методологии, в которой одной из центральных выступала проблема развития. Относительно интерпретации природы развития в советской философии сложились несходные точки зрения. Но одной из ведущих была идея, согласно которой развитие обладает атрибутивным характером. Одна поддерживала идею об атрибутивном характере развития, вторая отрицала за развитием всеобщность и необходимость.

Эта точка зрения представлена, в частности, работами Т.С. Васильевой, В.В. Орлова, Э.Г. Юдина [1; 9]. Сущность данного понимания выражается следующим образом: «Материя рассматривается в динамике её постоянных

движений и изменений, которые либо подготавливают развитие и ведут к нему, либо это развитие непосредственно реализуют» [3, с. 468]. В качестве основы такого понимания выступают три взаимосвязанных момента. Во-первых, такая трактовка базируется на утверждении, что материя это не просто пустая абстракция лишь каким-то образом находящаяся около конкретных вещей и процессов, напротив, имеется сущностное диалектическое единство бесконечной материи и её конечных форм. Во-вторых, фундаментом является идея несводимости друг к другу различных уровней научного анализа, то есть философского уровня к конкретно-научному. В-третьих, в качестве базы выступает известное (даже, хрестоматийное) диалектическое положение о мире как системной целостности, находящейся в постоянном изменении, а последнее всегда есть либо предпосылка, либо фаза, либо продукт какого-либо конкретного процесса развития [3, с. 470].

Подобная интерпретация обладает рядом несомненных достоинств в рамках диалектико-материалистической парадигмы. Она связывает принцип развития с другими важнейшими принципами – единства мира, детерминизма, отражения, что показывает действительно имеющее место возрастание методологической роли принципа развития в науке. Понимание развития как атрибута материи соответствует принципам диалектико-материалистического монизма. Атрибутивность развития, признание за ним всеобщности и универсальности утверждает незавершённость, историчность сущности мира. С другой стороны, встаёт ряд вопросов. Основные из них – в чём сущностная разница движения и развития? Нет ли подмены категории «движения» понятием развития?

В постсоветской философии на ведущие позиции выходит иной подход, отрицающий за развитием всеобщность и необходимость. Здесь развитию отказывается в атрибутивности, такого рода свойство признаётся исключительно за движением. Основой интерпретации выступает убеждение авторов (к примеру, А.А. Макареня, В.Л. Обухова) в сложности и недостаточной проработанности проблемы развития в науке, даже на уровне содержания самого термина. Ибо, что есть развитие – движение от старого к новому, от низшего к высшему, от простого к сложному? В любом случае, как считают А.А. Макареня и В.Л. Обухов упрощённый вариант понимания сложной проблемы, генетически восходящий к давнему и одиозному пониманию, представленному в «Истории ВКП (б)» [4, с. 102]. А понятия «старое», «новое» не имеют отношения к развитию [5, с. 9].

К тому же, по мнению А.А. Макареня и В.Л. Обухова, развитию необходимо придать случайный, а не универсальный характер. Аргументы в подтверждение следующие. Первый – в истории науки и философии долго обходились без термина «развитие». Второй – классическая наука действительно акцентировала внимание на закономерности и необходимости, тогда как современная сосредоточена на непредсказуемости, случайности и это надо учитывать. Третий – актуально развитие проявляется лишь в высшей форме материи, в человеческом обществе [5, с. 18-19].

Отчасти можно согласиться с данной интерпретацией. В частности, с

рядом основных тезисов. Так развитие, конечно, является лишь абстрактным наименованием общего, присущего множеству типов изменений. Но в этом природа любого понятия, а дело философии состоит в том, чтобы обобщать и универсализировать. Нет принципиальных возражений против утверждения о позднем формировании в науке понятия «развитие», хотя этому есть объяснение. Ведь историчность существования любого объекта долго ускользала от внимания многих поколений исследователей в силу уровня развития науки и тех методологических принципов, которые в ней господствовали. Безусловно, и то, что современное познание сосредотачивает своё внимание на многонаправленности, известной непредсказуемости, случайности процессов.

Однако, с другой стороны, можно высказать ряд возражений. Абсолютизация случайности, непредсказуемости в рамках научной методологии не представляется до конца верной, ибо случайность – это лишь особенная форма проявления необходимости. Концентрация внимания исключительно на многонаправленности, альтернативности также неправомерна, ввиду нивелирования закономерностей развития, неизбежно ведущее к представлению мира как хаотического нагромождения различного рода элементов, хотя, как показывают данные современной науки, мир системно организован. Полное устранение детерминированности есть устранение собственно научного подхода к анализу явлений. Общее согласие с положением, что развитие ярко проявляет себя на высшей ступени развития материи, в человеческом обществе корректируется тезисом, что любое свойство материи в наибольшей степени проявляет себя на высоких уровнях её существования, в наиболее развитых её формах, так как зависит от множественности взаимосвязей, в которых находится данный предмет или процесс. Надо учитывать и то, что современное научное познание чётко фиксирует развитие и на досоциальных уровнях развития материи. Так идея развития утверждена в геологии, а в живой природе – в теории эволюции.

Таким образом, исходя из изложенного, представляется правомерной «срединная» позиция в подходе к проблеме развития. Атрибутом материи является движение. Развитие связано с движением, являясь его разновидностью, ведущей, хотя и частной. На более низких ступенях существования материи развитие носит «смазанный» характер. Но на уровне человеческого общества оно ярко выражено, как и любое другое свойство. Развитие, будучи разновидностью движения материи, его неким типом, обладает значением «вектора» самоизменения мира, выражающим сущность движения через его направленность, поскольку любое изменение включает в себя свою направленность.

Список использованной литературы:

1. Васильева Т.С., Орлов В.В. Химическая форма материи. Пермь, 1983.
2. Дзюра А.И. Порвалась связь времен (марксизм и переоценка

ценностей) // Философия и общество. 2006. № 1. С. 42-59.

3. Материалистическая диалектика – философская теория развития // Материалистическая диалектика как общая теория развития. Кн. 4. Диалектика общественного развития. М., 1987. С. 454-516.

4. История ВКП (б). Краткий курс. М., 1950.

5. Макареня А.А., Обухов В.Л. Является ли развитие атрибутом материи? // Природа и дух: мир философских проблем. Кн. 1. СПб., 1995. С. 6-22.

6. Наумова Т.В. Некоторые размышления о проблемах исследований и периодизации истории советской философии // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 1 (107). С. 23-27.

7. Порус В. Феномен «советской философии» // Высшее образование в России. 2006. № 11. С. 154-166.

8. Черняев А.В. «Разрывы и связи»: проблема преемственности в русской философии // Вестник славянских культур. 2015. № 3 (37). С. 32-48.

9. Юдин Э.Г. Развитие // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 561-562.

**ШЕШМЕНЁВА МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА,
САЛОВА ЯНА АЛЕКСАНДРОВНА**

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

**ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА КАК ФАКТОР
СОЦИАЛЬНОЙ НЕУСТОЙЧИВОСТИ В ОБЩЕСТВЕ**

Усложнение современных технологических способов и социально-экономических механизмов повышения эффективности роста национального благосостояния способствует выделению отдельных сфер внутренней политики государства, специализированных на внедрении инновационных разработок. Одной из таких сфер по праву считается инновационная политика.

Инновационная политика государства, таким образом, представляет собой целостную последовательную систему мероприятий, состоящую из приведенных ниже ключевых элементов, реализуемых на муниципальном, региональном и федеральном уровне государственного управления:

– стратегическое планирование по внедрению инновационных продуктов и разработок;

– организационно-процессуальное управление и проблемно-ориентированное администрирование;

– ценностное мотивирование сторон, участвующих в качестве объектов и

субъектов инновационного процесса;

– прогнозно-аналитическая оценка основных перспектив и последствий осуществления инновационной деятельности. [1]

Приоритетным направлением социально-экономического развития современной России в рамках XXI века становится инновационная политика государства. Обеспечение научно-технического прогресса управленческим менеджментом в сфере государственного управления задает основной вектор внутривнутриполитической повестки дня, нацеленной на непрерывное внедрение новшеств и инноваций во все сферы общественной жизни. [3] Существующая на данный момент система регулирования инновационной деятельности в Российской Федерации во многом опирается на технологические заимствования и копирование западноевропейского, а также азиатского опыта по внедрению инновационных услуг и методов в производственные и непроизводственные сферы экономики.

Снижение эффективности показателей от инновационных новшеств, во многом, обусловлено отсутствием учёта специфики и особенностей государственного управления в отдельно взятой стране, выражающегося в недостаточной ориентации государственной инновационной политики на нужды отечественного экономического сектора в сочетании с социальным запросом общества на стабильное поступательное развитие. [5, с. 11]

Инновационная политика государства по управлению процессом создания и внедрения новшеств должна быть органически вплетена в общую систему государственного менеджмента, соотносясь с каждой отдельной сферой как внутренней, так и внешней политики. [2]

При выборе стратегии и тактики проведения инновационной политики стоит учитывать не только экономические факторы и производственные возможности предприятий и организаций, а в большей степени социальную готовность и восприимчивость населения к радикальным переменам инновационного характера в той или иной отрасли.

При любых обстоятельствах, воплощаемая в жизнь инновационная политика в первую очередь должна базироваться на прогнозно-аналитическом анализе, выражающемся в предвидении предстоящих трансформаций, а также готовности населения к нововведениям и модификациям в различных областях общественной жизни.

Специфика российского общества, особенности его исторического развития и своеобразие политической культуры, отражающей по преимуществу консервативные ценности, способны оказывать достаточно сильное сопротивление модернизационным процессам, вектор устремлений которых не соответствует традиционным мировоззренческим установкам. Согласно данной точке зрения, традиционная культура российского общества, прочный фундамент которой был заложен много веков назад и закрепившаяся вследствие переломных событий XX века, мало подвержена изменению, а следовательно ценностные ориентиры, находящиеся в её основании, продолжают превалировать и в современной России.

С одной стороны, в настоящее время среди представителей высшего и

среднего класса можно наблюдать решительную нацеленность на радикальные перемены, обусловленные их внутренней уверенностью в своем текущем благосостоянии. Однако их численность по отношению к представителям низшего класса относительно невелика. С другой стороны, с каждым годом усиливается запрос общества на поддержание стабильности, то есть инерционный путь развития, без резких скачков и перегибов. [4, с. 5] Сказанное заставляет полагать, что данная тенденция напрямую коррелирует с материальным достатком человека и занимаемым им социальным статусом. Чем острее население чувствует необходимость в первичных материальных ресурсах и социальных гарантиях со стороны государственных структур, тем больше усиливается его запрос на стабильность и порядок, который будет организован сверху. Вследствие этого, в кризисные периоды инновационная политика должна учитывать формирующиеся социальные настроения и негативный общественный дискурс в отношении радикальных преобразований, выражающихся во введении новшеств в привычную жизнь.

Осознание непрочности своего социально-экономического положения, неготовности к фундаментальным преобразованиям ключевых сфер окружающей действительности, неуверенности в ближайшем будущем в сочетании с активной воплощаемой инновационной политикой способно привести к возрастанию общей социальной неустойчивости в государстве.

Внутренняя противоречивость последствий социальных изменений в результате введения инноваций, наблюдающихся в данное время, их качественная оценка представляет особую сложность для изучения, так как процесс апробации занимает длительное время. Тем не менее, стоит отметить, что высокотехнологические преобразования неизменно сопровождаются прохождением обществом более интенсивных состояний неустойчивости, вызванных постепенным усложнением системных характеристик. В этих обстоятельствах даже незначительное воздействие инновационной политики на общество может привести к появлению нового типа социальных отношений, а как следствие новой форме социальной неустойчивости, которая трансформирует коренным образом окружающую действительность.

Выявленные специфических особенностей политического поведения и политического сознания россиян в рамках исследования отличительных черт инновационной политики на территории России, позволяют сделать вывод о том, что социально-политический запрос со стороны населения на продолжение стабильности не будет исчерпан до тех пор, пока процесс внедрения инноваций не будет сопряжен с готовностью населения к предстоящим переменам. Игнорирование государством факторов социальной неустойчивости может привести к кризисным проявлениям в социально-политической жизни страны и обострению уже существующих конфликтов. Проводимая инновационная политика государства должна ориентироваться на уровень восприимчивости населения к новшествам и существующий общественный запрос на стабильность или перемены.

Список использованной литературы:

1. Федеральный закон "О науке и государственной научно-технической политике" от 23.08.1996 N 127-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507. Дата обращения: 16.02.2020

2. Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" от 27.07.2006 N 149-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/. Дата обращения: 16.02.2020

3. Федеральный закон от 29.07.2017 N 216-ФЗ (ред. от 26.07.2019) "Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221172/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a/#dst100022. Дата обращения: 16.02.2020

4. Бызов Л.Г. Парадигмы посткризисного развития // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. № 3. С. 5-17.

5. Клименко А.В., Суворинов А.В. Механизмы реализации инновационной политики государства // Инновации. 2005. № 3. С. 11-15.

ШИШКИН АЛЕКСЕЙ ЕФИМОВИЧ

Медицинский университет «Реавиз», ш. Самара, Российская Федерация

ИДЕНТИТЕТ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА

Актуальность. Смена социально-политической системы социализма на капитализм предполагает разрушение одной и формирование другой идентичности человека в парадигме европоцентризма. Рефлексируя тему «прививки» чужими и чуждыми паттернами, мы задаём вопрос: может быть, мы не в ту сторону движемся? Может быть, не так быстро, но нам следует искать свой собственный национальный путь и совершенно в другом направлении?

Методология и методы исследования. Культурно-историческая теория Л.С. Выготского предлагает рассматривать социальную среду как главный источник формирования личности через диалогичность. Концепция гармоничного развития личности М.М. Рубинштейна предполагает продукт не естественной природной заданности, а исторического и культурного совершенствования. Л.С. Выготский и М.М. Рубинштейн считают, что в гносеологическом идеализме мир не дан, а задан.

Обсуждение результатов исследования. Идентичность культурно-

исторической личности обрамляет (завершает) собой все достижения технического, психологического, политического, культурного и социального наследия как кладовой всех святынь нации. Сохранить идентичность культурно-исторического человека означает обеспечить передачу из поколения в поколение основ духовно-нравственной социальной культуры как традиции предков – потомкам, укрепить исторические корни, заложить фундамент безопасности полноты бытия. Благодаря идентификации, человек преодолевает своё одиночество, помогает объединиться с одними и дистанцироваться от других.

Заключение. Теоретическая значимость научной статьи связана с разработкой концепта формирования пассионарного культурно-исторического человека (коммунитариста, исихаста, экзистенциалиста). Практическая значимость исследования заключается в обеспечении ему статуса неприкосновенности, передаче экспертизы как мудрецу, принадлежащему к первой страте и власти с целью обеспечения баланса сил в обществе.

Предмет исследования: идентитет (идеологема; самобытность; подлинный паспорт, который даётся историей, родом, нацией, семьёй, космосом) культурно-исторического человека в контексте коммунитаризма.

Выбор заключается в: либо и дальше разрушать державную страну до придания ей статуса сателлита Запада, либо возродить национальное и религиозное самосознание; либо равнодушно соучаствовать в манкуртизации общества через «смену идентичностей», либо активно формировать пассионариев для регенерации новых ориентиров человечества в самоопределении национальных путей развития.

Методология и методы исследования. Феноменологический подход возвращает конституирующую допредикативную мысль к естественному миру как «вертикальное» измерение опыта (Мерло-Понти). *Экзистенциальный* подход используется как попытка восстановления метафизики через восстановление гармонии трансцендентного и имманентного осмысления мира. *Историко-детерминированный* подход согласуется с духовно-нравственным свободным выбором оставаться «культурно-историческим человеком» (А.Шишкин) или «волком» (Т.Гоббс) в социальных реалиях бытия. *Системный* подход рассматривает различные не согласующиеся между собой парадигмы и предлагает синтез коммунитаризма как альтернативу капиталистическому консьюмеризму.

Обсуждение результатов исследования. Вопросы идентификации связаны с регенерацией или обскурацией, преобразованием или аннигиляцией общества. В одном случае, через приобщение к национальным ценностям человек преодолевает свою бездуховность, в другом – погружается в страсти консьюмеризма и теряет своё самосознание, семью и Родину. Наступает патология человека, коллапс общества и апокалипсис социальной истории. Здесь «все находятся в войне со всеми как в общественной, так и в частной жизни, и каждый с самим собой» [8, с.87].

Перечислим тезисы, позволяющие идентифицировать культурно-исторического человека:

а) *социальный конструкт* формируется в результате взаимодействия «Я» с «Ты» и «Мы» в контексте «столкновения идентичностей», партикуляризма, глобализма и дифференциации на богатых и бедных. Термин «элита» предполагает «лучшее», «отборное», «избранное», но по факту мы видим, что и достойные вне религиозных и национальных ценностей разлагаются и становятся обузой народу (компрадорами). Понятия «социальные сословия» (дворянство, духовенство, купцы, ремесленники), а также «классы» (рабы и рабовладельцы, феодалы и зависимые крестьяне, капиталисты и рабочие) в системе коммуитаризма обесцениваются. Универсализм, интеграция, инкультурация и социализация возможны в условиях патерналистского и коммуитаристского государства. Здесь почитается человек по степени приближения к Богу вечным со-служением и самопожертвованием;

б) *личный конструкт* в эпоху глобализации отличается гибкостью, подвижностью, множественностью, незаконченностью, контекстуальностью, приспособлением под условия, предпосылки и запрос тех, от кого зависит гонорар, приём на работу, получение статуса. Индивид думает, что он «пуп Земли» и своей надменностью выступает общественным тормозом. Вот почему эгоисты и карьеристы никогда не были и не будут двигателем прогресса. К понятию «личность» мы можем прийти только после осмысления триад: «личина, лицо и лик» или «тело, душа и дух». Трансформируются только личина и лицо, но лик озарён Горним светом истины;

в) *профессиональный конструкт* актуализируется в формах артельного труда. Как бы рынок не ломал хребет русскому народу, его лучшая часть – подвижники благочестия всегда будут думать и заботиться о всех и каждом. Выбор мастера, командира, врача, учителя, инженера связан со стратификацией мудреца как самого совестливого, трудолюбивого и заботящегося о всех господина;

г) *религиозная идентичность* братских общин складывается по способу исповедания культуры и образа жизни. Современный человек, не относящий себя к той или иной религиозной конфессии ведёт себя ситуативно. Имеющий духовный (мистический) опыт не станет вливаться в компанию по принципу: лишь бы было весело. Не о гедонизме и эвдемонизме помышляет homo spiritus, а о сотериологии. Этнокультурная, внеинституциональная, гетерономная, индивидуальная и социально-личностная религиозная идентичность включена в религиозный опыт определённой конфессии [1, с.29-32]. Выявлено, что чем выше степень религиозности человека, тем сильнее его поддержка политической системы» [5, с.88];

д) *этнический (гражданский) конструкт* идентичности формируется в согласии со своей национальной принадлежностью. Без патриотической и патерналистской компоненты нельзя верно истолковать интерпретацию прошлого страны, понять её настоящее и будущее [10, с.193]. Идентификация национальных корней культурно-исторического человека предполагает процесс динамики от «я» к «мы» [3, с.41];

е) *гендерная идентичность* русских сказок показывает «конструирование» сильного, доминирующего мужчину и слабую, зависимую,

послушную «женщину», способствуя воспроизведению патриархального сознания [9, с.57]. Социально-политические технологии равноправия, карьеры через квоты в правительство и тендеры в экономике разрушают семью. 80 % разводов говорят о неверном конструкте современной политики государства. Разложение малой ячейки свидетельствует о системном кризисе всей страны. Если мужчина добытчик, воин, исследователь, то женщина ищет комфорт. Она избегает тех областей, в которых не ориентируется (Синглтон «Половые роли в познании») [12]. Статистической разницы между соотношением размеров тела и мозга у мужчин и женщин не обнаружено [11, с.635];

ж) *культурный конструкт* охватывает биологическую (сон, еда, релаксация), производственную (создание орудий труда для жизнеобеспечения: одежда, жилище), духовную (язык, мировоззрение, эстетическая деятельность), социальную (коммуникация, социальные отношения) [2, с.37] стороны жизни человека. Неосознаваемая идентичность человека-консьюмериста нерелексируемо (стереотипно) принимает нормы поведения, привычки, ритуалы. Культурно-исторический человек идентифицирует механизмы, способные объединить группы коммунитаристских общин по 40-50 человек в соборное понятие «Мы» для создания национальных очагов патерналистского хозяйства и традиционной культуры. Никакие личные качества не создадут коммунитаристской общины, если потенциальные силы каждого не будут употреблены на достижение национальных интересов. Понятие «идентичность» является «социокультурным конструктом» [4] имени, половой, расовой и этнической принадлежности, принятия родного языка и места рождения. Традиционная семья и общество ищут сопричастность к культурному наследию, уважают лучшие образцы своего этноса, осознают национальное достоинство в народных и религиозных праздниках.

Выводы и заключение.

Междисциплинарный характер исследования по выявлению идентичности культурно-исторического человека рассматривался как философская категория, как категория социального знания, как психологическая категория, как категория интердисциплинарного знания [7, с. 43-53].

Идентичности в современной социальности не могут описываться и изучаться на основе принципов, сложившихся в сфере классического научного знания, так как они сегодня уже обладают новыми характеристиками, которые не могут быть осмыслены в рамках классического исследовательского подхода [6, с.201].

Исследование показало, что идентичность культурно-исторического человека обусловлена исторической сменой цикличной истории с «чувственной» на «идеациональную» (П.Сорокин) эпоху. Культурно-исторический человек (исихаст, подвижник благочестия, коммунитарист, благородный муж, экзистенциалист, homo spiritus) является надёжным другом, тружеником, семьянином, гражданином. Он в отличие от консьюмериста всегда заботится о немощных стариках, женщинах и детях.

Список использованной литературы:

1. Астапов С.Н. Конструирование религиозной идентичности. Тамбов: Грамота, 2016. № 10 (72) С.29-32.
2. Блинова, Г.П. Русские традиции и народная культура (история и современность): лекции / Г.П. Блинова. – М. : МГУКИ, 2011. – 49 с.
3. Козин Н.Г. Идентификация. История. Человек. Журнал "Вопросы философии", № 1, 2011. С.37-48.
4. Кокуева, Л.В. Духовно-нравственное воспитание дошкольников на культурных традициях своего народа: метод. пособие / Л.В. Кокуева. – М. : АРКТИ, 2012. – 144 с.
5. Локосов В.В. Влияет ли религиозность на политическую консолидацию общества? // Социологические исследования. 2006. №11. С.82–89.
6. Лосева О.М. Теоретико-культурологический анализ идентичности: гендерный аспект. – Краснодар, 2011. – 216 с.
7. Малахов В.С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии . - № 2. 1998. С.43-53.
8. Платон. Сочинения в трех томах. М., 1972. Т.3. Ч.2. С.87.
9. Пушкарева Н.Л. Гендерная асимметрия современной социализации и перспективы тендерной педагогики. – Мурманск, 2001. Ч.1.
10. Шикова Р.Ю. Гражданская идентичность современной молодежи: социокультурный анализ: на примере Республики Адыгея. Майкоп, 2010. – 206 с.
11. Roessmann U; Straumfjord JV; Monroe G. Analysis of brain weight. I. Adult brain weight in relation to sex, race, and age // Archives of pathology & laboratory medicine : journal. – 1980. Vol. 104, no. 12. P. 635-639.
12. Singleton Ch. Sex Roles in Cognition // The Psychology of Sex Roles / Eds. F. Mitchel, B. Cagan. L., 1986.

Раздел III
ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ:
**ВЫСТУПЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ, МАГИСТРАНТОВ И
АСПИРАНТОВ**

СЁМИНА ГАЛИНА ВИКТОРОВНА

Институт философии и социально-политических наук (Южный
федеральный университет), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

**К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ПРОБЛЕМ
САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЭТНОСА В ГЛОБАЛИЗИРОВАННОМ МИРЕ**

Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации в числе приоритетных задач отечественной науки на ближайшие 10 – 15 лет определено обеспечение эффективного ответа российского общества на большие вызовы с учетом взаимодействия человека и природы, человека и технологий, социальных институтов на современном этапе глобального развития. При этом в числе главных больших вызовов названы новые внешние угрозы национальной безопасности, в том числе угрозы утраты национальной и культурной идентичности российских граждан, обусловленные ростом международной конкуренции и конфликтности, глобальной и региональной нестабильностью [1]. Западная техногенная цивилизация своим развитием, нивелирующим признаками национального многообразия и стандартизирующим культуры народов, бросает вызов этническим сообществам. Соответствует ли сила вызова глобализированного мира возможностям российских этносов? Способны ли они дать адекватный ответ, выйти на новый уровень своего развития или вызов окажется непосильным и в этнических сообществах произойдут надломы, которые приведут к потере культурной идентичности?

Только комплексный целевой подход к вопросу изучения российских этносов дает возможность проанализировать историю развития их культур и процессов их современных трансформаций (в религиозных воззрениях, традициях, в народных промыслах) и ответить на актуальные вопросы, поставленные современностью, выработать научно-обоснованные предложения по обеспечению централизованного влияния на самосознание этноса, по формированию и реализации перспективных направлений государственной национальной политики в отношении, например, северокавказского региона, а также взаимоотношений региона и центра.

Исследования этносов берут свое начало в работах С.М. Широкогорова [2], Ю.В. Бромлея [3], Л.Н. Гумилева [4]. Основополагающим для дальнейших исследований в этой области является их вывод о том, что этносы сформировались под воздействием природно-климатических условий и ландшафтов, определивших впоследствии тип их хозяйственной деятельности и мировоззрения, а также повлиявших на вариативность их культурных

традиций. Достаточно важной представляется также концепция Э.С. Маркаряна, согласно которой «культурные традиции образуют ядро всей системы стереотипов человеческой деятельности...» [5, с. 486]. При этом некоторые ученые считают, что традиции тормозят большинство процессов современного глобализирующегося общества «быстрых перемен», а другие, например, профессор Г.В. Драч, указывают на то, что традиция – это не только «запретительный», ограничивающий, стабилизирующий элемент культуры, но и основа обновления социума» [6, с. 21].

Особо актуален сегодня и дискурс о важности формирования системы идентификационных ориентиров между разными взглядами на вопросы идентичности. Так, например, профессор С. Бенхабиб, считает, что человек не должен редуцировать свое сознание как индивида до стандартных форм проявления групповой идентичности и принудительно причислять себя к той или иной этнической, национальной, религиозной группе или социальному классу взамен собственной идентификации, полностью видоизменяя свою индивидуальную культурную природу [7, с. 162]. Профессор М.В. Заковоротная акцентирует на актуальности осознания каждым индивидом своей этнической принадлежности и обязательной самоидентификации [8, с. 30]. А современность со своей космополитической теорией идентичности презентует концепцию «гражданина мира», где современный человек является существом свободным от этнических предрассудков, и представлен частью всего человечества с идеей о всеобщей свободе и равенстве каждого.

Для понимания мировоззрения этнических сообществ автор предлагает синтезировать две концепции: концепцию Р. Редфильда и Г. Гачева. Редфильд предлагал видеть внешний мир непосредственно через призму воззрений носителя исследуемой этнической культуры (его метод эмпатии (сопереживания) использовался для проверки правильности в интерпретации этнических категорий и расстановки акцентов, а также в чувствовании «оттенков» другой культуры) [9]. Г. Гачев основывался на троичности существа: единства тела, души и духа, взаимодополняющих друг друга, концепции, утверждающей, что этнос есть целостность, определяемая триадой Космо-Психо-Логос, где Космос представлен местной природой, Психея выражена посредством характера данного этноса, а Логос – складом мышления [10]. Синтез той и другой поможет понять специфику этноса и его ментальность.

В современных культурах сегодня происходит трансформация таких подсистем, как обыденное сознание, мораль, религия, искусство, наука, философия. Свое внимание на этом вопросе акцентировал В.С. Степин, утверждая, что «все они – результат исторического развития» [11, с. 380]. При этом некоторые трансформации культур в период глобализации взаимосвязаны с угрозами стандартизации этносов, что представлено в работе В.В. Миронова, где он теоретизирует о понятиях социокультурных инноваций и антиноваций, путях их унификации, выявляя при этом возможности взаимодействия традиций и новаций в культурных процессах для поддержания жизнеспособности этносов [12, с. 9].

Таким образом, несмотря на наличие достаточно большого количества научных работ по данной теме, различных интерпретаций понятий нация и этнос, персональной, этнической и гражданской идентичностей, публикаций результатов исследований проблем самоидентификации этносов, как за рубежом, так и в России, это направление является недостаточно разработанным и требует тщательнейшего анализа традиционных культур российских этносов на фоне процессов их трансформаций в глобализированном мире.

Список использованной литературы:

1. Электронный ресурс <https://sudact.ru/law/ukaz-prezidenta-rf-ot-01122016-n-642/strategiia-nauchno-tekhnologicheskogo-razvitiia-rossiiskoi-federatsii/> [Дата обращения: 15.01.2020].
2. Широкогоров С.М. Исследования основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. – Шанхай, 1923. – С.13.
3. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М.: Наука, 1983. – 418 с.
4. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. – СПб.: Кристалл, 2002. – 642 с.
5. Маркарян Э. С. Избранное. Наука о культуре и императивы эпохи. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. – 655 с.
6. Драч Г.В. Трансформации этнокультуры в условиях глобализации // Материалы I Международного конгресса «Пространство этноса в современном мире». – Грозный, Изд. ЧГУ, 2014.– С. 10–22.
7. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. Пер. с англ. Под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2003. – с.162.
8. Заковоротная М.В. Культурная-национальная-космополитическая идентичность: концептуальные изменения в XXI веке. // Ценности и смыслы, 2010, № 5. – С. 22–32.
9. Redfield Robert. Folk Culture of the Yucatan.–The University of Chicago Press, Chicago & London, 1941.– 416 p.
10. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. М.: Институт ДИ-ДИК. 1999. – 368 с.
11. Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб.: СПб ГУП, 2011. – 408 с.
12. Миронов В.В. Глобализация и угрозы унификации // Философские искания. Московско-Петербургский сборник. М: Изд. МГУ, 2011. – С. 7–26.

ФИЛИТОВИЧ СОФЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА

Студент, Санкт-Петербургский политехнический университет им. Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУР КАК ОСНОВА ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ ЛЯН ШУМИНА

Закономерности исторического процесса издавна интересовали передовые умы человечества. Китайские мыслители не стали исключением. В начале XX в. в Китае не утихали о споры о дальнейшей судьбе страны после произошедших изменений в ходе Синьхайской революции, падения империи, устои и порядки которой существовали несколько тысячелетий. Общество, привыкшее к цикличности истории, разделилось на лагеря, в которых обсуждались пределы «вестернизации» китайской культуры. В этот период в дискуссию вступил Лян Шумин (1893–1988 гг.) – конфуцианский мыслитель, испытавший влияние буддизма в молодости. В попытках определить место китайской культуры в новом миропорядке, Лян предложил принципиально новый взгляд на философию истории и философию культур, который соединил в себе влияние и западных учений, и восточной философии, а также обозначил возможность спасения Китая только при условии «возвращения к истокам» – конфуцианству. Лян разделил исторический процесс основываясь на преобладании в мире трех культур: западной, китайской и индийской.

Философия культуры оказывается подразделом философии истории, изучающим сущностные особенности трёх этапов исторического процесса [2, с.129].

Лян Шумин выделяет три вида проблем, с которыми сталкивается человек в течение жизни. Первая проблема – это удовлетворение базовых потребностей индивида в еде, одежде, жилище и воспроизведении потомства. Вторая – удовлетворение потребности в эмоциональной сфере и, в том числе, поддержание гармоничных отношений в семье и обществе. Наконец, третья проблема – удовлетворение потребности в духовной сфере, в которой люди могут понять смысл их жизни.

Также Лян считал, что параллельно с перечисленными выше проблемами существуют три культурных подхода или направления воли (路向 «лу сянь») для их решения.

Первое направление воли представляет собой западная культура. Она стремится подчинить себе окружающую среду, включая природу и других людей, чтобы удовлетворить базовые нужды в пище, жилище, воспроизведении потомства или, как обозначил Лян, западная культура олицетворяет собой «позицию борьбы» [5, с. 61]. Её развитие Лян делил на две фазы: завоевание природы и эксплуатация природы [4, с. 226–227]. Эта проблема оказалась проблемой взаимодействия человека с внешней средой, поскольку первое, что окружает человека – материя, протянул свою руку и то, что он ощутил – материя, то, на чем он стоял было материей. Поэтому первой проблемой и оказалось подчинение природы, с чем Запад практически справился, но затем

возникает другая проблема – взаимодействие человека с человеком.

Здесь и выходит на первый план второе направление воли, которое представлено китайской культурой. Вместо того, чтобы бороться с окружающей средой, она стремится к гармонии с окружающей средой и ищет ментального удовлетворения посредством неё, в отличие от западной культуры: «Идеи китайцев – смирение, удовлетворенность, умеренность в желаниях, отсутствие стремления к материальным удовольствиям. Однако, это не равно индийским идеям о воздержании» [5, с.72]. По мнению Ляна, проблема взаимодействия человека с человеком хотя и выйдет на первый план, проблема взаимодействия человека с природой полностью не исчезнет, а значит наука и промышленность будут развиваться. Китайская культура основана на семейных ценностях. Однако за возрождением китайской культуры придет и возрождение индийской культуры.

Третье направление представлено индийской культурой. Акцент делается на том, что в конечном итоге противоречия между людьми и природой иллюзорны, а человеческое счастье лежит в духовном просветлении, благодаря которому эти противоречия преодолеваются полностью, отрицая их. Древнее индийское общество, по словам Ляна, отрицало жизнь, говоря, что человеческая жизнь не имеет никакой ценности, поскольку проходит в заблуждении и растерянности. Хотя буддизм не являлся первой религией, возникшей в Индии и предложившей вышеупомянутые идеи, он привел их к естественным выводам. Таким образом, в будущем человек будет стремиться к освобождению от мирских забот (мукти).

Лян Шумин утверждал, что все три направления имеют под собой основание, поскольку они стремятся удовлетворить потребности человека на трех уровнях.

Люди должны начать с первого направления, чтобы решить первую проблему. Они не должны смещать свое внимание на вторую или третью проблемы, прежде чем первая будет в достаточной мере решена. Тем не менее, в отличие от западной, культуры Китая и Индии обратились к решению второй и третьей проблемы соответственно. Здесь Лян Шумин вводит термин «преждевременно созревших» культур (早熟). Что именно вкладывал в это понятие Лян? В первую очередь, в отношении китайской культуры, это «преждевременное раскрытие разума» [1, с.136]. По словам Ляна, преждевременное рождение разума явилось причиной отставания Китая в каких-либо сферах. В то же время разум является доминирующим принципом второй фазы развития культуры после того, как люди удовлетворят свои материальные потребности на первой.

Лян предложил два решения этой проблемы. Первое – возникновение совершенно новой универсальной культуры, которая заменит как китайскую, так и западную культуры. Здесь основным путем решения дилеммы выступает сама история. Второе решение предполагает появление новой культурной единицы, объединяющей в себе достижения западной и китайской культур: «Если в Китае появится [новый способ] социальной организации, это должно быть нечто, слитое с конкретными фактами как Китая, так и Запада... Это

организация, основанная на разуме. Он не только в достаточной мере обеспечивает развитие человеческого духа, но и содержит в себе преимущества западной культуры» [3, с.162].

Что касается индийской культуры, она так же созрела преждевременно, как и китайская, только в религиозном плане. Религия должна помочь в решении проблем в духовной сфере, т.е. объяснить людям суть бытия. С этой задачей, по мнению Лян Шумина, должен был справиться именно буддизм, возникший в Индии. Однако пока не решены первые две проблемы, возрождения индийской культуры не наступит: «И только в будущем, когда все люди будут устроены в материальном отношении, о такой жизни задумаются все» [2, с. 163]. Также Лян даёт обоснование тому, почему в Китае не развилась религия. Он утверждал, что большую роль в этом сыграл Конфуций: «Конфуций требовал от каждого человека самостоятельно судить о должном добре и зле» на Западе же за это отвечала религия, которая «побуждала верить в нечто внешнее, другое» [1, с. 135].

Опираясь на вышеописанные концепции, можно сделать следующие выводы. Лян Шумин сумел построить стройную систему философских взглядов, основываясь на глубоком анализе психологии человека, а также культурных и исторических различиях, присущих какой-либо цивилизации. Выделяя различные типы культур, Лян Шумин руководствовался преобладающим видом познания в определенной культуре, а также направлением воли в микрокосме. Ближайшее будущее этого мира Лян видел за доминированием культуры Китая, и в своих работах он давал чёткое обоснование своим взглядам, хотя и добавлял, что расцвет китайской культуры произойдет, если китайцы сами познают её.

Список использованной литературы:

1. Лян Шумин. В чем специфика китайской культуры? / пер. с кит. А.Б. Калкаевой// Проблемы Дальнего Востока. – 2004. № 4. С. 131–141.
2. Старостина А.Б. Философия истории Лян Шумина. М., 2009. 280 с.
3. An Yanming. Liang Shuming: Eastern and Western Cultures and Confucianism// Contemporary Chinese Philosophy/ edited by Chung-ying Cheng, Nicholas Bunin. Blackwell, 2002. P. 147–164.
4. 艾愷.这个世界会好吗? 梁漱溟晚年口述:汉对照梁漱溟.北京, 2010. 295 页. (Алитто Г.С. Есть ли будущее у этого мира? Диалоги с последним конфуцианцем. Пекин, 2010. 295 с).
5. 梁漱溟.东西文化及其哲学.北京, 1999. 254 页. (Лян Шумин. Культуры Востока и Запада и их философии. Пекин, 1999. 254 с).

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Авдошин Георгий Валерьевич

Кандидат философских наук, доцент, Кафедра «Философия и медиакommunikации», ФГБОУ ВО «Казанский государственный энергетический университет», г. Казань, Российская Федерация, E-mail: avdoshing@gmail.com

Адамов Алексей Константинович

Доктор медицинских наук. профессор, действительный член Российской академии медико - технических наук, член – корр. Академии технологических наук РФ, Заслуженный изобретатель РФ, профессор кафедры Социальных коммуникаций ФГБОУ ВО Поволжского института управления имени П.А. СТОЛЫПИНА, филиал РАНХиГС при президенте Российской Федерации, г. Саратов. E-mail: adamovnoosfera@yandex.ru

Арутюнян Каринэ Сергеевна

Кандидат философских наук, доцент, Кафедра истории, философии и права, ФГБОУ ВО Рязанский государственный радиотехнический университет им В.Ф.Уткина, г.Рязань, Российская Федерация, E-mail: Carin-dop@yandex.ru

Берендеев Вадим Анатольевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры теории политики и коммуникации Института международных отношений и мировой истории ФГБОУ ВО ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: weiss-tiger@yandex.ru

Богатырева Людмила Геннадьевна

Кандидат философских наук, доцент кафедры сервиса и туризма, ФГБОУ ВО "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского" (ННГУ им. Н.И. Лобачевского), , г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: mila_nki@mail.ru

Валишин Фан Талгатович

Философско-Методологический Центр-Динамизм, г. Казань, Российская Федерация, E-mail: dinamism@yandex.ru

Владимиров Александр Анатольевич

Доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Волжский государственный университет водного транспорта», город Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: Vladimirov-1945@mail.ru

Гимкаева Альбина Динаровна

Ведущий специалист Отдела международных проектов факультета Высшая школа бизнеса, ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация, E-mail: albina.gimkaeva@mail.ru

Гурьянов Алексей Сергеевич

Доктор философских наук, доцент кафедры философии и медиакоммуникации, ФГБОУ ВО Казанского энергетического университета, г. Казань, Российская Федерация, E-mail: alexeigurianov@rambler.ru

Данилова Вера Софроновна

Доктор философских наук, доцент, ФГБОУ ВО Северо-Восточный Федеральный университет. г. Якутск, Республика Саха (Якутия) E-mail: nikozh@gmail.com

Дуплинская Юлия Михайловна

Доктор философских наук, доцент, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», Российская Федерация, г. Саратов E-mail: duplinskaya@mail.ru

Егорова Татьяна Игоревна

Кандидат юридических наук, докторант факультета подготовки научно-педагогических кадров, Академия Федеральной службы исполнения наказаний, г. Рязань, Российская Федерация, E-mail: madamti62@yandex.ru

Ермолович Дмитрий Валентинович

Кандидат философских наук, Доцент, доцент кафедры Социально-гуманитарных дисциплин и менеджмента, ЧУО «Институт современных знаний им. А.М. Широкова», Республика Беларусь, г. Минск, E-mail: ermolovichdv@gmail.com

Заладина Марина Владимировна

Старший преподаватель МИиФН, ФГБОУ ВО «Нижегородский Государственный Технический Университет им. Р.Е.Алексеева», г.Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: marina.zaladina@yandex.ru

Зеленов Лев Александрович

Доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, город Нижний Новгород, Российская Федерация

Зеленцова Марина Григорьевна

Доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Ивановский государственный химико-технологический университет», г. Иваново, Российская Федерация, E-mail: marigumm@gmail.com

Зубкевич Лада Альбертовна

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии физического факультета, ФГБОУ ВО Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им Н.И. Лобачевского», город Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: lada-zubk@rambler.ru

Каримов Артур Равилевич

Доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой социальной философии, ФГБОУ ВО Казанский федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация, E-mail: Anthropology.ksu@mail.ru

Ковшов Евгений Михайлович

Доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, ФГБОУ ВО Самарский государственный технический университет, г. Самара, Российская Федерация, E-mail: kovshovem@rambler.ru

Кожевников Николай Николаевич

Доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО Северо-Восточный Федеральный университет. г. Якутск, Республика Саха (Якутия), Российская Федерация, E-mail: nkozhev@mail.ru

Кудряшев Александр Федорович

Доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО Башкирский государственный университет, г. Уфа, Российская Федерация, E-mail: philozof@mail.ru

Лойко Александр Иванович

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философских учений, Белорусский национальный технический университет, Республика Беларусь, г. Минск, E-mail: alexander.loiko@tut.by

Лойко Лариса Егоровна

Кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и идеологической работы, Учреждение образования «Академия МВД Республики Беларусь», Республика Беларусь, г. Минск, E-mail: larisa.loiko@tut.by

Магомедов Камиль Магомедович

Кандидат философских наук, доцент, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Российская Федерация E-mail: magomedov49@mail.ru

Маслов Вадим Михайлович

Доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, ФГБОУ ВО Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: maclov@bk.ru

Нагорнов Евгений Александрович

Кандидат культурологии, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Балахнинского филиала, ФГБОУ ВО Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: evnagor@yandex.ru

Петев Николай Иванович

Кандидат философских наук, доцент, кафедра Философии и религиоведения, Гуманитарного института, ФГБОУ ВО Владимирский государственный университет «имени А. Г. и Н. Г. Столетовых», г. Владимир. Российская Федерация, E-mail: cyanideemo@mail.ru

Петров Вадим Петрович

Доктор философских наук, профессор ФГБОУ ВО Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород, Российская Федерация; e-mail: vadpetrov54@gmail.com

Пиляк Сергей Александрович

Начальник отдела департамента культуры Костромской области, г. Кострома, Российская Федерация, E-mail: s.pilyak@mail.ru

Подоль Рудольф Янович

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, ФГБОУ ВО Рязанский Государственный университет имени С.А. Есенина, г. Рязань, Российская Федерация; e-mail: r.podol@365.rsu.edu.ru

Прохоров Михаил Михайлович

Доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: mmpro@mail.ru

Сёмина Галина Викторовна

Аспирант 3 года обучения кафедры теории культуры, этики и эстетики ИФ и СПН ЮФУ, Институт философии и социально-политических наук (Южный федеральный университет), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, E-mail: semina_galya@mail.ru

Сорокин Роман Владимирович

Аспирант кафедры философии, ФГБОУ ВО Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: romsor36@mail.ru

Стеклова Ирина Владимировна

Доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» г. Саратов, Российская Федерация, E-mail: irinasteklowa@yandex.ru

Стерледев Роман Константинович

Доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, ФГБОУ ВО «Пермский государственный медицинский университет им. акад. Е.А. Вагнера» Минздрава России, г. Пермь, Российская Федерация, E-mail: 4438767@rambler.ru

Стерледева Тамара Дмитриевна

Доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Пермский государственный медицинский университет им. акад. Е.А. Вагнера» Минздрава России, г. Пермь, Российская Федерация, E-mail: cenzia@rambler.ru

Фармаковский Владислав Васильевич

Старший научный сотрудник научно-исследовательского института прикладной математики и кибернетики (НИИ ПМК) Нижегородского государственного университета (ННГУ) им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация; e-mail: vladpharm@gmail.com

Фатенков Алексей Николаевич

Доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация; e-mail: kfa@fsn.unn.ru

Федорова Жанна Викторовна

Кандидат философских наук, доцент, кафедры философии и медиакоммуникаций, ФГБОУ ВО Казанский государственный энергетический университет, г.Казань, Российская Федерация, E-mail: Fedorov_zhanna_v@mail.ru

Филитович Софья Александровна

Студент, Высшая школа международных отношений, ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский Политехнический Университет имени Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация, E-mail: sophiefilitovich@gmail.com

Чумаков Валерий Александрович

Член Философского клуба ФГБОУ ВО Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: va-chumakov-f@mail.ru

Шамин Игорь Валерьевич

Доктор политических наук, доцент, доцент кафедры мировой дипломатии и международного права, Институт международных отношений и мировой истории, ФГБОУ ВО Национальный Исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: shamin_64@mail.ru

Шетулова Елена Дмитриевна

Доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Методологии, истории и философии науки», ФГБОУ ВО Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: shetulowa@yandex.ru

Шешменёва Мария Васильевна

Преподаватель кафедры Прикладного политического анализа и моделирования, ФГБОУ ВО Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: sheshmenyova@mail.ru

Шишкин Алексей Ефимович

Кандидат педагогических наук, доцент социальной философии, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, ЧУОО ВО Медицинский университет «Реавиз». г. Самара Российская Федерация, , E-mail: ladomir12345@rambler.ru

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ФИЛОСОФИИ:
НЕУСТОЙЧИВОСТЬ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Сборник статей

по материалам XV Международной научной конференции
(Н. Новгород, ННГАСУ, 20 марта 2020 г.).

Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования
«Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет
603950, Нижний Новгород, ул. Ильинская, 65
<http://www.nngasu.ru>, srec@nngasu.ru